

Т. А. БИССОН

**ВОЕННАЯ
ЭКОНОМИКА
ЯПОНИИ**

Т. А. БИССОН

ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА ЯПОНИИ

Перевод с английского
Г. В. КОНЮШКОВА

Под редакцией
проф. К. М. ПОПОВА

Вступительная статья
Я. А. ПЕВЗНЕРА

1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва

**JAPAN'S
WAR ECONOMY**

**by
T. A. BISSON**

NEW YORK

1945

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

2 сентября 1945 г. представители японского правительства и военного командования подписали в Токио акт о безоговорочной капитуляции. «Разбитая наголову на морях и на суше и окруженная со всех сторон вооруженными силами Объединенных Наций, Япония признала себя побежденной и сложила оружие», — возвестил в тот день в своем обращении к народу товарищ Сталин *. В том же обращении товарищ Сталин напомнил о нашем особом счете к Японии — о многочисленных актах агрессии, совершавшихся империалистической Японией по отношению к нашей Родине на протяжении четырех десятилетий.

Советский народ успешно ликвидировал японскую военную интервенцию 1918—1922 гг., вдребезги разбил все попытки Японии захватить нашу территорию в последующие годы. Но опасность японской агрессии этим еще не была ликвидирована. Японские империалисты упорно готовились к войне с Советским Союзом. Создав мощные военные плацдармы у наших дальневосточных границ, они ждали лишь удобного момента для того, чтобы вновь приступить к осуществлению своих коварных замыслов. В разгар советско-германской войны японские агрессоры сосредоточили на советских границах огромную армию, ожидавшую сначала, в 1941 г., падения Москвы, а затем, после разгрома немцев под Москвой, в 1942 г., — падения Сталинграда, для того чтобы напасть на Советский Союз. Благодаря героической борьбе советского народа удобный момент, которого ожидали японцы, так и не наступил, но провокационное поведение японских

* И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, М., 1946 г., стр. 203.

союзников Гитлера на советских дальневосточных рубежах заставило Советский Союз даже в труднейшие месяцы войны с фашистской Германией держать часть вооруженных сил на Дальнем Востоке, что в немалой степени затруднило дело скорейшего разгрома гитлеризма и вызвало дополнительные жертвы советского народа в Великой Отечественной войне.

Советский Союз сыграл решающую роль в разгроме империалистической Японии. Всего за несколько дней до объявления советским правительством войны Японии японское правительство отклонило требование союзников о капитуляции. Японская военщина тщательно подготовилась к обороне японских островов. С другой стороны, правящие клики Японии рассчитывали на то, что затяжка войны и потери при попытках высадки войск на Японские острова усилят в американско-английском лагере влияние дальневосточных «мюнхенцев» и откроют дорогу для империалистического мира за счет интересов стран Восточной Азии — жертв японской агрессии.

Однако надеждам захватчиков и их англо-американских друзей не суждено было сбыться. Коварные замыслы японских правящих кругов были сорваны, когда советское правительство, стремясь к скорейшему прекращению второй мировой войны и выполняя свои обязательства перед союзниками, объявило войну Японии. В жестоких боях на полях Маньчжурии и Кореи советские вооруженные силы разгромили отборные войска японского милитаризма — Квантунскую армию, и Япония вынуждена была капитулировать. Рухнуло марионеточное государство Маньчжоу-Го, и освобожденная Советской Армией Маньчжурия смогла воссоединиться с Китаем.

Японская империя перестала существовать. Корея — самая крупная из бывших японских колоний — была освобождена от ига японских империалистов; Формоза — возвращена Китаю; Курильские острова и Южный Сахалин, захваченные японскими хищниками у царской России, — возвращены Советскому Союзу и стали неотъемлемой частью Российской Федерации. Так бесславно кончились захватнические авантюры японских милитаристов. Империалистическая Япония, пытавшаяся подчинить себе

все страны Азии и Тихого океана, разделила судьбу своего союзника — гитлеровской Германии.

Исключительная агрессивность Японии была обусловлена прежде всего стремлением воротил японского финансового капитала и японских помещиков, контролировавших всю хозяйственную и политическую жизнь страны, захватить в свое монопольное владение рынки сбыта, земли и источники дешевого сырья в странах Дальнего Востока и Тихого океана. Поэтому, чтобы подорвать милитаристские устои Японии, необходимо было прежде всего сокрушить мощь японской монополистической буржуазии (дзайбацу) и японских помещиков.

Задача демократизации Японии после войны заключалась прежде всего в решительном подрыве власти и влияния всех групп правившего реакционного блока, в ликвидации дзайбацу и помещичьего землевладения, в аресте и предании суду всех военных преступников, в разоружении армии и флота, в роспуске всех милитаристских и шовинистических организаций, в чистке и демократизации государственного аппарата и в то же время — в поощрении деятельности демократических партий и организаций.

Однако американский империализм, осуществляющий оккупацию Японии, преследует прямо противоположные цели. В годы войны американские империалисты ставили перед собой задачу разбить Японию как конкурента и утвердить свое господствующее положение на Дальнем Востоке. После войны американские империалисты отводят японской реакции место одного из ударных отрядов в подготавливаемой ими войне против СССР и стран народной демократии. В связи с громадным ростом и победами национально-освободительного и демократического движения Китая и других стран Востока, американские империалисты видят в японской реакции силу, на которую они могут опереться в борьбе за сохранение и восстановление колониального господства империализма в Азии.

«Вчерашние агрессоры, — гласит декларация совещания представителей некоторых компартий по вопросу о международном положении, — капиталистические магнаты Германии и Японии готовятся Соединенными

Штатами Америки к новой роли — стать орудием империалистической политики США в Европе и в Азии» *.

Американские империалисты стремятся превратить Японию в свою вотчину, в рынок прибыльного сбыта товаров и выгодного приложения капиталов. В борьбе за достижение этих целей американский империализм нашел естественного союзника в лице правившего Японией реакционного блока и прежде всего в лице главенствовавших в этом блоке японских монополистов — дзайбацу. Весьма показательно, что главари дзайбацу даже во время войны открыто говорили о своих расчетах на будущий союз с американско-английской монополистической буржуазией. 10 декабря 1941 г., на третий день после атаки японской авиации на Пирл-Харбор, владелец одного из двух самых мощных в Японии концернов — концерна Мицубиси, контролировавшего не менее $\frac{1}{3}$ японской военной промышленности, — барон Коята Ивасаки в меморандуме, зачитанном на конференции директоров многочисленных компаний концерна, заявил следующее: «Наши американские и английские друзья до настоящего времени разделяли с нами предпринимательство и пользу от него, как добрые друзья и партнеры. Несчастливым образом разъединенные, мы в настоящее время принадлежим к двум воюющим между собой группам наций. Государство, вероятно, должно будет принять законные меры в отношении их собственности, но наша старая дружба никогда не должна страдать в связи с этими мерами. На нас, японцев, ложится гражданская ответственность за то, чтобы, где только возможно, взять в пределах закона под защиту их (американцев и англичан. — Я. П.) личности и права. Когда наступит мир, они снова окажутся нашими дорогими партнерами, так же, как они были нашими хорошими друзьями в прошлом» **.

В милитаристской Японии, где малейшее упоминание об интернациональной солидарности трудящихся даже в мирное время каралось тюрьмой и смертью, никому из

* Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г., стр. 7.

** *Pacific Affairs*, сентябрь 1946 г., стр. 228.

представителей власти не могло и в голову притти обвинить в антипатриотизме магнатов финансового капитала, создателей военной машины и вдохновителей агрессии, космополитствующих врагов японского народа, предусмотрительно проявлявших в военное время столь трогательную заботу о своих «дорогих партнерах» из числа американских и английских монополистов.

Империалистические интересы Уолл-стрита определили отношение американских властей к магнатам японского финансового капитала после капитуляции Японии: последние не только не были преданы суду, но созданная еще до войны на Тихом океане лживая легенда о непричастности дзайбацу к агрессии была превращена в одно из средств для сохранения богатства и власти в руках военных преступников — вдохновителей войны — воротил японского монополистического капитала. Пропаганде этой легенды посвящено множество книг, начиная от вышедших в 1944 г. мемуаров дальневосточного мюнхенца № 1 — бывшего посла США в Японии Джозефа Грю и кончая бесчисленными «трудами» американских журналистов, «исследовавших» политические и социальные условия в Японии, не выходя из токийских чайных домиков. Лишь очень редко в потоке легковесных, лживых и пустых брошюр, статей и книг о Японии, издаваемых в США, встречаются серьезные работы, авторы которых пытаются подвергнуть социальные и политические условия в Японии трезвому и вдумчивому анализу.

К числу таких работ относится предлагаемая советскому читателю, вышедшая в США в конце 1945 г. книга автора нескольких обстоятельных монографий о Японии и Китае Т. А. Биссона «Военная экономика Японии». Ценность книги Биссона определяется прежде всего тем, что ее автор поставил перед собой задачу исследовать военную экономику Японии в политическом аспекте, с точки зрения того, кто управлял Японией и ее хозяйством в годы войны, какова была расстановка политических сил в правящем лагере и роль различных клик внутри этого лагеря в политической и хозяйственной жизни. Несмотря на неправильность или сомнительность многих выводов и характеристик, даваемых автором, приводимый в книге обширный фактический материал

помогает разоблачению демагогии фашистских политиков о создании в годы войны «управляемой» или даже «плановой» экономики, а главное — помогает разоблачению роли монополий в качестве вдохновителей войны и создателей японской военной машины. В настоящее время, когда фашиствующие «теоретики» империализма и их приспешники правые социалисты вновь пытаются поднять на щит теории «регулируемого капитализма», «бескризисного развития» и т. п. и прикрыть этими «теориями» грабительские планы американских и прочих монополистов, анализ развития военного хозяйства в различных странах империализма в годы второй мировой войны имеет отнюдь не только академическое значение. Такой анализ должен помочь разоблачению тех сил империалистического лагеря, которые выступают в качестве поджигателей новой мировой войны.

«... в политике, — писал В. И. Ленин, — не так важно, кто отстаивает непосредственно известные взгляды. Важно то, кому *выгодны* эти взгляды, эти предложения, эти меры». Приведя данные об огромных дивидендах английской военно-промышленной фирмы «Армстронг и К^о», В. И. Ленин заключает: «... Армстронг в Англии, Крупп в Германии, Крезо во Франции, Кокериль в Бельгии, а сколько их во всех «цивилизованных» странах? А тьма тём поставщиков?

Вот кому *выгодно* раздувание шовинизма, болтовня о «патриотизме» (пушечном патриотизме), о защите культуры (орудиями истребления культуры) и так далее» *.

На первых же страницах своей книги Биссон отмечает версию о непричастности дзайбацу к войне, как не соответствующую действительности. «Странные вещи рассказывают об этих японских дзайбацу, — пишет он. — Говорят, например, что это мирные люди, не верящие в войну, — хотя они разжирили на следовавших одна за другой войнах, которые заканчивались — до последней войны — неизменным успехом».

Назвав свою книгу «Военная экономика Японии», Биссон, тем не менее, не дает всестороннего анализа японской экономики во время войны. В центре его вни-

* В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 19, стр. 33—34.

мания — экономическая политика японского правительства, борьба вокруг различных проектов «экономического контроля», борьба между различными фракциями правящего лагеря, связанная с развитием военного хозяйства. Как мы покажем ниже, такое сужение автором круга рассматриваемых им вопросов не дает читателю возможности получить всестороннее представление о характере и об итогах развития экономики Японии. Автор — буржуазный исследователь — ставит перед собой узко практические цели — найти путь для «обезвреживания» японского империализма, для ликвидации японской угрозы на Тихом океане с точки зрения интересов капиталистической Америки. Биссон избегает прямых политических выводов, которые напрашиваются из производимого им анализа фактического материала — выводов о том, что только полное лишение правившей Японией империалистической клики принадлежавшей ей власти и богатства и создание новой, народно-демократической власти, возглавляемой непримиримыми борцами против империализма, могут привести к полной ликвидации «японской угрозы», к превращению Японии в миролюбивую и демократическую страну.

Но в то же время, в отличие от большинства американских буржуазных авторов, выступающих в защиту политики Уолл-стрита в Японии, направленной к сохранению дзайбацу и «сотрудничеству» с ними, Биссон посвящает свою книгу разоблачению мифа о мнимой **противоположности** интересов японских монополистов и военщины и прямо формулирует вывод, что ликвидация дзайбацу является необходимым условием подрыва японского империализма.

«Если им (японским монополистам. — Я. П.), — пишет Биссон, — все же будет предоставлена возможность сохранить свое положение в ослабленной экономике Японии, то вокруг них, как вокруг центра, сгруппируются все те элементы, которые будут искать возможности снова вернуться к борьбе за создание империи. Если, кроме того, будет сохранен и старый бюрократический государственный аппарат и ему будет дана возможность действовать на основе конституции 1889 г., что равнозначно и сохранению императорской власти, то налицо будут все

предпосылки для возобновления японской агрессии по старым образцам. Устранить милитаристов и оставить в неприкосновенности эти элементы японской олигархии — значит повторить ошибки, совершенные в отношении Германии после первой мировой войны».

Этот коренной тезис своей книги Биссон обосновывает обстоятельным анализом руководящей роли дзайбацу в политике японского правительства в годы войны. В этом основная ценность работы Биссона. Автор показывает, что основными органами военно-экономического регулирования в годы войны стали объединения монополистов, картели, переименованные в «контрольные ассоциации» или «контрольные компании», во главе которых были поставлены директора крупнейших банков или компании дзайбацу. Монополистические объединения приобрели права государственных органов, и, поскольку подчинение всех без исключения предприятий данной отрасли хозяйства вышеупомянутым контрольным компаниям и ассоциациям было обязательным, владельцы концернов, стоявших во главе картелей, приобрели в сущности легальное право неограниченного контроля над предприятиями аутсайдеров, средних и мелких предпринимателей, над всем народным хозяйством Японии.

Политика стоявшей у власти японской фашистской военщины предстает в своем подлинном свете — как политика в интересах воротил японского монополистического капитала, как политика, диктовавшаяся магнатами дзайбацу.

В реакционном блоке, правившем Японией, всегда происходила грызня между различными его фракциями: дзайбацу, помещиками, военщиной, дворцовой и правительственной бюрократией. Происходила борьба по отдельным политическим вопросам, шла грызня за министерские посты, куда каждая клика стремилась продвинуть своих ставленников, которые не только обеспечивали бы проведение общего курса политики господствующего лагеря, но и защищали бы специальные фракционные интересы той или иной группы. Борьба эта порой принимала даже довольно острые формы. Но разногласия между разными кликами касались лишь второстепенных и третьестепенных вопросов, по основным же вопросам

внутренней и внешней политики дзайбацу, бюрократия и военщина были единодушны. Они были единодушны в общем стремлении к развязыванию агрессивной войны, к порабощению чужих народов и в общей враждебности к японскому народу, в общем стремлении подавить всякое демократическое движение в стране. Именно для осуществления этих задач реакционный правящий блок, и в первую очередь дзайбацу, и выдвинул на первый план свою агентуру — фашистскую военщину («экстремистов», по терминологии Биссона), возложив на нее задачу террористического подавления демократического движения в стране и развязывания захватнической войны.

Приводимый Биссоном фактический материал убедительно свидетельствует о том, что вся история политической борьбы внутри господствующего лагеря в период войны происходила под знаком усиления политического влияния дзайбацу в новых условиях — в условиях ослабления, а затем роспуска старых реакционных буржуазно-помещичьих политических партий — сейюкай и минсейто, — которые в период «партийных кабинетов» (1924—1932 гг.) были главной политической опорой дзайбацу.

Финансовый капитал Японии осуществлял политическую гегемонию путем обеспечения за своими представителями командных позиций во всех высших органах государственной власти — в дворцовом окружении, в правительстве и в министерствах, в парламенте и в парламентских органах. Прямыми представителями классовых и узко фракционных интересов клики дзайбацу в высших органах власти выступали прежде всего подвизавшиеся на политическом поприще директора крупнейших компаний концернов; лидеры прежних политических партий сейюкай и минсейто; представители придворной аристократии, члены палаты пэров, высшие правительственные чиновники, которые в своем подавляющем большинстве сами были в той или иной степени причастны к «большому бизнесу», и, наконец, многие выходцы из военной касты, в особенности из военно-морских кругов.

В созданном 16 октября 1941 г., накануне войны на Тихом океане, кабинете во главе с генералом Тодзио

первоначально почти все портфели принадлежали представителям военной клики. Однако именно при этом кабинете была осуществлена разработанная при предыдущих кабинетах, выгодная для дзайбацу система военно-экономического контроля. «Правительство, — пишет Биссон, — не осуществляло своего контроля против воли монополистов, а действовало на условиях, выдвинутых дзайбацу и в желательном для них направлении. Еще в меньшей степени можно сказать, что милитаристы навязали свою волю лидерам бизнеса. Вся история отношений между Тодзио и дзайбацу, как до, так и после войны на Тихом океане, отвергает подобное заключение».

Именно в то время, когда Тодзио был премьер-министром, при кабинете министров был создан «комитет советников», возведенных в ранг «синнин», соответствующий рангу министра. Все восемь членов первого состава этого комитета состояли из прямых представителей финансовой олигархии; они возглавляли контрольные ассоциации и контрольные компании в важнейших отраслях военной промышленности. Таким образом, высшие должностные лица и совладельцы концернов, ближайшие и самые надежные сотрудники магнатов финансового капитала в ходе войны, сначала встали во главе контрольных ассоциаций, подчинивших своему господству все предприятия определенных отраслей промышленности, а затем стали министрами «правительства при правительстве», каким в сущности был «комитет советников». Как указывает Биссон, согласно статуту комитета, его члены стали советниками премьера «по важнейшим вопросам политики правительства». «Это был, — пишет автор, — поистине брак японского большого бизнеса и военных в совершенно новом плане административной власти и ответственности. Это был брак по согласию».

«Брак» этот, однако, отнюдь не привел к прекращению грызни между дзайбацу и военщиной, и успехи финансовой олигархии в борьбе за усиление своего политического влияния отнюдь не ограничились созданием комитета советников. Дзайбацу добивались полного устранения вмешательства военщины в экономические дела, устранения военного и военно-морского мини-

стерств от какого бы то ни было участия в контроле над военной промышленностью. Как отмечает Биссон, в борьбе за достижение указанных целей «дзайбацу требовали безусловной победы и выиграли ее».

Созданное по требованию дзайбацу в октябре 1943 г. министерство вооружений было превращено в настоящий генеральный штаб финансовой олигархии по эксплуатации всех материальных ресурсов Японии и оккупированных ею территорий ради увеличения мощи крупнейших концернов. Министром вооружений в июле 1944 г. стал Гиндзиро Фудзивара, один из наиболее активных на политической арене членов финансовой олигархии, человек, который, по словам Биссона, «сам по себе был живым опровержением опасного мифа о том, что лидеры японского бизнеса не хотели создавать империю с помощью меча».

На последнем этапе войны, в конце 1944 и в 1945 г., дзайбацу, владевшие почти всеми командными позициями в высших и местных правительственных органах, провели новую реорганизацию «управления военной промышленностью», сущность которой сводилась к следующему: все военное производство (практически, все промышленное производство) было сосредоточено в руках так называемых «выделенных компаний», т. е. крупнейших военно-промышленных компаний концернов; все ресурсы банков, раскрепленных между «выделенными компаниями», были направлены на кредитование последних; все сколько-нибудь значительные предприятия, не входившие в «выделенные компании», могли работать только по заказам этих компаний; все рабочие и служащие «выделенных компаний» были переведены на положение военнослужащих и объявлены состоящими в «гражданском добровольческом корпусе», прикреплены к предприятиям и в большинстве переведены на казарменное положение. Многие крупнейшие военно-промышленные предприятия по требованию их владельцев были объявлены «национализированными». Единственный смысл этой «национализации» заключался в том, что по настоянию дзайбацу правительство приняло на себя компенсацию владельцам концернов всех убытков, свя-

занных с бомбардировками и с эвакуацией предприятий, и гарантировало промышленникам выплату твердого дивиденда независимо от состояния их дел.

Таким образом, приводимый в работе Биссона материал помогает анализу тех методов и средств, с помощью которых магнаты финансового капитала Японии использовали государственный аппарат для получения военных сверхприбылей, помогает анализу развития военного государственно-монополистического капитализма в Японии.

Однако, показывая методы хозяйничания японской финансовой олигархии, автор очень мало внимания уделяет рассмотрению итогов этого хозяйничания, анализу следствий той бесплановости и анархии в военной экономике Японии, которые сохранились во всем своем объеме, несмотря на военное «регулирование». Следствия же эти заключаются в том, что японская империалистическая экономика обнаружила свою неспособность в разрешении тех сложных вопросов, которые поставила перед ней начатая японским империализмом война. Автор вместе с тем не сумел показать, что даже те ограниченные успехи в развитии военных отраслей производства, которые Япония имела в 1941—1944 гг., были достигнуты ценой неслыханного сокращения гражданского производства, ценой громадных жертв, которые вынуждены были приносить молоху захватнической войны трудящиеся классы Японии, ценой колоссального роста эксплуатации рабочего класса и крестьян, ценой разорения сотен тысяч крестьян, мелких и средних промышленников и торговцев.

Общий индекс промышленного производства в Японии, увеличившись со 100 в 1937 г. до 123 в 1941 г., понизился до 117 в 1942 г., до 110 — в 1943 г., до 94 — в 1944 г. и до 38 — в 1945 г. *. Даже из числа пяти «приоритетных» отраслей промышленности (самолетостроение, судостроение, производство легких металлов, черная металлургия, добыча каменного угля) только в первых трех имел место рост производства. Черная металлургия и добыча камен-

* *Monthly Bulletin of Statistics, United Nations*, № 12, 1947 г.

ного угля оставались с 1941 по 1943 г. на одном уровне, после чего началось быстрое падение производства и в этих «приоритетных» отраслях *. Что же касается мирных отраслей промышленности, то уже с 1937 г. имело место быстрое и непрерывное понижение их производства. Достаточно указать на то, что производство хлопчатобумажной пряжи понизилось с 720 тыс. тонн в 1937 г. до 318 тыс. тонн в 1941 г. и до 65 тыс. тонн в 1944 г. То же самое имело место и во всех других отраслях невоенной промышленности. При этом развитие «приоритетных» отраслей достигалось в значительной степени за счет основного капитала невоенных отраслей промышленности. Например, число веретен в хлопчатобумажной промышленности понизилось с 13 млн. в 1941 г. до 3 млн. к концу войны, — остальные веретена были использованы в качестве лома в черной металлургии. Масса мелких и мельчайших предприятий, оборудование которых не представляло интереса для военно-промышленных компаний, в порядке «всеобщей мобилизации» подобным же образом были пущены на слом.

Незначительный рост в последние годы перед войной и непрерывное падение в последующие годы общего индекса промышленного производства свидетельствуют о том, что в Японии в годы войны на Тихом океане не имело места даже *простое воспроизводство*. Экономика японского империализма, несмотря на все «регулирующие» мероприятия, не смогла выдержать такого решительного испытания, каким была война.

*

	Единицы	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Производство самолетов	тыс. ед.	7,5	10,6	19,6	26,8	17,6
Суда, спущенные на воду	тыс. рег. брутто тонн	260	424	1124	1584	490
Выплавка алюминия	тыс. тонн	72	103	141	110	26
Добыча каменного угля	млн. тонн	56	54	55	49	22
Выплавка стали	" "	6,8	7,0	7,8	5,9	1,0
Выплавка чугуна	" "	4,2	4,2	4,0	2,6	0,5

Источники: «Асахи нэнкан», 1946; *Monthly Bulletin of Statistics, U. N.*, № 12, 1947.

Почти все американские и японские буржуазные экономисты объясняют общее сокращение производства в Японии в годы войны военными действиями, блокадой и бомбардировками. Такое объяснение не выдерживает критики. Японские буржуазные политики и публицисты выдвигают такое объяснение ради того, чтобы скрыть банкротство японского империализма в годы войны. Апологеты американского империализма выдвигают такое объяснение для того, чтобы создать ложное, преувеличенное представление о «грандиозности» и «эффективности» усилий США в войне против Японии. В действительности же общеизвестно, что, — несмотря на огромное превосходство военно-экономического потенциала США по сравнению с потенциалом Японии, несмотря на то, что в войне с Японией США находились в выгодном положении, так как девять десятых вооруженных сил Германии были скованы советскими вооруженными силами и не менее половины японской армии было сковано в Китае, Маньчжурии и Корее, где японская военщина готовилась к нападению на Советский Союз, — военные действия США против Японии развивались черепашими темпами. Это объяснялось прежде всего тем, что американский империализм не был заинтересован в быстром разгроме Японии. Правящие круги США и Англии могли быть уверены в том, что их главная цель — ликвидация Японии как империалистического соперника и конкурента на мировых рынках — раньше или позже будет достигнута. Затяжка войны приносила американскому финансовому капиталу миллиарды военных сверхприбылей. В то же время быстрый разгром Японии ускорил бы разгром гитлеровской Германии и содействовал бы уменьшению потерь Советского Союза в войне, что расходилось с империалистическими интересами правящих кругов США и Англии. Те же самые причины, которые обусловили затяжку открытия второго фронта в Европе, обусловили также медлительность и слабую эффективность военных действий англо-американских вооруженных сил против Японии.

Японские буржуазные политики и публицисты, выдвигая военные факторы в качестве первопричины падения производства в Японии в годы войны, сознательно замал-

чивают тот факт, что в течение первых 2—2¹/₂ лет войны, в связи со своими первоначальными военными победами и в связи с тем, что противник фактически находился в состоянии обороны, Япония обладала гораздо большими военно-экономическими ресурсами, чем до войны. В 1942 г., в момент своих наивысших успехов, японский империализм владел (включая метрополию) территорией в 8 млн. кв. километров с населением в 440 млн. человек, с неисчислимыми природными ресурсами. Эти огромные территории и ресурсы были захвачены Японией без больших военных усилий и военных потерь. Вплоть до последнего месяца войны, за исключением небольших островов Окинава и Огасавара, ни одна часть территории не только самой Японии, но и ее империи не была занята войсками противника. Лишь вступление в войну в августе 1945 г. Советского Союза лишило Японию ее главных промышленных баз на континенте — Маньчжурии и Кореи, и вынудило Японию капитулировать.

Что касается воздушных налетов, то частые бомбардировки японских городов американской авиацией начались только в феврале 1945 г., после занятия американцами острова Иводзима. Что касается блокады японских островов военно-морскими силами англо-американцев, то в первый год войны эта блокада была мало эффективной; лишь в последующие военные годы она стала усиливаться. Транспортная связь Японии с Кореей, Маньчжурией и Северным Китаем — главными поставщиками военно-стратегического сырья — в значительных масштабах продолжала сохраняться вплоть до вступления Советского Союза в войну против Японии.

Японская промышленность добилась известных успехов в возмещении потерь в тоннаже, но добилась этого с большим запозданием. Это запоздание в развитии судостроения не было случайностью или результатом каких-нибудь ошибок отдельных государственных или военных деятелей Японии. Биссон рассказывает о чрезвычайных мерах японского правительства по развитию судостроения в 1943/44 г. Но и до войны и в самом начале не было недостатка в попытках расширить судостроительную и другие решающие отрасли промышленности

Медленный рост производства в первые годы войны, общее его падение в последующие годы и резкое отставание военного производства от потребностей войны в самый острый ее период объяснялись не столько скудостью сырьевых ресурсов Японии, сколько в первую очередь — капиталистическим характером ее производства, его анархией и бесплановостью, которые отнюдь не были ликвидированы государственным «регулированием».

Экономической основой японского империализма неизменно оставались монополистический капитал и помещичье землевладение. Движущей силой производства неизменно оставалась ненасытная жажда прибыли капиталистов. Даже такой матерый волк японской буржуазной «экономической науки», как владелец крупнейшего экономического издательства «Тоё Кейдзай» Тандзан Исибаси, вынужден был признать, что препятствием на пути расширения военного производства стояла капиталистическая собственность. «На многих предприятиях, — писал он в 1943 г., — утверждают, что дальнейшее увеличение производства было бы возможным, если бы были подняты цены на соответствующие фабрикаты... Если это так, то расширению производства мешает служение капиталу. Таким образом, благодаря тому, что частные предприятия должны, с одной стороны, служить капиталу, а с другой — удовлетворять потребности государства, расширение производства в условиях военного времени невозможно сверх определенного лимита» *.

На протяжении всей войны каждый новый закон или эдикт об экономическом контроле провозглашался японской печатью очередным шагом в «упорядочении производства», в развитии «плановой экономики» и т. д. Но различные «экономические планы» в действительности представляли собой не больше, чем заявки военного и военно-морского министерств японским концернам на различные виды вооружений, на сырье, полуфабрикаты и оборудование, необходимые для производства вооружений.

* *The Oriental Economist*, март 1943 г.

Основное назначение экономических законов, эдиктов, правил, изданных в Японии в военное время, заключалось в том, чтобы обеспечить использование многих десятков миллиардов иен, извлекавшихся государством путем громадного увеличения прямых и косвенных налогов и путем насильственного размещения государственных займов, для предоставления высокоприбыльных заказов концернам дзайбацу.

Несмотря на критическое отношение Биссона к «планам» и «планированию» в японском военном хозяйстве, несмотря на то, что во многих местах книги он говорит об ограниченности и беспомощности мер по регулированию, Биссон все же в целом исходит из того, что в Японии речь шла не о временных мерах, направленных к форсированию развития военно-промышленных компаний, а о действительном регулировании экономики или даже управлении ею под руководством государственных экономических органов. Исходя из этой порочной установки, Биссон уделяет внимание таким вопросам, как издание различных законов и эдиктов, предписывающих объединение предприятий в контрольные ассоциации и подчинение производственной деятельности требованиям этих ассоциаций; как создание различных административных органов по экономическому контролю; как государственное инспектирование военных предприятий; создание полуправительственных компаний и т. д. Между тем (и это признает сам автор) основой военного хозяйства Японии неизменно в течение всей войны были военно-промышленные компании концернов, хозяевами которых неизменно оставались магнаты дзайбацу. По их требованию создавались все контрольные ассоциации и различные органы государственного экономического контроля, в том числе и экономические министерства, фактически подчиненные этим промышленным компаниям и их владельцам. После войны журнал дзайбацу «Ориентал экономист» (3 мая 1947 г.) был вынужден признать, что «различные контрольные ассоциации, — компании и корпорации, которые были основаны в течение войны и поставлены под фактический контроль крупных капиталистов, — выродились в нечто вроде центральных органов спекуляции на основе сотрудниче-

ства между властями и частным предпринимательством и нанесли серьезный вред мелким предпринимателям и потребителям».

У японского правительства до самого конца войны не было и не могло быть какого бы то ни было реального плана перестройки хозяйства. Различные «регулирующие» мероприятия вводились постепенно по мере надобности, по мере того, как выяснилась недостаточность ранее принятых мер для выполнения очередных задач, ставившихся войной. «Регулирование» начиналось с предъявления повышенного и особо прибыльного для поставщиков спроса на готовые военные изделия. Затем такой же повышенный спрос распространялся на сырье, топливо и полуфабрикаты для производства военных изделий. Поскольку создание высокоприбыльного спроса было главным средством форсирования военного производства, различные организационные «регулирующие» мероприятия, которым Биссон уделяет так много внимания, имели подчиненное значение по сравнению с государственной финансовой политикой, политикой «регулирования» цен, капиталовложений и прибылей, чему Биссон уделяет лишь небольшое внимание.

Те методы военной мобилизации народного хозяйства, которые применялись в эпоху промышленного капитализма, теперь, в эпоху общего кризиса капитализма, оказываются недостаточными; в современных условиях они дополняются рядом новых методов («регулирование» потребления сырья и продовольствия, капиталовложений и внешней торговли, система лицензий для предприятий, «регулирование» на рынке рабочей силы и т. д.). Все эти мероприятия проводятся целиком в интересах монополистической клики. Такие новые методы «регулирования», как лишение предприятия сырья и рабочей силы, конфискация их оборудования и запасов или их ликвидация без компенсации владельцев, их принудительное присоединение к другим предприятиям, применяются только в отношении мелких или средних предпринимателей. Что же касается монополий, на долю которых приходится большая часть предприятий военной промышленности, то даже в самые острые периоды войны главный и решающий принцип регулирования заключался

в обеспечении их владельцам и акционерам «нормальной» прибыли, которая, как правило, была значительно выше прибыли довоенных лет. Переводя народное хозяйство на военные рельсы, давая развитию промышленности одностороннее военное направление, капиталистические государства стремятся стимулировать перелив капиталов из невоенной промышленности в военную. В отношении мелких, средних и некоторой части крупных предприятий невоенной промышленности главным «стимулом» являются методы прямого нажима. Что же касается монополий, то для них главным стимулом служили высокие цены, обеспечивавшие поставщикам высокие прибыли и сверхприбыли.

Мобилизация хозяйства для нужд войны обеспечивалась прежде всего тем, что государство выступало перед монополиями как предъявитель вполне платежеспособного, обеспечивающего высокие прибыли спроса на военные материалы. Поэтому во второй мировой войне, как и во всех прежних войнах, во всех капиталистических странах, в том числе и в Японии, вмешательство государства в сферу производства происходило главным образом косвенным путем — через сферу кредита и через государственные финансы — с помощью определенной финансовой политики, и через сферу обращения — с помощью определенной картельной политики («система контрольных органов»).

Главным рычагом военного регулирования экономики в Японии, как и во всех других капиталистических странах, в годы второй мировой войны был государственный бюджет. При помощи своего финансового, полицейского и идеологического аппарата государство обращало для нужд войны не только все возрастающую часть национального дохода, но также и значительную часть наличного национального богатства. Как и в других капиталистических странах, главными средствами, с помощью которых производилась мобилизация народного дохода для нужд войны, были государственные займы, налоги и инфляционная эмиссия банкнот. Рост расходов на войну опережал рост народного дохода. Покрытие военных расходов производилось за счет неслыханной эксплуатации и сокращения потребления трудящихся классов Японии,

за счет расхищения ее национального богатства, за счет ограбления народов колоний и оккупированных территорий — в этом заключается наиболее характерная черта финансирования военного хозяйства Японии, как и любого империалистического государства.

Согласно официальным данным из 221,9 млрд. иен, израсходованных на войну с июля 1937 г. по июль 1945 г., — 118,4 млрд. иен (53%) было покрыто с помощью внутренних государственных займов, 58,4 млрд. иен (27%) — с помощью так называемых «займов из стран южных морей» *. Эта последняя цифра отражает лишь часть тех колоссальных ценностей, которые японский империализм выкачал из оккупированных им территорий. Биссон основывает весь свой анализ на материалах, характеризующих экономику собственно Японии и почти совершенно упускает из виду японские колонии и оккупированные территории, что является значительным минусом его книги.

Биссон показывает, что дзайбацу стали хозяевами «контрольного аппарата», но он очень скуп в анализе последствий их хозяйничания — в частности, важнейшего вопроса о том, как дзайбацу использовали свое положение хозяев «контрольного аппарата» для увеличения своих прибылей и капиталов и для расширения размеров своего предпринимательства в условиях свертывания невоенных отраслей.

Все эти вопросы нуждаются в самостоятельном и подробном анализе. В рамках данной статьи мы можем остановиться на них лишь в самых общих чертах.

Дзайбацу добились в годы войны такой концентрации банков и централизации в их руках всего рынка ссудных капиталов, о какой они и мечтать не могли в мирное время. Общее число коммерческих банков в Японии уменьшилось с 782 в 1930 г. до 286 в 1942 г. и до 61 в 1945 г., в то время как сумма их активов увеличилась за те же годы соответственно с 15,0 млрд. иен до 37,4 млрд. иен и до 137,1 млрд. иен **. Эта мощная цен-

* «Дзидзи нэнкан», 1947 г.

** *Japanese Economic Statistics*, март 1948 г.

трализация кредита достигалась на основе политики «большой банковской пятерки», которая в годы войны значительно укрепила свое монопольное положение: достаточно указать на то, что в середине 1944 г. в составе «Контрольной ассоциации обычных банков» (Фуцу гинко тосэйкайс, т. е. коммерческих общеяпонских) оставалось всего 8 банков, из которых 5 (Мицуи-Тэйкоку, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда, Санва) обладали каждый депозитами около 5 млрд. иен или выше, в то время как в 1936 г. депозиты всей «большой банковской пятерки» в сумме составляли 11 млрд. иен.

Полуправительственные кредитные институты и банки дзайбацу были органами, через которые производилось обильнейшее кредитование государством военно-промышленных компаний концернов. Задолженность военно-промышленных компаний банкам к концу войны достигла колоссальной суммы—56 млрд. иен *. Банки кредитовали военную промышленность под государственные гарантии и опираясь на государственные кредиты, получавшиеся через полуправительственный Японский банк. Кредиты последнего всем банковским институтам страны возросли с 900 млн. иен к концу 1941 г. до 28 млрд. иен к 15 августа 1945 г. Японский банк в свою очередь не мог отпускать такие большие кредиты, опираясь только на свои обычные пассивы, и широко прибегал к печатному станку. Сумма банкнот Японского банка в обращении увеличилась с 1,4 млрд. иен в июле 1937 г. до 4,7 млрд. иен к концу 1941 г., до 17,7 млрд. иен к концу 1944 г. и до 30,2 млрд. иен к 15 августа 1945 г. Таков был один из методов использования инфляции как средства военной мобилизации хозяйства под контролем и в интересах монополистического капитала.

Кроме отпуска кредитов, государство еще взяло на себя обязательство по уплате военно-промышленным компаниям компенсаций за разрушения предприятий во время бомбардировок, за расходы по эвакуации, за расторжение контрактов и т. п. Общий размер этих компенсаций достиг колоссальной суммы в 81 млрд. иен **.

* *The Oriental Economist*, 3 августа 1946 г.

* Там же.

Само собой разумеется, что за такого рода кредитную политику дзайбацу и правительства пришлось расплачиваться трудящимся Японии. Следствием этой политики было громадное усиление процесса абсолютного и относительного обнищания пролетариата и разорения мелкой буржуазии. Государство к концу войны оказалось должником на сумму свыше 200 млрд. иен и финансовым банкротом. Дзайбацу задолжали государству около 60 млрд. иен и, для того чтобы уменьшить размер своей задолженности, содействовали развитию инфляции, которая после войны приняла колоссальные размеры, привела к дальнейшему уменьшению реальной заработной платы и явилась одной из причин создавшегося при содействии американского империализма экономического хаоса в послевоенной Японии.

Но для господствующих классов война была источником неслыханной наживы. Буржуазно-помещичье государство обеспечило монополистам все средства для получения огромных сверхприбылей.

Правительство отпускало предпринимателям субсидии в размерах, позволявших им получать более или менее постоянную прибыль. Фактически, однако, прибыли были гораздо более высокими, ибо через контрольные торговые компании, и минуя их, владельцы предприятий сбывали часть продукции по ценам черного рынка. На основе спекуляции на черном рынке образовалось большое число «нарикинов» — новых богачей из числа военных поставщиков, высших должностных лиц торговых контрольных органов, экономической полиции и т. п., — людей, занявших в послевоенной Японии видное место в качестве агентуры американского империализма и дзайбацу.

Благодаря осуществлявшейся «контрольными органами» политике приоритета в годы войны все средства наживы (выпуск новых акций и спекуляция ими, распределение прибылей, дивидендов и т. п.) оказались сосредоточенными в руках небольшой кучки владельцев крупнейших концернов. Об общем росте прибылей японской буржуазии в годы войны можно судить по следующим официальным, несомненно заниженным данным:

**РОСТ ПРИБЫЛЕЙ И ДИВИДЕНДОВ
ВСЕХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ КОМПАНИЙ ЯПОНИИ В ГОДЫ ВОЙНЫ
(в млрд. иен) ¹**

	1937 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Прибыли в % к 1937 г.	2,1 100	4,8 229	5,3 250	6,3 300	7,1 338
Дивиденды в % к 1937 г.	1,2 100	1,8 150	1,9 158	2,1 175	2,2 183

¹ *Japan Year Book*, 1939—1940 гг.; „Дзидзи нэнкан“, 1947 г.

Но эта таблица не отражает действительного положения, потому что дает только общие цифры, относящиеся ко всем компаниям. В гораздо большей степени выросли прибыли компаний главных концернов. Так, например, сумма дивидендов и бонусов, выплаченных возглавлявшей концерн Мицуи компанией «Мицуи-хонся», увеличилась с 25 млн. иен в 1937 г. до 54 млн. иен в 1942 г. Чистая прибыль компании «Сумитомо-хонся», составлявшая в среднем за 1937—1941 гг. 3 млн. иен, увеличилась в 1943 г. до 11,5 млн. иен*.

Биссон приводит частичные данные о росте капиталов концернов. Эти данные, однако, касаются лишь компаний тяжелой промышленности Мицубиси и компаний концерна Сумитомо и потому являются недостаточными для общей характеристики увеличения мощи дзайбацу в годы войны. Судя по данным, опубликованным после войны, оплаченные капиталы всех компаний четырех главных концернов увеличились в годы войны в следующих размерах:

ОПЛАЧЕННЫЕ КАПИТАЛЫ ВСЕХ КОМПАНИЙ КОНЦЕРНОВ МИЦУИ,
МИЦУБИСИ, СУМИТОМО И ЯСУДА
(в млн. иен) ¹

	Мицуи	Мицубиси	Сумитомо	Ясуда
1937 г.	1177	848	383	263
Сентябрь 1945 г.	2814 ²	2158	2820 ³	2094

¹ *Summation of Non-Military Activity in Japan*; февраль 1946 г.

² Объявленный капитал.

³ На 31 января 1946 г.

* *Summation of Non-Military Activity in Japan*; изд. Главного штаба оккупационных войск в Токио, май 1946 г.

Сосредоточив все свое внимание на анализе правительственных мероприятий по «регулированию» экономики, Биссон обходит почти полным молчанием те изменения, которые в годы войны произошли в самих концернах, чьи военно-промышленные компании составляли основу военного хозяйства. Между тем, эти изменения имеют чрезвычайно важное значение не только для анализа содержания экономической политики японского правительства в годы войны, но и для разоблачения тех «антимонополистических» маневров, к которым американский империализм прибегает в послевоенной Японии, стремясь сохранить дзайбацу в качестве своей агентуры. Конечный итог этих изменений заключается в том, что четыре главных японских концерна — Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и Ясуда — упрочили свое монопольное положение в японской экономике и, как показано выше, увеличили свои прибыли и капиталы. Но итог этот был достигнут в процессе острой взаимной конкурентной борьбы между монополиями, борьбы, в которой монополии опирались на созданный ими и возглавлявшийся их представителями «контрольный» аппарат, борьбы, в ходе которой изменилось соотношение сил между концернами и произошли значительные изменения в структуре каждого из них.

Характерной особенностью японских концернов была раздробленность капиталов каждого концерна среди многих отраслей народного хозяйства. Современные японские монополии возникли в первые десятилетия после «революции Мейдзи» (1867 г.), в ту пору, когда в Японии еще продолжался процесс первоначального накопления капитала и одновременно шел процесс создания капиталистической промышленности. Буржуазные реформы и активная финансовая поддержка со стороны помещичье-буржуазного государства позволили небольшому числу существовавших в то время крупных торгово-банкирских фирм извлекать огромные прибыли и занять монопольное положение и в сфере кредита, и в сфере обращения, и в сфере производства. В эпоху империализма Япония вступила как империалистическая страна, в которой несмотря на слабое развитие промышленности, уже существовали монополистические объеди-

нения, занимавшие доминирующее положение в экономике страны. Последующее развитие японского империализма, его военно-феодалный характер содействовали развитию тех черт японских монополий, которые наметились в годы их возникновения. Усилившиеся в ходе конкурентной борьбы к началу XX века монополистические объединения, пользуясь огромной правительственной поддержкой, получали все более широкие возможности извлекать прибыли в самых разнообразных отраслях народного хозяйства. Их большому развитию содействовали успешные войны и колониальная экспансия японского империализма. В ходе первой мировой войны, принесшей колоссальные прибыли японскому финансовому капиталу, окончательно определилась внутренняя структура японских монополий. Монополии окончательно приняли форму концернов, в которых объединены самые различные компании, большей частью не имеющие между собой ничего общего, кроме того, что в них вложены капиталы одного владельца и что они этим владельцем контролируются. Японские концерны (прежде всего наиболее мощные из них) — это не тресты и не комбинаты, это — объединяемые принадлежностью одному владельцу самые разнообразные предприятия, начиная от самолетостроительных заводов и кончая публичными домами.

При этом до 1931 г. большая часть капиталовложений крупнейших концернов приходилась не на тяжелую промышленность, а на легкую промышленность, компании внешней и внутренней торговли и кредитно-финансовые учреждения.

Военная мобилизация японского народного хозяйства происходила при условиях, чрезвычайно выгодных для концернов, так как Япония переживала длительный период военно-инфляционной конъюнктуры, «вползания» в войну: свыше 10 лет прошло со времени оккупации Маньчжурии до начала «большой войны». В течение этого времени уже шла война, что облегчало принятие любых законодательных, административных и других мер, выгодных для дзайбацу и нужных для развития военной промышленности. С другой стороны, война шла вне пределов Японии, требовала небольших, сравнительно с

последующим периодом, усилий и позволяла производить перестройку экономики на военный лад постепенно, без чрезмерной спешки, что вполне соответствовало интересам крупнейших концернов дзайбацу.

Но пока «старые» концерны преодолевали инерцию мирного времени, появился ряд новых серьезных претендентов на монополию в японской экономике в виде «новых» концернов, подвизавшихся по преимуществу в военных отраслях промышленности и тесно связанных с наиболее агрессивными кругами военщины.

Создатели «новых» концернов, из числа владельцев небольших промышленных компаний, успешно использовали благоприятную политическую и экономическую обстановку конца 20-х и начала 30-х годов для громадного расширения масштабов своего «бизнеса». До начала войны в Китае (1937 г.) некоторым из этих концернов (Накадзима, Мори, Ногуты, Рикен) удалось занять весьма видное место в отдельных отраслях военной промышленности, особенно в ее новых отраслях (самолетостроение, алюминий, новые подотрасли химической промышленности, точное машиностроение и др.). Один из них, концерн «Ниссан», возникший в 1928 г. после реорганизации горнопромышленной компании, принадлежавшей одному из видных политических деятелей японской реакции Кухара, превратился в крупного и опасного конкурента «старых» концернов. С захватом Маньчжурии прибыли «Ниссан» стали быстро расти. Его оплаченный капитал увеличился с 50 млн. иен в 1928 г. до 225 млн. иен в 1937 г. *. По общему размеру капиталов контролируемых компаний «Ниссан» к 1937 г. выдвинулся на одно из трех первых мест — капиталы его 76 дочерних и внучатных компаний (не считая самого «Ниссан») составляли 470 млн. иен против 848 млн. иен у Мицубиси и 1777 млн. иен у Мицуи **. В отличие от «старых» концернов, все «новые» концерны развивались как комбинаты тяжелой, в особенности военной, промышленности.

* Сборник по истории японских концернов Консэрун но Токухон, т. VI, стр. 105.

** *Japan — Manchoukuo Year Book*, 1939—1940 гг.

Другой отличительной особенностью «новых» концернов была слабость их кредитно-финансовой базы и, в связи с этим, большая зависимость от «старых» концернов. Пытаясь освободиться от этой зависимости, «новые» концерны с самого начала были вынуждены широко прибегать к такому методу мобилизации капиталов, как открытая продажа акций «публике», и этим они резко отличались от «старых» концернов. Для последних характерным был закрытый или полузакрытый «семейный» характер их головных держательских (холдинг) или других ведущих и наиболее прибыльных компаний. Это означало, что львиная доля акций этих компаний была сосредоточена в руках членов семей владельцев концернов или тесного круга их ближайших сотрудников. Закрытый характер ведущих компаний дзайбацу, разумеется, могли позволить себе только потому, что в их владении находились крупнейшие банки и другие кредитно-финансовые институты. Поскольку «новые» концерны этим преимуществом не обладали, то они либо обращались за кредитами к «старым» концернам и их банкам, либо прибегали к широкой открытой продаже своих акций и облигаций. В действительности они использовали и тот и другой способы.

Однако «старые» концерны отнюдь не остались в роли пассивных наблюдателей роста мощи их конкурентов и очень скоро перешли в наступление на уже занятые этими конкурентами позиции. При этом владельцам «старых» концернов — прежде всего Мицуи и Мицубиси — пришлось прибегнуть к основательной перестройке своей собственной структуры, производившейся ими по мере того, как они создавали и укрепляли под своим контролем аппарат военного «регулирования» экономики. Крупнейшие из «старых» концернов в значительной степени отказались от «закрытого» характера их головных и других наиболее прибыльных компаний. Крупные пакеты акций этих компаний были выпущены в открытую продажу. Даже акции «святая святых» Мицуи — его головной компании, к которому в течение многих десятилетий могли прикасаться только руки членов семьи Мицуи и их высших служащих, были в 1939 г. выпущены из семейного тайника и пошли по рукам неизвестных

биржевиков. В результате этого «старым» концернам, чьи акции пользовались большим доверием, чем акции «новичков», удалось в годы войны привлечь и поставить под свой контроль большие суммы капиталов мелких и средних держателей акций.

«Старые» концерны пошли также по линии некоторой «децентрализации» своего предпринимательства. Некоторые крупнейшие компании «старых» концернов формально отделились от последних и были объявлены самостоятельными*. Эта «децентрализация» носила формальный характер, так как, по существу, отделившиеся компании продолжали оставаться под контролем концернов. «Децентрализация» нужна была концернам для того, чтобы замаскировать их богатство и могущество, что имело для них некоторое значение в связи с «антикапиталистической» демагогией фашистских клик, инспирировавшей и подогревавшей «новыми» концернами.

В условиях, когда весь аппарат военно-экономического контроля находился в руках дзайбацу, открытая продажа акций, частичная децентрализация концернов, выдвижение новых, молодых сотрудников на ответственные посты в компаниях и некоторые другие меры, шедшие вразрез с прежними традициями концернов, не только не привели к их ослаблению, а, наоборот, содействовали укреплению их монопольного положения, их позиций в борьбе с «новыми» концернами. Последние не смогли удержаться на завоеванных ими в первые годы после оккупации Маньчжурии позициях. Уже с 1936—1937 гг. их удельный вес в новых отраслях промышленности, в которых они вначале выступали как монополисты, быстро падал, и к окончанию войны большинство «новых» концернов пришло как сравнительно небольшие объединения промышленных компаний, чьи капиталы

* Так, например, банк Мицуи после его слияния с банком «Дай-ити» был объявлен самостоятельной компанией и переименован в банк «Тэйкоку». Самостоятельными были объявлены компания бумажной промышленности Мицуи «Одзи сэйси» и текстильная компания «Канэгафуги»; обе эти компании за годы войны превратились из компаний легкой промышленности в военно-промышленные комбинаты.

в сумме были в 20—30 раз меньше капиталов «старых» концернов. Исключение составляет концерн Накадзима, которому благодаря обильному государственному кредитованию и при помощи Мицуи удалось закрепиться в качестве мощного конкурента Мицубиси в самолетостроительной промышленности. Что касается концерна «Ниссан», который, как мы видели, в начале 30-х годов превратился в серьезного конкурента Мицуи и Мицубиси, то уже в 1937 г. этот концерн фактически распался. На его основе был создан концерн тяжелой промышленности «Мангё», игравший большую роль в подготовке Маньчжурии в качестве антисоветского военного плацдарма. «Старые» концерны, таким образом, с успехом использовали развитие военного хозяйства и свое руководящее участие в военно-экономическом контроле для борьбы против своих конкурентов и для укрепления своего монопольного положения в японской экономике.

Крупнейшим недостатком работы Биссона является то, что, анализируя военную экономику Японии, он обходит почти полным молчанием положение сельского хозяйства. Между тем аграрный, крестьянский вопрос как в довоенные годы, так и в еще большей степени в годы войны имел для Японии исключительно важное значение. Он остается чрезвычайно важным и в настоящее время. Крестьяне составляют свыше половины населения Японии.

Японское сельское хозяйство находится в состоянии чрезвычайной отсталости. Основными средствами обработки земли сейчас, как и тысячу лет назад, продолжают оставаться мотыга и лопата. Отсталость сельского хозяйства выражается также и в хроническом застое посевных площадей*. Заявления проповедников японской империалистической агрессии о том, что этот застой объясняется «естественным малоземельем», не выдерживают ни малейшей критики. 6 млн. га земли, находящейся под обработкой, составляют только 15% всей ее площади. По данным японских буржуазных экономистов, пригодная для обработки земля (не включая леса)

* Площадь обрабатываемой земли в Японии по годам составляла (в тыс. га): 1919 — 6074; 1929 — 5838; 1935 — 5997; 1940 — 6017.

составляет не менее 10 млн. га. Другими словами, в Японии возделывается не более $\frac{2}{3}$ всей пригодной для обработки земли.

Причины низкой сельскохозяйственной техники и отсутствия роста сельскохозяйственных площадей таятся в существующих в Японии аграрных отношениях. По официальным данным в Японии в 1939 г. насчитывалось 5491 тыс. землевладельцев и арендаторов земли. Из них 1461 тыс. крестьянских хозяйств совершенно не имеют собственной земли, и крестьяне работают на земле, арендованной у помещиков; владельцы 2331 тыс. крестьянских хозяйств вынуждены приарендовывать, так как их собственные наделы очень малы, и только 1699 тыс. хозяйств обходятся собственной землей*.

По другим данным и по оценкам экономистов, в Японии 50 тыс. крупных помещиков (менее 1% всех сельских хозяев) владеют 25% земель; в руках 100 с лишним тысяч средних и мелких помещиков сосредоточено около $\frac{1}{6}$ части общей площади земли. Таким образом, около 150 тыс. помещиков, или всего 3,2% всех хозяйств, владеют более чем 40% всей посевной площади, причем в их руках находятся лучшие, орошаемые земли. Помещики сдают землю небольшими участками в аренду крестьянам и получают с них за пользование землей денежную или натуральную плату. В среднем по всей Японии крестьяне за аренду земли платят помещикам более половины всего урожая. Извлекаемая в виде ренты часть стоимости сельскохозяйственной продукции ни в каком виде обратно в сельское хозяйство не возвращается, ибо помещики, 98% которых даже не живет в деревне, тратят эту часть стоимости на личные прихоти, на биржевую спекуляцию и на другие дела, не имеющие к сельскохозяйственному производству никакого отношения.

Главной причиной отсталости сельского хозяйства Японии является полуфеодалный гнет помещичьего землевладения, тяготеющий над основной массой японского крестьянства; арендаторы и полуарендаторы составляют свыше 70% японского крестьянства. Вынужденный отдавать помещику более половины урожая, сколько бы

* Japan — *Manchoukuo Year Book*, 1941 г.

груда японский крестьянин ни вкладывал в обработку своего клочка земли, он не только не в силах вводить какие-либо улучшения в технику сельскохозяйственного производства, прикупить и поднять целину, но даже не в состоянии прокормить свою семью. Поистине ужасающая нищета японских крестьян может сравниться только с нищетой крестьянства в колониальных и полуколониальных странах.

Отсталость японского сельского хозяйства особенно тяжело сказывалась на положении японской экономики в годы войны, когда Япония особенно остро нуждалась в продовольствии и в сельскохозяйственном сырье. Правда, японский парламент принял несколько демагогических законов, которые провозглашали необходимость «увеличения числа самостоятельных крестьян». Эти законы предусматривали постепенный, в течение 25 лет, выкуп земель у помещиков и их продажу крестьянам. Но результаты выполнения этих законов были просто смехотворными. За все годы войны была выкуплена помещичья земля лишь для нескольких сот крестьянских хозяйств из числа 3,8 млн. хозяйств крестьян-арендаторов и полуарендаторов. Несмотря на принятие указанных законов, площадь земли под арендой не только не уменьшалась, но, наоборот, почти непрерывно росла. Стоявший у власти помещичий класс не допускал никаких посягательств на свою собственность, на свое «право» беспощадной эксплуатации миллионов крестьян.

Военное «регулирование» в сельском хозяйстве принесло новые тяжелые бедствия японскому крестьянству. К необходимости платить аренду помещикам прибавилась еще необходимость сдавать оставшуюся после уплаты аренды часть продукции государству по низким ценам, в то время как цены на удобрения, сельскохозяйственный инвентарь и на промышленные товары широкого потребления резко увеличились. Правительство заставляло крестьян забрасывать тутовые насаждения, посевы чая и других ценных сельскохозяйственных культур, доходы от которых служили важным подспорьем в крестьянском бюджете, и заменять их посевами малоценных культур. В результате такого рода политики

нищета и разорение крестьянских хозяйств в годы войны на много усилились. Сотни тысяч не только арендаторов и полуарендаторов, но также крестьян, работавших на собственной земле, были вынуждены бросить свои хозяйства и уйти в город на заработки. Упадок сельского хозяйства и бегство из деревни были настолько велики, что, несмотря на дефицит рабочей силы в городах, правительство в 1944—1945 гг. направляло в деревни на сельскохозяйственные работы созданные для военной промышленности «трудовые отряды».

Война, таким образом, усилила процесс пролетаризации японского крестьянства и в то же время еще раз показала, что аграрная реформа, которая может быть осуществлена только путем ликвидации помещичьего землевладения, путем безвозмездной конфискации помещичьей земли в пользу трудящихся крестьян, является непременным условием для развития японского сельского хозяйства, для обеспечения экономической независимости Японии.

Один из коренных недостатков книги Биссона заключается в том, что она не показывает, что политика правившего Японией блока реакционных клик была направлена не только против народов тех стран, которые были объектом японской агрессии, но также и против трудящихся классов Японии, что осуществлять империалистические захваты и перестройку народного хозяйства для нужд войны правящие круги Японии могли только, создав кровавый режим фашистского террора против рабочего класса и крестьянства Японии, против японских демократических сил. Создание режима военной каторги для народных масс было одним из неотъемлемых элементов экономической политики японских правителей в годы подготовки и осуществления захватнической войны.

В 1938—1939 гг. японское правительство запретило профсоюзы и создало «Ассоциацию служения трону через труд» — японское издание гитлеровского «трудового фронта». Эти мероприятия были звеном в цепи других мер, направленных к тому, чтобы усилить интенсификацию труда, понизить реальную заработную плату, удли-

нить рабочий день, т. е. повысить норму эксплуатации японских рабочих. Одновременно, в связи с дефицитом рабочей силы, были приняты меры для мобилизации на военные предприятия новых больших контингентов — крестьян, городской мелкой буржуазии, ранее не работавших членов семей рабочих, женщин, подростков (от 12-летнего возраста), стариков. Мобилизация рабочих в промышленность производилась в том же порядке, что и мобилизация в армию. Эта система стала истинным кошмаром для японских трудящихся, так как лица, мобилизованные в «трудовые отряды», в составе которых в последний год войны находилось около одной трети всех рабочих Японии, переводились на казарменное положение, но при этом в отличие от солдат, состоявших на казенном снабжении, получали зарплату, которой едва доставало, чтобы жить впроголодь. Нередки были случаи, когда лица, мобилизованные для работы в промышленности, кончали жизнь самоубийством.

Но не лучшим было также и положение рабочих, не входивших в «трудовые отряды». В Японии и в мирное время рабочий день был продолжительнее, чем в любой другой капиталистической стране. В военное время почти все правила, ограничивавшие рабочий день женщин и подростков, были отменены. 12-часовой рабочий день стал минимальным на всех военных предприятиях для всех рабочих. Нехватка рабочей силы не давала возможности широко внедрить многосменную работу, а при односменности рабочий день нередко достигал 15—16 часов при отсутствии выходных дней. «Рабочие падают от усталости», — читаем мы в некоторых проникавших сквозь цензурные рогатки сообщениях японской печати военных лет.

Такого рода режим военной каторги для трудящихся мог поддерживаться только при помощи жестокого полицейского произвола. Только путем жестокого террора могли дзайбацу и милитаристы прятать от широких масс японских трудящихся правду, распространявшуюся героническими японскими патриотами-коммунистами, которых не сломали ни тюрьмы, ни пытки, ни гибель в тюремных застенках, ни смерть от рук наемных убийц. Жертвами террора пали тысячи лучших представителей японского

народа, среди них генеральный секретарь ЦК компартии Масаносукэ Ватанабэ, писатель — коммунист и секретарь ЦК комсомола Такидзи Кобаяси, рабочий — депутат парламента Сэндзи Ямамото и др. Около 18 лет пробыли в фашистском застенке нынешний генеральный секретарь ЦК КПЯ Кюити Токуда, член политбюро Ёсио Сига и многие другие борцы рабочего класса Японии.

Готовясь к захватнической войне, реакционные правители Японии жестокими преследованиями обрушились на японских демократов. 15 марта 1928 г. по всей Японии были проведены массовые аресты коммунистов и революционно настроенных рабочих и интеллигентов, были разгромлены все демократические организации трудящихся. Такого же рода террористическая операция была проведена в октябре 1932 г., когда было арестовано около 2 тыс. коммунистов и лиц, им сочувствующих. 15 декабря 1937 г., во время войны в Китае, японские реакционеры арестовали 378 активных деятелей антивоенного движения.

Но борьба японских патриотов против японского империализма не прекращалась. В 1941 г., накануне войны на Тихом океане, имел место ряд массовых забастовок на японских предприятиях, в том числе и военных. Так, например, в сентябре 1941 г. бастовало 3 тыс. рабочих военного арсенала в Кокура, в октябре бастовали рабочие металлургического завода Цуруми в Иокогаме. В день начала войны на Тихом океане японская полиция вновь арестовала 3 тыс. участников антивоенной борьбы. Весной 1942 г., в разгар военных успехов Японии, вспыхнула забастовка рабочих на судостроительных верфях в Кобэ. Официальные данные признают, что в 1942 г. имело место 256 конфликтов на предприятиях. В годы войны всю тяжесть борьбы за интересы трудящихся приняла на себя подпольная коммунистическая партия и руководимые ею левые профсоюзные организации, тогда как подавляющее большинство лидеров реформистских профсоюзов и социалистической партии встало на путь оправдания и активной поддержки японской агрессии, превратилось в агентов дзайбацу на предприятиях. Компартия была вдохновителем и движущей силой рабочего движения и антивоенной борьбы.

Отмеченные выше пороки в работе Биссона нельзя упускать из виду прежде всего потому, что выяснение всех этих вопросов является необходимым для понимания развития классовой борьбы в послевоенной Японии в условиях американской оккупации.

Война и военно-экономическое регулирование усилили процесс загнивания японской экономики, выразившийся прежде всего в крайнем обострении неравномерности развития ее отдельных отраслей — разбухании приспособленной для нужд войны тяжелой промышленности при одновременном резком сокращении невоенных отраслей. Однако в целом производственный аппарат японской промышленности к концу войны был не менее мощным, чем он был в 1937 г. К этому следует добавить, что численность населения в Японии увеличилась с 70,3 млн. чел. в 1936 г. до 80,2 млн. чел. на 1 августа 1948 г. В связи с репатриацией и демобилизацией значительно возросло число рабочих рук, которые могут быть использованы в народном хозяйстве.

На основании данных о материальных ресурсах Японии Биссон после 13 месяцев пребывания в Японии на посту экономического советника штаба Макартура пришел к следующему заключению: «Япония, — писал он, — могла бы совершить переход к мирной экономике, если не без затруднений, то, по крайней мере, не испытав той экономической катастрофы, которая ее постигла» *.

И действительно, Япония располагает материальными ресурсами, достаточными для того, чтобы быстро завершить перестройку народного хозяйства на мирный лад. Однако Япония, через четыре года после окончания войны, продолжает переживать подлинную экономическую катастрофу, более глубокий упадок производства, чем любая капиталистическая страна во время самых острых экономических кризисов.

Общий индекс промышленного производства (1937 г. — 100) упал в сентябре — декабре 1945 г. до 6—7, в 1946 г. составил 20 и в январе 1949 г. — 37. Особенно

* *Far Eastern Survey*, 17 декабря 1947 г.

резко отстает производство в обрабатывающей промышленности. Ни одна из крупных капиталистических стран в 1949 г. не отстает так сильно от довоенного уровня производства, как макартуровская Япония.

В стране — свыше 7 млн. безработных и полубезработных, а реальная заработная плата рабочих даже по данным фальсифицированной буржуазной статистики в конце 1948 г. составляла лишь 47% по отношению к уровню 1937 г.

Перед японской экономикой стоят большие трудности; они заключаются в ликвидации тяжелых экономических последствий войны, той разрушительной неравномерности развития отдельных отраслей, которая была результатом хозяйничания дзайбацу в годы войны, в необходимости мобилизации всех внутренних ресурсов для скорейшей перестройки народного хозяйства на мирный лад и, наконец, в необходимости восстановления нормальной внешней торговли, без которой японское хозяйство не может развиваться. Проблема восстановления внешней торговли является наиболее сложной для Японии, так как все ее внешние связи, в том числе и внешне-торговые связи, с самого начала находятся под контролем американских властей.

Ключ для быстрой ликвидации одних и смягчения других из указанных трудностей заключается в демократизации экономической и политической жизни Японии, в активной поддержке ее демократических сил со стороны стран-победительниц.

Национализация крупной промышленности, банков и средств транспорта, конфискация имущества императорского двора, дзайбацу и всех богачей, аграрная реформа и безвозмездная передача земли в собственность крестьянства, аннулирование военных займов и государственных обязательств по компенсациям военным промышленникам, выявление и учет всех запасов сырья, топлива и продовольствия и строжайший демократический контроль над их распределением — таковы те меры, которые одни только и могут обеспечить быстрое преодоление послевоенных экономических трудностей Японии и обеспечить сохранение Японией ее экономической самостоятельности.

Американские власти приняли все меры для того, чтобы не допустить перехода Японии на демократический путь восстановления мирной экономики. Первая и главная мера, направленная к закабалению Японии, заключалась в сохранении политической власти в руках реакционных империалистических клик. Сохранив власть в руках реакционных клик, американское командование объявило в качестве основной линии своей экономической политики предоставление «свободы действия» японскому правительству, ограничиваясь лишь изданием общих директив. Некоторые прогрессивные американские экономисты, среди них и Биссон, склонны считать такого рода политику, характеризуемую ими, как «пассивность» и «бездеятельность», «ошибкой американских властей». Биссон и другие не понимают или не желают понять, что эта «пассивность» и «бездеятельность» представляют собой одно из средств весьма активной деятельности американского империализма, направленной к превращению Японии в американскую колонию.

Япония, бьющаяся в тисках экономической разрухи, с полуголодным населением и с реакционным правительством, — вот что нужно американскому империализму в качестве первого условия закабаления «страны восходящего солнца». «Свобода действий» для японского реакционного правительства означает свободу хищнического разграбления ресурсов сырья, топлива и продовольствия дзайбацу и спекулянтами, — большими и малыми, — означает свободу экономического саботажа для дзайбацу.

Экономический саботаж был ответом японской буржуазии на широкий размах демократического движения, на небывалый в истории Японии рост профсоюзов. Тактика дзайбацу заключается в том, чтобы с помощью саботажа усилить экономическую разруху, а затем свалить вину за нее на демократические организации с целью их разгрома. Саботаж дзайбацу был связан также с их стремлением добиться уменьшения или полной отмены репарационных платежей.

В результате экономического саботажа дзайбацу сравнительно ограниченные запасы сырья, топлива и продовольствия оказались расхищенными, перекочевали

с военных складов на склады дзайбацу и разных гангстерско-спекулянтских шаек и сделались объектом разнузданной спекуляции. «Истинными причинами данного кризиса, — заявил 25 февраля 1947 г. в парламенте депутат-коммунист Носака, — являются не только последствия военного поражения, но экономические меры кабинетов Сидехара и Иосиды, — меры, способствующие развитию спекуляции и инфляции, классовые причины, родившиеся из глубин капиталистической системы». Саботаж дзайбацу нашел свое выражение также в громадном развитии инфляции, о размерах которой можно судить по тому, что сумма находящихся в обращении банкнот, составлявшая в 1937 г. около 1,5 млрд. иен, в 1949 г. превысила 300 млрд. иен, а индекс оптовых цен, если принять 1933 г. за 100, в январе 1949 г. достиг 21 тыс. Инфляция была выгодна дзайбацу, так как она помогла уменьшить фактический размер их задолженности государству, образовавшейся в результате обильного государственного кредитования военно-промышленных компаний; кроме того, спекулятивные операции после войны стали главным источником новых прибылей японских монополистов.

Как уже отмечалось выше, в лице дзайбацу и других реакционных клик американские империалисты нашли своих естественных союзников; только американская оккупация спасла и спасает обанкротившихся правителей Японии от потери ими власти и богатства. «Сотрудничество» правящих реакционных клик США и Японии легло тяжелым бременем на плечи японского народа. Оно, это «сотрудничество», несет Японии новые бедствия, поскольку у американского империализма нет и не может быть иных целей по отношению к Японии, кроме превращения ее народа в пушечное мясо и в объект хищнической эксплуатации. Американский империализм отклоняет все предложения о подготовке мирного договора с Японией на основе Потсдамского соглашения о процедуре подготовки мирных договоров, так как он стремится на длительное время затянуть оккупацию Японии с целью превращения ее в свой военный плацдарм у берегов Советского Союза, Корейской Народной Республики и демократического Китая. Следствием американ-

ского хозяйничания является тяжелое состояние экономики, навязываемые японскому народу колоссальные расходы на содержание американских оккупационных войск и огромной полиции, которая служит одним из средств маскировки восстановления милитаризма, огромные затраты на строительство аэродромов и других военных сооружений, сохранение военной промышленности и т. п.

Затягивание оккупации нужно американскому империализму также для того, чтобы создать условия для экономического закабаления Японии на долгие годы, в частности путем захвата японской промышленности американскими монополистами. Одним из важных средств для достижения этой цели явились принятые американским командованием меры по так называемой «ликвидации дзайбацу». Американским командованием был издан ряд директив о роспуске головных держательских компаний концернов, о децентрализации крупных промышленных компаний и, наконец, об «экономической чистке». Все эти директивы не имели ничего общего с действительной ликвидацией дзайбацу. Они предусматривали полное возмещение магнатам капитала стоимости их подлежащих продаже акций, некоторую организационную перестройку концернов и запрет членам семей дзайбацу и их ответственным служащим занимать руководящие должности в тех компаниях, в которых они главенствовали прежде. Все эти меры, если бы они даже были осуществлены, ни в малейшей степени не затрагивают собственности магнатов дзайбацу, являющейся основой их могущества и власти.

В конечном счете, однако, большинство тех мер, которые предусматривали американские директивы, не было осуществлено. Более 800 из 1100 компаний дзайбацу, внесенных в «списки компаний, ограниченных в своей деятельности», к началу 1949 г. были исключены из этих списков, «децентрализация» полностью отменена, а «чистка» коснулась лишь 325 человек, которые продолжают свой бизнес в других компаниях. Головные держательские компании концернов были распущены, но их места занимают банки и другие крупные компании, которые сосредоточивают в своих руках контрольные пакеты акций дочерних и внучатных компаний.

В чем же, в таком случае, заключалось значение американских директив? Наряду с определенными демагогическими соображениями все эти «антимонополистические меры» были направлены на то, чтобы создать в руках американских властей мощные средства для шантажа владельцев дзайбацу с целью закабаления японской экономики на условиях, наиболее выгодных для монополистов США. Руководитель «антитрестовского» отдела штаба Макартура Уэлш заявил на пресс-конференции в Токио 4 октября 1947 г. следующее: «Приток иностранного капитала в новые компании, созданные и укрепленные на основе рассредоточения акций дзайбацу, будет иметь значительный стабилизирующий эффект для японской экономики». На деле этот «стабилизирующий эффект» состоит в создании условий для подчинения японской экономики американским монополиям. Одна из главных целей «рассредоточения акций» как раз и заключалась в том, чтобы создать благоприятные условия для американских инвестиций. Американские власти внесли в структуру концернов такие изменения, какие были им нужны, для того чтобы заставить своих могущественных и опасных в прошлом империалистических конкурентов подчиниться не только на словах, но и на деле, не только на время оккупации, но и на последующий период.

Именно для достижения такого рода целей американские власти сосредоточили в своих руках мощные средства давления на японские монополии. От американских властей целиком или в значительной степени зависят: исключение тех или иных компаний из списка «ограниченных»; освобождение от «децентрализации»; демонтаж предприятий в счет репараций; предоставление лицензий на открытие новых компаний; продажа-покупка крупных пакетов акций и других ценных бумаг (в особенности распушенных держательских компаний концернов); допуск к участию во внешней торговле; предоставление подрядов по работам для оккупационных властей; купля-продажа дефицитных видов сырья и топлива; предоставление кредитов из полугосударственных кредитных институтов и многое другое. В этих условиях понятна заинтересованность японских монополий в «сотрудничестве» с американскими монополиями. Дзайбацу в послевоенной

Японии идут по пути превращения в компрадорскую клику, видя в этом наилучшие возможности для сохранения и приумножения своих богатств и, разумеется, не считаясь ни в малейшей степени с тем, что это равнозначно превращению Японии в колонию американского империализма.

В конце 1948 г., после того как американские власти создали громадные препятствия для независимого развития японской экономики, они потребовали от японского правительства осуществления так называемой «программы экономической стабилизации», единственное назначение которой заключается в том, чтобы закрепить зависимое положение японской экономики и перейти к непосредственному захвату японской промышленности американскими монополиями. Программа эта требует усиления налогового обложения трудящихся, снижения заработной платы, «рационализации» производства путем массовых увольнений и т. п. Почти одновременно с директивой, содержащей «программу стабилизации», Маккартур в январе 1949 г. направил японскому правительству директиву с требованием о неограниченном расширении сферы действия иностранного капитала в Японии.

Первые результаты вышеописанных мер сказались в заключении рядом японских компаний «договоров о сотрудничестве» с американскими монополиями. Американские нефтяные компании «Калтелс» и «Стандард вакуум» за незначительные суммы скупили акции и предприятия крупнейших японских нефтеочистительных компаний «Тоа» и «Ниппон» и установили свой контроль над японской нефтепромышленностью. На очереди — металлургия, химическая промышленность, железные дороги и другие важнейшие отрасли народного хозяйства, владельцы которых ведут переговоры с американскими дельцами о «совместном предпринимательстве».

Главной составной частью американской «программы стабилизации» и необходимым условием для достижения империалистических целей американской политики в современной Японии является подавление в Японии демократического движения. Отменяя террористические милитаристские законы, запрещавшие существование и

деятельность профсоюзов и других демократических организаций, американские власти и японские реакционеры надеялись на то, что японское профдвижение будет развиваться по тред-юнионистскому пути, по пути Американской федерации труда, по пути «классового сотрудничества», т. е. по пути, при котором профсоюзы представляют собой политические организации буржуазии в рабочем классе, организации, руководимые буржуазными политиками из числа открытых реакционеров или социал-реформистов.

Расчеты эти строились на том, что в прошлом большинство японских профсоюзов находилось под влиянием реформистских лидеров социалистической партии. Но надежды американских реакционеров не сбылись. Американские «специалисты по Японии» не способны были оценить тот факт, что реформистская реакционная верхушка старых профсоюзов в глазах сотен тысяч передовых людей Японии разделяет со всей правящей кликой ответственность за войну и за бедствия, которые переживает Япония, и что уже по одной этой причине старые реакционные лидеры профсоюзов не могут рассчитывать на доверие прогрессивных сил Японии. Еще меньше могли американские «эксперты по Японии» оценить значение боевых традиций японского рабочего движения, носителем которых была японская коммунистическая партия и те профсоюзы и крестьянские организации, которыми компартия руководила из глубокого подполья непосредственно или через другие организации, стоявшие на позициях единого фронта. Наконец, господа из американского империалистического лагеря совершенно неспособны были оценить тот факт, что в результате поражения в войне стран гитлеровской оси в мире произошло резкое изменение сил в пользу демократии и социализма и что это новое соотношение сил не могло не сказаться также и на социальном и политическом развитии послевоенной Японии.

Следствием всех указанных факторов явился громадный рост влияния и авторитета японской коммунистической партии, которая в послевоенной Японии выступает как признанный организатор и вождь массовых пролетарских и крестьянских демократических организаций,

как организатор и вдохновитель борьбы японского народа против англо-американской и внутренней реакции, за независимую, миролюбивую и демократическую Японию. В момент своего выхода из подполья в октябре 1945 г. компартия была малочисленной, большинство ее членов было освобождено из тюрем после многолетнего заключения. В начале 1949 г. в рядах компартии насчитывалось уже 150 тыс. человек. На парламентских выборах 23 января 1949 г. за кандидатов компартии было подано 3578 тыс. голосов, и коммунисты получили в нижней палате 36 мест против четырех мест, полученных на выборах в апреле 1948 г. В Токио кандидаты компартии были избраны по всем шести избирательным округам, в Осака — по четырем из пяти избирательных округов. Компартия, таким образом, превратилась в массовую политическую партию, пользующуюся поддержкой миллионов трудящихся Японии.

Последовательная борьба компартии в защиту национальных интересов Японии, интересов ее трудящихся классов обеспечила ее представителям руководящее положение в японских профсоюзах и крестьянских организациях. Несмотря на величайшие трудности, несмотря на раскольническую деятельность реформистских наемников американского империализма, японское профдвижение после войны развивается не по тред-юнионистскому, а по революционному пути. Уже самые темпы роста профсоюзного движения Японии свидетельствуют о его боевом, наступательном характере. Если до войны число членов всех профсоюзов в Японии не превышало 400 тыс. человек, то в первом квартале 1949 г. число членов профсоюзов превысило 7 млн. человек. Решающее значение для судеб послевоенного рабочего движения Японии имеет то обстоятельство, что большинство японских профсоюзов, с общим числом свыше 4,5 млн. человек, объединено под руководством «Всеяпонского комитета связи между профсоюзами» (Дзэнрорен) — организации, которая стоит на позициях активной защиты интересов рабочего класса. В марте 1949 г. Дзэнрорен, как объединение, представляющее большинство организованных трудящихся Японии, был принят в ряды Всемирной федерации профсоюзов. Внутри Дзэнрорен ведущее поло-

жение занимает Японский конгресс производственных профсоюзов с 1,8 млн. членов, который является наиболее последовательным демократическим профсоюзным объединением и в руководстве которого большую роль играют коммунисты. Несмотря на чрезвычайные меры, принимаемые американским командованием и японским правительством с целью раскола демократических и укрепления реформистских профорганизаций, созданная правосоциалистическими раскольниками федерация профсоюзов «Содомей» объединяет менее одной четверти организованных трудящихся Японии.

О боевом, наступательном характере послевоенного рабочего движения свидетельствует также невиданный в истории Японии размах стачечной борьбы. Если до войны, в год максимального развития стачечного движения — в 1937 г., — в трудовых конфликтах участвовало 214 тыс. человек, то в 1946 г. в трудовых конфликтах участвовало 864 тыс. человек, в 1947 г. — 2612 тыс. человек. В 1948 г., несмотря на усилившиеся репрессии против профсоюзов, в стачках и других трудовых конфликтах участвовало несколько миллионов трудящихся. В одном только марте 1948 г. в трудовых конфликтах участвовало 2,4 млн. чел. — больше, чем за все довоенное десятилетие. Во время стачек сотни тысяч японских трудящихся участвовали в установлении рабочего контроля над производством*.

Крупнейшей политической организацией крестьянства после войны является японский крестьянский союз, насчитывающий 1,2 млн. членов. Руководство этим союзом находится в руках демократических сил — в его испол-

* В ходе стачечной борьбы после войны японские рабочие и служащие начали широко применять эту форму борьбы. Рабочий контроль над производством — своеобразная форма стачки. Учитывая тяжелое состояние экономики страны, рабочие и служащие не прекращают работу, но берут управление предприятием в свои руки, отстраняя владельца от всех дел. Покупка сырья, сбыт готовой продукции, все расчеты с персоналом производятся профсоюзными стачечными комитетами. Американские оккупационные власти и японское правительство с особым ожесточением ведут борьбу против рабочего контроля и применяют суровые репрессии по отношению к его участникам.

коме большинство составляют коммунисты, а также левые социалисты и беспартийные, стоящие на позициях единого демократического фронта, который складывается в процессе упорной борьбы прогрессивных сил Японии во главе с компартией против англо-американской и внутренней реакции и против ее правосоциалистических наемников.

Свои главные удары американские власти вместе с их японскими марионетками направляют против японской коммунистической партии и против массовых демократических организаций трудящихся. Еще не успели высохнуть чернила на изданных после войны законах, в которых декларировались всякого рода «свободы», как уже издаются новые законы, запрещающие стачечную борьбу трудящихся; образована правительственная «комиссия по расследованию антияпонской деятельности», которая представляет собой гестапо американского образца. Сотни коммунистов и активных деятелей профдвижения брошены в макартуровские тюрьмы, американские войска вместе с японской полицией разгоняют демонстрации трудящихся и пикеты бастующих рабочих.

Американская империалистическая оккупация, направленная своим острием против японского народа, является в настоящее время главной силой, на которую в послевоенной Японии опирается власть дзайбацу и помещиков. Американская оккупация помешала японскому народу использовать разгром японского империализма в такой же степени, как это удалось сделать другим народам Восточной и Юго-восточной Азии. Но тяжелый опыт второй мировой войны и послевоенные годы не прошли для японского народа даром. В Японии, как и во всем мире, соотношение между силами, ведущими борьбу за демократию и социализм, и силами реакции резко изменилось в пользу первых. Обострение классовой борьбы в послевоенной Японии, рост организованности рабочего класса, руководящая роль компартии в массовых профсоюзных и крестьянских организациях, постепенное вовлечение в демократическую борьбу широких масс крестьянства — все эти факторы уже сейчас позволяют сделать вывод о том, что расчеты американского империализма использовать японский народ в ка-

честве пушечного мяса в войне против Советского Союза и стран народной демократии на Востоке встречают серьезные препятствия.

Успехи демократического движения в Японии, достигнутые в труднейших условиях американской империалистической оккупации, являются залогом того, что японские трудящиеся не остановятся на полпути и будут до полной победы вести борьбу за то, чтобы «изменить государственный и социальный строй Японии по образу и подобию коренных интересов японского народа» *.

Я. Певзнер.

* И. В. Сталин, Соч., т. VII, стр. 228.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Стабильность мирного урегулирования на Дальнем Востоке, быть может, зависит главным образом от той политики, которая будет проводиться в отношении кучки раздувшихся финансово-промышленно-торговых монополий, господствовавших над национальной экономикой современной Японии. Японцам эти гигантские экономические объединения известны под именем «дзайбацу», что буквально значит «финансовая клика». Это наименование весьма удачно, поскольку в центре каждой из экономических империй четырех крупнейших домов дзайбацу — Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и Ясуда — находится крупный банк с депозитами, достигающими миллиардов иен. От этих четырех банков через связанные с ними или созданные ими доверительные, страховые и акционерные компании расходится сложная сеть, которая владеет заводами, шахтами, пароходными компаниями и коммерческими предприятиями Японии. Восемь концернов дзайбацу вместе с императором (который владеет громадным богатством в акциях, ценных бумагах и землях) и с 3500 крупных помещиков распоряжались страной и ее народом как своей феодальной вотчиной.

Странные вещи рассказывают об этих японских дзайбацу. Говорят, например, что это мирные люди, не верящие в войну, — хотя они разжигали на следовавших одна за другой войнах, которые заканчивались — до последней войны — неизменным успехом.

Из всех сказок о дзайбацу наиболее распространенная и претендующая на наибольшее правдоподобие рассказывает нам, каким смертельным врагом дзайбацу являются японские военные лидеры. Упорная вера в этот миф ничуть не была поколеблена тем неопровержимым фактом, что те и другие самым реальным образом

сотрудничали на протяжении 75 лет японской экспансии. Чтобы укрепить это представление, сознательно сочинили и распространяли басню о том, что Тодзио единолично принял решение напасть на Соединенные Штаты и вслед за тем установил военную диктатуру для ведения войны. И дзайбацу услужливо укрепляют нас в этом весьма полезном для них представлении. Администратор концерна Мицуи — Киёси Миядзаки — со слезами на глазах убеждает корреспондента «Нью-Йорк таймс», что военщина во время войны «тиранила» дзайбацу и мешала им эффективно руководить своими промышленными предприятиями.

Миф о непримиримой вражде между дзайбацу и милитаристами является как результатом сознательного обмана, так и результатом недостатка самых элементарных знаний об экономической жизни Японии. Многие все еще представляют себе, что дзайбацу и военщина занимают на японской сцене какие-то отделенные друг от друга, независимые места. Но это не совсем так. Обе группировки необычайно тесно переплетены друг с другом. Ознакомление с приведенным в этой книге документом № 12 покажет, что многие офицеры армии и флота занимают руководящие посты в концернах дзайбацу. Лица, подобные адмиралу Тэйдзио Тоёда, видному представителю концерна Мицубиси, на всем протяжении войны занимали руководящие посты или в кабинете, или в деловом мире. И только теперь, после войны, мы узнаем, что Тодзио, которого неизменно представляли «чистым милитаристом», нажил миллионы на совместных с дзайбацу махинациях.

Истинные взаимоотношения между дзайбацу и милитаристами гораздо сложнее этого чрезмерно упрощенного мифа. Для тех немногих, кто правил современной Японией, подлинное значение имела лишь та политическая борьба, которую они вели между собой из-за богатства и власти. На протяжении всей современной истории Японии дзайбацу, дворцовая камарилья, помещики, лидеры армии, лидеры военно-морского флота, кадровые чиновники и политические деятели партий постоянно вели интриги, стремясь захватить руководящее положение. Иногда борьба особенно обострялась — и некоторым

приходилось плохо. Не исключалось даже убийство. Но все это было лишь семейной ссорой. Там, где дело касалось расширения империи или стремления народа к демократии, правящие группировки выступали как сплоченное целое. Отыскивать внутри олигархии какую-то особую группировку, которая якобы будет управлять Японией «миролюбивыми» и «демократическими» методами, — значит гоняться за призраками. Больше того, считать, что такой группировкой являются дзайбацу, — значит впасть в величайшее заблуждение. Ведущей политической силой в современной Японии является не военщина, а дзайбацу. Но эти две группировки взаимно дополняют, а не исключают друг друга. Если дзайбацу получают возможность руководить восстановлением экономики Японии, то их неизменный спутник — военщина — снова окажется тут как тут, как только дело будет доведено до конца.

О дзайбацу следует судить по тому, что делают дзайбацу в действительной жизни. В данном исследовании делается попытка не дискутировать по поводу дзайбацу, а показать их в процессе деятельности в критический период, с середины 1940 до середины 1945 г. Здесь показано, как в сумятице политической жизни дзайбацу успешно добивались проведения своих требований по конкретным вопросам и подчиняли политику кабинета своей воле. В тексте приводится ряд весьма явных высказываний ведущих организаций и деятелей дзайбацу. Рекомендуется тщательно ознакомиться с этими цитатами, даже если они и покажутся несколько скучными, ибо именно здесь, когда они говорят от своего имени, дзайбацу предстают перед нами в своем подлинном, неприкрашенном виде.

В рассматриваемый в настоящей книге период экономическая политика военного времени была одним из главных спорных вопросов внутри японской олигархии. В тот или иной момент в борьбу вступали все группировки. Здесь показано, как лидеры партий* действовали

* Автор имеет в виду реакционные буржуазно-помещичьи партии сейюкай и минсейто. Партия сейюкай была основана в 1900 г. князем Ито — автором реакционной японской конституции 1889 г., чле-

в качестве подголосков дзайбацу в парламенте и как влиятельные чиновники и многие армейские и морские офицеры поддавались мощному давлению дзайбацу. За кулисами можно видеть дворцовую камарилью, в том числе и новых генро * (старейших государственных деятелей) из числа бывших премьеров, деятельно перетасовывающую, по мере изменения обстановки, состав кабинетов в угоду требованиям большинства олигархии.

В октябре 1941 г. Тодзио был назначен премьером с неограниченными полномочиями для ведения тотальной войны, что явилось результатом решения, против которого не возражала ни одна из группировок олигархии. В этот период, как описывается в заключительной части главы V, дзайбацу стремились спешно создать контрольные ассоциации, которым предстояло руководить про-

ном «генро» (см. след. прим.) и одним из крупнейших лидеров правящей верхушки в первые десятилетия после «революции Мейдзи». Сейюкай неоднократно имела парламентское большинство и была правительственной партией. Она была тесно связана с концерном Мицуи, с помещичьими кругами, а также с руководящими кругами японской армии. Минсейто до 1927 г. фигурировала под разными названиями — кайсинто, симпото, кокуминто, кенсэйкай; первоначальная организация, кайсинто, была основана в 1882 г. другим крупнейшим деятелем периода буржуазных реформ, бароном Окума, Минсейто также неоднократно была правительственной партией. Она была тесно связана с концерном Мицубиси и с военно-морскими кругами. Борьба между этими двумя партиями в значительной степени отражала конкурентную борьбу между двумя указанными крупнейшими концернами. Начиная с 1932 г. обе партии, несмотря на то, что имели в парламенте большинство, отказались от формирования кабинетов, уступив место лидерам военщины и дворцовой бюрократии. В 1940 г. обе партии самораспустились, и большинство их лидеров вошло в созданную тогда же верхушечную фашистскую организацию «Ассоциация помощи трону». — *Прим. ред.*

* «Генро» — неконституционный институт ближайших советников императора, образовавшийся в годы «революции Мейдзи». Виднейшими членами генро были Ито, Ямагата, Мацуката, Иноуэ, Сайондзи. Последний генро — князь Сайондзи — умер в 1940 г., и после его смерти институт генро формально перестал существовать. Однако фактически роль генро после 1940 г. исполнял собиравшийся время от времени императором совет бывших премьеров. В годы второй мировой войны в состав «новых генро» входили: бывший лидер партии минсейто Вакацуки, адмиралы Окада и Енай, генерал Абэ, сановники и придворные — Коноэ, Хираума и Хирота. В 1944 г., после своей отставки, в состав «новых генро» вошел генерал Тодзио. — *Прим. ред.*

мышленностью в ходе «большой войны», которая, по мнению всей правящей клики, была совсем близка. Даже лорд-хранитель печати маркиз Коити Кидо, как теперь выяснилось, докладывал императору о «необходимости» воевать с Соединенными Штатами и Англией. В апреле 1945 г. олигархия специально подобрала состав кабинета Судзуки, сформированный для осуществления капитуляции, которая к тому времени считалась неизбежной.

Дзайбацу в равной мере содействовали принятию как первого, так и второго решения. И, как ни странно это может показаться, военщина поддержала второе решение точно так же, как и первое. Необходимо подчеркнуть, что в августе 1945 г. военные лидеры еще имели в своем распоряжении вооруженные силы. За пределами Японии находились громадные армии. Если военщина «против его воли» втянула императора-марионетку в войну в декабре 1941 г., то как же случилось, что этот же самый император-марионетка принудил ее к позорной капитуляции в августе 1945 г.? Ответ заключается в том, что олигархия, за незначительными исключениями, в обоих случаях выступала как единое целое.

В борьбе вокруг экономической политики военного времени ведущую роль играли несколько крупных бюрокрагов, некоторые военные лидеры и дзайбацу. Чтобы помочь рассеять ненужный и вредный миф, следует отметить также, что дзайбацу решительно побивали военщину по всем важнейшим вопросам, возникавшим в экономической области. В этой области столь усиленно рекламируемая диктатура военщины просто не существовала, несмотря на все жалостные уверения Миядзаки.

В течение 1940—1941 гг. дзайбацу одержали победу в борьбе за создание контрольных ассоциаций в качестве административных органов для мобилизации промышленности в «большой войне». Когда же война началась, эти отраслевые контрольные ассоциации, представлявшие собой всего лишь частные картели дзайбацу под другим названием, — оказались совершенно неспособными к чему-либо, кроме взаимной конкуренции из-за дефицитных материалов, что к концу 1942 г. довело военную экономику Японии почти до хаоса. Большая часть 1943 г. была потеряна, пока новые условия соглашения

о новой технике контроля над военной промышленностью, наконец, не стали приемлемыми для дзайбацу. Министерство вооружений получило достаточную власть для централизации распределения материалов в соответствии с системой приоритета, а также и для размещения заказов, по крайней мере в отношении авиационной промышленности. В руководящем составе нового министерства господствующую роль играли представители дзайбацу. К тому же функции министерства определялись законом о компаниях военной промышленности, который оставлял нетронутыми prerogatives дзайбацу в отношении «собственности и управления» и предоставлял крупным концернам широкие фискальные и прочие преимущества. На все это военщина поневоле согласилась, несмотря на то, что «диктатор» Тодзио был одновременно премьером и военным министром. Непрерывная цепь побед дзайбацу в этих основных вопросах показывает их подлинное политическое значение как доминирующей силы в современном японском государстве.

Длительная затяжка в установлении эффективного централизованного контроля над военной промышленностью Японии весьма существенно повлияла на ход войны на Тихом океане. Еще в середине 1942 г., после боя у Мидуэя, Япония уже потеряла стратегическую инициативу. На протяжении следующих 18 месяцев, когда экономическая дезорганизация была особенно острой, японская промышленность оказалась совершенно неспособной поднять производство самолетов и судов до такого уровня, который позволил бы возобновить наступление. К 1944 г. эта возможность миновала. Мощь союзников стала достаточной для того, чтобы начать наступление.

Еще одно обстоятельство бросает дополнительный свет на деятельность дзайбацу в период войны. Это — их жестокое пренебрежение к интересам мелких и средних промышленников, что отмечается во многих главах этой книги. Имеются все основания утверждать, что при благоприятных условиях значительная группа японских мелких промышленных предпринимателей могла бы проявить инициативу и способность к значительному расширению своей деятельности. Легкая промышленность представляет естественную сферу их развития, которое в зна-

чительной мере могло бы способствовать оздоровлению и развитию послевоенной экономики Японии. Среди мер, которые необходимо принять в отношении японской экономики, ликвидация крупных концернов дзайбацу совершенно необходима для расчистки пути к здоровому росту мелких промышленников и торговцев. Эта группа, связанная с рабочими и крестьянами, — поскольку, как и они, она оказалась жертвой алчности олигархии, — явится дополнительной опорой для развития прочной японской демократии *.

Т. А. Биссон.

Порт Вашингтон (штат Нью-Йорк), 28 сентября 1945 г.

* В данном случае Биссон выражает точку зрения тех малочисленных групп внутри правящего лагеря США, которые, исходя из своих корыстных целей, выступают за «обезвреживание» Японии путем лишения ее тяжелой (в том числе невоенной) промышленности, путем децентрализации японских концернов, что, разумеется, весьма далеко от полной ликвидации могущества и господства дзайбацу. Среди близких к правительству США лиц наиболее видными представителями указанной точки зрения являются глава американской правительственной миссии по вопросу о репарациях (посетивший Японию в конце 1945 г.) Поули, предложивший на долгие годы закрепить японскую промышленность на уровне 1930—1934 гг., и глава американской правительственной миссии по вопросу о дзайбацу (посетивший Японию в 1946 г.) Эдвардс, предложивший план децентрализации концернов. Правительство США придерживается иной политики, отвечающей интересам наиболее агрессивных империалистических кругов, стоящих на позиции необходимости сохранения дзайбацу в качестве своей агентуры и возрождения военной силы Японии с целью превращения ее в придаток военной машины США. Препятствуя восстановлению и развитию мирных отраслей японской экономики, американские власти сохраняют в Японии военные заводы и планируют развитие тяжелой промышленности в размерах, намного превышающих потребности развития мирной экономики страны.

Советский Союз выступает за неограниченное развитие мирной экономики Японии и за установление над ней временного международного контроля с целью предотвращения ее ремилитаризации. Демократические силы в Японии выступают за ликвидацию дзайбацу путем национализации важнейших отраслей японской промышленности и банков под контролем массовых демократических организаций трудящихся. — *Прим. ред.*

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении 1937—1940 гг. война с Китаем, а также приготовления к войне еще более крупных масштабов привели к усилению государственного вмешательства в экономическую жизнь Японии. Контрольные мероприятия в отношении экономики становились все более разнообразными и всеохватывающими. К 1940 г. контроль со стороны государства в той или иной степени осуществлялся: над внешними валютными операциями, импортной и экспортной торговлей, капиталовложениями, ценами, заработной платой, производством товаров для гражданского потребления и энергетической промышленностью. Однако все эти меры были далеки от установления всеобъемлющей системы государственной регламентации в отношении основных отраслей промышленности и крупных торгово-промышленных монополий. По большей части они вводились случайно, бессистемно, по мере возникновения каких-либо чрезвычайных обстоятельств. Во многих случаях деловым кругам удавалось ограничить либо самые законоположения о контроле, либо степень их применения и проведения в жизнь.

Закон 1938 г. о всеобщей мобилизации нации предусматривал всеобъемлющие мероприятия по контролю, но, по существу, он содержал лишь общие положения, которые могли осуществляться только в порядке императорских эдиктов, требовавших одобрения Комиссии по вопросам всеобщей мобилизации нации, состоявшей из 50 членов¹. В целом даже в 1940—1941 гг. в экономике Японии все финансирование и оперативное управление осуществлялись частными предприятиями, которые рас-

¹ В этой комиссии большинство составляли 30 членов, назначавшиеся из числа депутатов парламента. Остальные 20 мест занимали чиновники и эксперты. Таким образом, господствующее положение в комиссии занимали «деловые круги», а не армия.

поряжались своими прибылями и дивидендами при сравнительно незначительном вмешательстве со стороны государства. Контроль, в смысле подчинения промышленности всеобъемлющим государственным планам, находился еще в эмбриональном состоянии. Поэтому еще в сентябре 1941 г. «Ориентал экономист» * мог заявить в редакционной статье: «Японская контролируемая экономика военного времени до сих пор основывается на трех важных законах — законе о временных мерах, касающихся экспортных и импортных товаров, законе о временном контроле над капиталом и законе о мобилизации нации, из которых ни один не содержит статей, содержащих хотя бы намек на плановую экономику»¹.

Тем не менее, возникло сильное, как открытое, так и закулисное, движение за более широкий и более эффективный государственный контроль над промышленностью. Многие лидеры армии и военно-морского флота поощряли это движение и явились его основной политической движущей силой. Они проявляли чрезвычайную заинтересованность не только в экономической, но и во всех остальных областях национальной жизни и развития. В одной из армейских пропагандистских брошюр, по всей вероятности изданной впервые задолго до 1937 г., всеобщая мобилизация рассматривалась как проблема, требующая подготовки во всех сферах деятельности: воспитательной, «духовной», политической, финансовой и промышленной. Основной пункт программы, изложенной в этой брошюре, уже предусматривал «государственный контроль» над промышленностью, с тем чтобы последняя могла быть «легко включена в структуру военного времени»². Идеи, изложенные в таких брошюрах, рассма-

* «Ориентал экономист» — журнал по вопросам экономики, издаваемый в Токио на английском языке; отражает точку зрения дзайбацу. — *Прим. ред.*

¹ *The Oriental Economist*, сентябрь 1941 г., стр. 458.

² Отрывки из этой брошюры см. в документе № 1. Следует обратить внимание на то, что принципы «всеобщей мобилизации», изложенные в этой брошюре, были впоследствии включены в закон о всеобщей мобилизации, хотя применение их было ограничено необходимостью предварительного одобрения со стороны Комиссии по вопросам всеобщей мобилизации.

тривались как политическое оружие и предназначались для массового распространения.

Армейских лидеров экстремистского направления поддерживала небольшая группа бюрократов*. Поддержка эта была весьма существенна, ибо она обеспечивала опыт и технические знания, необходимые для осуществления обширной программы экономического контроля. Большинство кадровых чиновников, однако, попрежнему оставалось на стороне деловых кругов. Как военные, так и чиновники, близкие к военщине, приобрели некоторый практический административный опыт в Маньчжоу-Го, где Квантунская армия провела широкий опыт государственного экономического контроля**, и этот опыт был

* Под «армейскими лидерами экстремистского направления» автор подразумевает наиболее агрессивную группу японской военщины; ее ведущими представителями были генералы Тодзио, Койсо, Араки, Мадзаки, Хасимото и др., которые открыто выступали за скорейшее развязывание войны. Между этой группой и другими кликами правившего Японией реакционного блока имелись некоторые разногласия по вопросу о сроках начала войны и о тактике подготовки к ней. В отличие от дзайбацу и близких к ним клик военщины и бюрократии, выступавших за большую осмотрительность и тщательность подготовки к войне, «экстремисты» (которых иногда называли «группой молодого офицерства» или «квантунской кликой» — последнее название было связано с тем, что цитаделью этой группы была Квантунская армия в Маньчжурии) требовали «немедленной войны, несмотря ни на что». Однако никаких принципиальных разногласий по вопросу о подготовке к войне между «экстремистами» и так называемыми «умеренными» никогда не было. «Экстремисты» были столь же верными и надежными слугами дзайбацу и помещиков, как и все другие группы военщины, важнейшие государственные посты (в том числе посты премьер-министров — Тодзио, Койсо) занимали «экстремисты». Фашистская военщина в Японии осуществляла политику, диктовавшуюся финансовым капиталом и помещиками.

Говоря о «небольшой группе бюрократов», автор имеет в виду группу высших правительственных чиновников из числа гражданских лиц, действовавшую в полном контакте с военщиной. Одним из виднейших представителей этой группы был президент «Планового бюро» Наски Хосино. — *Прим. ред.*

** «Широкий опыт государственного экономического контроля» в Маньчжоу-Го, о котором пишет автор, фактически сводился к тому, что квантунская военщина принимала деятельное участие в создании в оккупированной Маньчжурии японских военнопромышленных компаний путем ограбления китайского населения и захвата имущества китайской буржуазии. Японская военщина в Маньчжурии, так же как и в самой Японии, выступала как надежнейшая агентура дзайбацу,

использован при разрешении более крупных и более сложных проблем в самой Японии.

Мы проявили бы чрезмерную ограниченность в подходе к этому важному вопросу и недооценили бы его действительную сложность, если бы рассматривали его исключительно в свете некоего непримиримого конфликта между двумя диаметрально противоположными группами — армией и дзайбацу (монополистами). Как те, так и другие постоянно шли на взаимные уступки, руководствуясь, с одной стороны, общей заинтересованностью в экспансии Японии, а с другой — необходимостью сохранения известного единства внутри правящей коалиции в целом.

Нельзя сказать, чтобы лидеры деловых кругов не понимали необходимости полного объединения промышленности во время войны или что они противились этому. При определенных условиях, при которых они стремились занять ведущее положение, они должны были многое выиграть от такого объединения, и они не противились тому, чтобы оно было осуществлено властью государства. Однако при этом они были полны решимости воспрепятствовать покушению государства на их прерогативы собственности и управления.

С другой стороны, немногие из армейских лидеров готовы были требовать полной бюрократизации промышленности *. Подобная программа, правда, не была вполне

поскольку последние предусмотрительно не желали рисковать своими капиталами и избегали больших капиталовложений в Маньчжурию, так как Маньчжурия никогда не была полностью покорена Японией и дзайбацу не могли быть уверены в надежности и рентабельности своих капиталовложений. Дзайбацу, на основании многолетнего опыта, рассчитывали на то, что создаваемые при активном участии военщины и передаваемые под контроль их, дзайбацу, представителей военно-промышленные компании, в дальнейшем, в случае успешного окончания войны, будут реприватизированы, т. е. переданы в полную собственность дзайбацу. Эти расчеты были опрокинуты в результате освобождения Маньчжурии Советской Армией и ее воссоединения с Китаем. — *Прим. ред.*

* Под «бюрократизацией» автор имеет в виду государственный контроль над промышленностью. Ссылка автора на «японские традиции последних десятилетий XIX века» является совершенно несостоятельной, так как и в то время никакого «государственного контроля» или контроля «плановых бюрократов» над переживавшей

чужда японской традиции. Она восходила к последним десятилетиям XIX в., когда «клановые бюрократы» начала эпохи Мейдзи непосредственно управляли большей частью только что созданной промышленности Японии¹. Однако воскресить прошлое в такой форме было нелегкой задачей. Хилые торговые фирмы минувших дней стали промышленными и финансовыми гигантами. Откуда взяли бы армейские лидеры технический персонал для руководства и управления современной промышленностью? Подавляющее большинство специалистов находилось на службе у торгово-промышленных фирм, — факт, постоянно противодействовавший успешному осуществлению наиболее крайних стремлений военщины.

Некоторые лидеры армии, в особенности те из них, кто был в большей степени проникнут идеологией Квантунской армии, действительно стремились добиться безусловной бюрократизации промышленности, повидимому, отдавая себе отчет в том, что лишь с помощью этой меры они могут надеяться обуздать власть деловых кругов и стать неограниченными хозяевами в государстве. Большинство же военных лидеров, однако, отнюдь не стремилось к такой крайней цели. Большинство стояло за средний курс, предусматривавший лишь некоторое государственное вмешательство и контроль. В то же время, в противовес экстремистам, существовало также и консервативное меньшинство*, которое

начальный период развития японской промышленностью не было. То, что автор называет «непосредственным управлением клановых бюрократов», в действительности было политикой государственного протекционизма, выражавшейся, в частности, в том, что государство за свой счет строило предприятия, а затем за бесценок передавало их в собственность частным фирмам. — *Прим. ред.*

¹ E. H. Norman, *The Emergence of Japan as a Modern State*, New York, 1940, гл. III—IV.

* Здесь и дальше автор употребляет термин «консервативный» по отношению к тем кликам военщины, придворных и высших правительственных чиновников, которые ближе всего были связаны с дзайбацу. Иногда в буржуазной литературе для выражения того же понятия употребляется термин «умеренные». В обоих случаях буржуазные авторы (в том числе Биссон) противопоставляют «консерваторов» или «умеренных» — «экстремистам». Все три указанных термина

обычно тесно сотрудничало с монополистами¹. По мере того как «молодой офицер» повышался в чине, он все более поддавался давлению в этом вопросе и обычно отбрасывал свои прежние «экстремистские» взгляды и шел на необходимые практические соглашения с деловыми лидерами. Специфическая особенность японской политической системы, постоянно стремившейся к установлению равновесия между правящими группами, предоставляя каждой из них жить и давать жить другим, препятствовала крайнему решению вопроса, которое безвозвратно нарушило бы единство коалиции.

1. Военные приготовления как стимул к установлению контроля

К середине 1940 г., по мере того как перспектива «большой войны» ясно обозначалась на горизонте, вопросы о степени подчинения промышленности «национальному контролю» и о методах осуществления этого контроля приобретали насущное практическое значение. До этого времени необходимость в такой широкой программе государственного контроля никогда не была настоящей. После 1937—1938 гг. потребность в материалах для войны в Китае резко сократилась. Соотношение между израсходованными и накопленными материалами в период повышенных бюджетных ассигнований — в 1937—1941 гг. — в известной мере проливает свет на подготовку Японии к более крупной войне и ее

являются неправильными, так как они затушевывают действительные позиции различных клик правившего Японией реакционного блока. «Экстремисты» были вполне «консервативны», поскольку они неизменно вели борьбу за сохранение и упрочение власти дзайбацу и помещиков, а «консерваторы» были в неменьшей мере «экстремистами», поскольку они были вдохновителями японской империалистической агрессии. В действительности речь идет о двух кликах внутри правящего лагеря империалистической Японии: о группе оголтелой военщины, выступавшей иногда с демагогическими целями под «антикапиталистическими» лозунгами, и о группе не менее агрессивной, но более тесно связанной с дзайбацу. — *Прим. ред.*

¹ Эта группа военных и морских офицеров была немалочисленна. Она включала некоторых первоклассных экономических администраторов Японии.

намерение ввести в заблуждение остальной мир. Есть две оценки этого соотношения, из которых одна принадлежит японскому бюрократу, в начале своей карьеры тесно сотрудничавшему с армией, а другая — американскому офицеру. Выступая 21 июля 1941 г., за три месяца до своего назначения на пост министра торговли и промышленности в кабинете Тодзио, Синсукэ Киси заявил следующее:

«При существующем положении необходимо, чтобы в финансовых кругах все были уверены в экономической мощи Японии. Некоторые лица в нашей стране рассматривают настоящий китайский инцидент, как войну, поглощающую наши силы. Такого же мнения придерживаются и Англия и Америка; но считать, что экономическая мощь Японии в настоящее время ослаблена в результате войны, — глубоко ошибочно. Правда, линии фронта в Китае весьма растянуты, но общее количество материалов, поглощаемых войной в Китае в настоящее время, составляет всего 10% производимых в Японии товаров; для японской империи 1941 г. это — сущий пустяк. Более того, нужно отметить, что некоторая часть этих 10% расходуется на строительные работы на континенте — в Манчжоу-Го, Северном Китае, Внутренней Монголии и на острове Хайнань. Остальное, или 90% материалов, в том числе самолеты, орудия, танки, автомобили, сырая и выделанная кожа, продовольствие и все иные товары, которые могут понадобиться Японии для обороны, заготавливается впрок»¹.

Приведенное в этом заявлении соотношение 9 : 1, очевидно, относится только к военным материалам, понимаемым в столь широком толковании, что сюда включается продовольствие и важнейшее сырье, так как в противном случае выражение «заготавливается впрок» было бы неуместным. Еще более авторитетная оценка, выражен-

¹ *The Japan Weekly Chronicle*, 31 июля 1941 г., стр. 140 (разрядка в оригинале).

ная главным образом в финансовых категориях, была дана начальником военного отдела военного министерства генерал-майором Кенрё Сато в речи, произнесенной в Токио 10 марта 1942 г.:

«Когда японская армия разрабатывала в 1936 г. политику обороны, она прекрасно сознавала необходимость пополнить вооружение и значительно увеличить производственную мощность в целях обеспечения и дальнейшего развития результатов маньчжурского инцидента. Учитывая, что национальный кризис может возникнуть в период с 1940 по 1942 г., когда европейские державы завершат перевооружение или свои планы увеличения вооружений, было предусмотрено, что вооружение и производственная мощность Японии должны быть значительно расширены, первые — в соответствии с шестилетним планом, с 1937/38 по 1942/43 финансовый год, и вторая — в соответствии с пятилетним планом, охватывающим финансовые годы с 1937/38 по 1941/42.

В июле 1937 г. . . . военные власти приняли твердое решение не дать китайскому инциденту принять характер войны на истощение. Поэтому были приложены все усилия, с одной стороны, для урегулирования китайского инцидента, а с другой — для увеличения производственной мощности с тем, чтобы подготовиться к международному кризису, которого они ожидали. С этой целью около 40% произведенных до сего времени военных расходов пошло на китайский инцидент и около 60% — на увеличение вооружений. Что касается железа и других важнейших материалов, то 20% общего их количества, предоставленного в распоряжение армии, было использовано в связи с китайским инцидентом, а остальные 80% пошли на увеличение вооружений.

В результате авиационные и механизированные соединения значительно расширились, а общая боевая мощь армии возросла более чем втрое по сравнению с периодом, предшествовавшим китайскому инциденту.

Военно-морской флот, почти не участвовавший в китайском инциденте, в указанный период неуклонно модернизировался и пополнялся. Что касается производственной мощности, то по некоторым отраслям промышленности в связи с трудностью получения машин и материалов не удалось полностью достигнуть желаемого роста, но в целом военная промышленность выросла в 7 или 8 раз. Соединенные Штаты и Англия не представляли, что боевая мощь Японии, несмотря на китайский инцидент, столь сильно возросла»¹.

Каково бы ни было точное соотношение, представляется совершенно ясным, что оно было гораздо более благоприятным для Японии, чем это считали в других странах. Разрабатывая свои планы войны за «великую Восточную Азию», японские лидеры располагали, таким образом, двумя преимуществами — необычайно крупными «наличными запасами» готового вооружения в сочетании со сравнительной неосведомленностью об этом их потенциальных противников. Оба эти фактора должны были способствовать силе и эффективности как первых внезапных японских ударов, так и ряду последующих мощных ударов, нанесенных в первые месяцы войны. Со своей стороны японские лидеры стремились оградить себя от ошибочной недооценки сил сопротивления противника, с которым им предстояло столкнуться. Овладение сырьевыми ресурсами Юго-Восточной Азии являлось важной предварительной операцией, длительность которой невозможно было в точности предсказать. Наконец, после того как этот начальный шаг был бы сделан, предстояло взяться за другую задачу — подготовку к длительному конфликту путем использования производственной машиной Японии ресурсов Юго-Восточной Азии.

Потенциальные требования этой экономической мобилизации, несомненно, по своим масштабам были гораздо шире, чем требования, вызванные войной в Китае. Как показало развитие событий, даже наиболее дальновидные японские лидеры не представляли себе масштаба необхо-

¹ *The Japan Times and Advertiser*, 12 марта 1942 г. (Разрядка Биссона. — Ред.)

димых экономических усилий и всей широты потребной административной реорганизации. Однако о наличии по крайней мере некоторого представления о масштабах и характере этой проблемы с полной очевидностью свидетельствуют относящиеся к 1940—1941 гг. заявления и действия представителей различных группировок правящей коалиции Японии. В важнейших спорах и политической борьбе, происходивших в течение 18 месяцев, предшествовавших 7 декабря 1941 г., центральное место занимал вопрос о той роли, которую придется играть основным отраслям промышленности в большой войне.

Все группировки придерживались того мнения, что необходимо будет осуществить гораздо более значительную рационализацию основных отраслей промышленности. Все сходились на том, что большая война потребует гораздо большего внимания к таким вопросам, как экономия материалов, надлежащее их распределение (трудная проблема «приоритета»), производительность и стандартизация, подчинение рабочих жесткому контролю, контроль над ценами и проблема субсидий. Совершенно очевидно, что эти вопросы интересовали деловые круги не в меньшей степени, чем армейских лидеров. Дзайбацу полностью отдавали себе отчет в том, что применение контроля, направленного к достижению этих целей, неизмеримо укрепило бы их положение — в особенности, если бы им удалось взять в свои руки руководство осуществлением этих мер. Какой характер должен носить этот контроль? И кто должен осуществлять его? Таковы были два основных вопроса, которые вызывали споры и борьбу на протяжении всего периода 1940—1941 гг. и были окончательно решены лишь накануне вступления генерала Хидеки Тодзио на пост премьер-министра в кабинете, которому предстояло ввергнуть Японию в «большую войну».

2. Конституционные препятствия к установлению единого контроля

Некоторые своеобразные черты японской конституционной и административной системы, связанные с раздроблением исполнительной власти между различными

инстанциями, создали препятствия к установлению единых эффективных мер контроля над основными отраслями промышленности. В Японии было мало прецедентов создания контрольного органа такого рода. Когда возникала такая задача, японский кабинет обычно брал в свои руки все полномочия в отношении как применения административных мер, так и принятия политических решений и осуществления ведомственного руководства.

Если бы дело касалось кабинета английского типа, где власть сосредоточена в руках премьер-министра, то такой порядок сам по себе мог бы и не породить особых трудностей. Но японский кабинет по его структуре можно почти противопоставить кабинету английского типа. Термин «кабинет» вовсе не упоминается в японской конституции, которая лишь предусматривает (ст. 55), что «соответствующие государственные министры дают советы императору и несут за них ответственность». В императорском эдикте, устанавливающем организацию кабинета, основной пункт гласит: «Премьер-министр стоит во главе государственных министров, докладывает императору о государственных делах и в соответствии с указаниями императора осуществляет общее руководство различными отраслями управления»¹. На практике «общее руководство» премьер-министра не было действительно обязательным для остальных министров, так что премьер являлся в большей мере председателем группы министров, нежели облеченным властью главой кабинета.

Эта особенность организации кабинета в Японии наиболее ярко проявлялась в положении военного и морского министров, которые, подобно премьеру и в отличие от других министров, обладали правом непосредственного доклада императору. Сказывалась она и на положении министров, возглавлявших экономические ведомства, которые пользовались сравнительной самостоятельностью в своих областях и не были склонны подчиняться контролю со стороны премьера. Двумя основными экономическими ведомствами были министерство финансов и министерство торговли и промышленности. Помимо этого,

¹ Naokichi Kitazawa, *The Government of Japan*, Princeton University Press, 1929, стр. 52.

существовали министерства земледелия и лесов, железных дорог, путей сообщения и связи, ведавшие важными областями управления экономикой¹. Одного этого перечисления достаточно, чтобы показать сложность проблемы единого управления, поскольку единообразный экономический контроль неизбежно нарушал ведомственные границы различных министерств. Кабинет по самой своей структуре не мог сколько-нибудь быстро и эффективно провести в жизнь сложную программу регулирования основных отраслей промышленности.

Все же внутри кабинета был создан один орган экономической координации — «Плановое бюро». Впервые созданный правительством Хаяси весной 1937 г., этот орган пять месяцев спустя подвергся реорганизации, усилившей его полномочия и расширившей масштабы его деятельности. «Плановое бюро» было создано в основном по инициативе армии и до конца своего существования в октябре 1943 г. находилось под постоянным сильным влиянием армии. По замыслу армейских лидеров, «Плановое бюро» должно было быть таким органом, который стимулировал бы мобилизацию промышленности, экономическое планирование и контроль и вообще выполнял бы функции экономического генерального штаба, в особенности в отношении увязки военных приготовлений, проводившихся как по гражданской, так и по военной линиям.

Эти цели были достигнуты лишь частично. Хотя полномочия «Планового бюро» постепенно расширялись, особенно благодаря тому, что на нем лежала разработка общих планов, охватывавших почти все стороны экономической мобилизации, но оно так и не смогло изменить положение, при котором в конечном итоге управление национальной экономикой осуществлялось различными министерствами. Помимо своей важнейшей функции составления общих экономических планов, «Плановое бюро» рассматривало подготовленные министерствами законопроекты, готовило поправки к этим законопроектам, само могло разрабатывать законодательные

¹ Здесь указаны министерства, существовавшие до реорганизации, проведенной в октябре 1943 г.

предложения, но его решения не были обязательными для правительства. Рекомендации бюро во всех случаях подлежали одобрению министерств, от которых зависело их практическое применение и проведение в жизнь. «Плановое бюро» оказало наибольшее влияние на разработку закона о всеобщей мобилизации нации в 1938 г., но, как мы ранее указывали, деловые круги лишили этот закон действительности, добившись создания комиссии, которая должна была наблюдать за его проведением в жизнь.

На протяжении шести лет своего существования «Плановое бюро» служило удобным каналом, по которому взгляды армии по вопросам экономической политики можно было доводить до сведения кабинета. Иногда, однако, эта возможность приводила к серьезным конфликтам, создавая еще один фактор разлада внутри кабинета, в котором и без того было мало единства, когда нужно было разработать и осуществить единую политику в области экономической мобилизации и контроля.

В течение 1940—1941 г., на фоне этой не слишком благоприятной обстановки, движение за рационализацию управления экономикой приобрело особую силу. Препятствия к установлению координированной системы контроля имели глубокие корни, и их нельзя было преодолеть одним ударом. Экспериментирование и всевозможные реорганизации продолжались до октября 1943 г., когда основные преобразования были, наконец, завершены.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ «НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ»

(1940—1941 гг.)

Глава I

ПОТРЕБНОСТЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ КОНТРОЛЕ

Период, в течение которого вырабатывались меры контроля над промышленностью, охватывает 15 месяцев существования второго и третьего кабинетов Коноэ — с 23 июля 1940 г. по 18 октября 1941 г. По случайному ли совпадению или по определенному замыслу, но именно тогда, когда первый проект всеобъемлющей системы контроля только что был набросан и ожидал формального утверждения и конкретного применения, генерал Тодзио занял пост премьера и начал готовиться развязать войну на Тихом океане.

Второй кабинет Коноэ был сформирован в то время, когда военные успехи Германии зажгли в воображении японцев мечту о «великой Восточной Азии». Требования энергичной внешней политики тесно сочетались с призывами к «обновлению» внутри страны. Первые означали равенство на державы оси, вторые — установление более жестокой авторитарной власти. Учтя общее политическое направление, князь Коноэ 24 июня 1940 г. покинул пост председателя Тайного совета и развернул кампанию за установление «новой структуры». В то время «син тайсэй», «новая структура» — формула, изобретенная «мозговым трестом» Коноэ, — была у всех на устах. Столь же расплывчатая, сколь и многозначительная, она была вполне подходящим лозунгом. Отныне лозунг «син тайсэй» служил целям авторитарной реорганизации на внутреннем фронте, подобно тому как лозунг «хакко ити-у»¹

¹ Этот лозунг о «восьми углах (мира) под одной крышей» скрывал свою шовинистическую сущность под маской гуманности. Все

использовался для мобилизации масс на поддержку движения за территориальную экспансию. «Новая структура», или «новая национальная структура», представляла собой общее понятие, включавшее и «новую политическую структуру» и «новую экономическую структуру».

Период, который можно было бы назвать медовым месяцем второго кабинета Коноэ, длился около трех месяцев. В этот период был завершен роспуск политических партий и была основана «Ассоциация помощи трону». Профессиональные союзы также были распущены, а члены их включены в контролируемую предпринимателями организацию, созданную на основе кампании «труд на алтарь отечества». В области внешней политики был заключен военный союз с державами оси, оккупирована северная часть Индо-Китая и временно закрыта Бирманская дорога. К ноябрю, однако, у правительства Коноэ его первый пыл и уверенность в успехе начали ослабевать.

Наступление Германии задержалось, и все более приходилось считаться с позицией нейтральных держав — СССР и США. Наступило некоторое охлаждение, и на протяжении нескольких месяцев кабинет Коноэ, состав которого время от времени перетасовывался, медленно возвращался к более осторожной политике своего предшественника. Лето 1941 г. принесло с собой быстрое продвижение германской армии в глубь территории России. Вновь воскресли честолюбивые стремления японцев, был сформирован третий кабинет Коноэ. Прошлогодний пыл вновь несколько разгорелся. Князь Коноэ дал сигнал к оккупации южной части Индо-Китая и положил тем самым начало цепи событий, которые скоро привели к Пирл-Харбору.

В разработке мер экономического контроля, так же как и в политике по другим вопросам, легко можно проследить этот своеобразный цикл 1940—1941 гг. — энер-

японцы отлично понимали, что он означал не «всеобщее братство», а распространение власти императора на весь мир. Этот смысл с полной очевидностью обнаруживался также в излюбленном официальном толковании этого лозунга: «весь мир — как одна семья», т. е. подвластен императору.

гичные первоначальные шаги, переход к пассивности и, наконец, возврат к прежней энергии. На первой стадии острая борьба по поводу противоположных планов контроля в декабре 1940 г. завершилась решающей победой деловых кругов. В течение второй стадии какие-то не совсем ясные причины задержали претворение этой победы в конкретный законодательный акт или декрет. Наконец, в июле — сентябре 1941 г. императорский эдикт о контроле над важнейшими отраслями промышленности был одобрен Комиссией по всеобщей мобилизации нации, утвержден кабинетом и обнародован.

«Обновление» при втором кабинете Коноэ

В весьма примечательном политическом заявлении, опубликованном 1 августа 1940 г., широкие стремления князя Коноэ и его коллег по кабинету были выражены гораздо яснее, чем это обычно делается в официальных декларациях. «Мир стоит у великого исторического поворота, — гласил этот документ, — и скоро увидит создание новых форм правления, экономической и культурной жизни, основанных на росте и развитии различных групп наций... Для того чтобы в этих условиях проводить политику, полностью соответствующую великому духу, на котором зиждется наше государство, нам весьма важно и совершенно необходимо уловить неотвратимые стремления в развитии мировой истории и ускорить коренную перестройку всех сторон государственного управления, а также стремиться к совершенствованию государственной системы и национальной обороны». Эти вступительные слова не только свидетельствовали об ориентации кабинета Коноэ на фашистский блок, но также показывали его оценку мощи держав оси и устойчивости их силы.

Цель завоевания мирового господства была сформулирована в совершенно ясных для японцев выражениях: «Основная цель национальной политики Японии заключается в установлении прочного мира в соответствии с возвышенным духом «хакко ити-у», на котором зиждется наше государство, и в построении — в качестве

первого шага — нового порядка в великой Восточной Азии, покоящегося на солидарности Японии, Маньчжоу-Го и Китая». Немного далее следовал пункт: «Создание сферы процветания, в которой группа Япония — Маньчжоу-Го — Китай будет одним из звеньев»¹. Под гром германских побед официальная японская политика совершила прыжок от прежней схемы создания «блока Япония — Маньчжоу-Го — Китай» к гораздо более обширной территориальной программе.

Таким образом, второй кабинет Коноэ приступил к разрешению внутренних проблем в обстановке, когда, казалось, устранялись все границы, сковывавшие развертывание японской экспансии. Несколько пунктов в заявлении от 1 августа 1940 г., в котором был тщательно сформулирован ряд политических целей, прямо касались проблемы экономического контроля. «Новая экономическая структура» получила следующее определение: «Установление плановой экономики путем сотрудничества правительства и народа и в особенности улучшение единой системы контроля, охватывающей производство, распределение и потребление важнейших товаров». Упоминание ходячего выражения о «сотрудничестве между правительством и народом», означавшего, что правительство будет считаться с желаниями деловых кругов, само по себе служило показателем той политической линии, которой в этом вопросе придерживался кабинет. Промышленники были также заинтересованы в пунктах, предусматривавших «неслыханное развитие важнейших отраслей промышленности, в особенности тяжелой, химической и машиностроительной» и «неслыханное развитие науки и рационализации производства». В финансовой области программа предусматривала «усиление контроля над финансами и банковским делом, направленное к увеличению общей экономической мощи страны».

Политический вес и взгляды людей, вошедших в кабинет, должны были определить толкование этой программы и степень ее осуществления. Подбирая состав своего кабинета, Коноэ противопоставил трио видных деятелей

¹ Цитировано по *Tokyo Gazette*, сентябрь 1940 г., стр. 89—91.

Маньчжоу-Го группе коренных лидеров деловых кругов, выбранных из крупнейших домов дзайбацу¹.

Министр иностранных дел Ёсуге Мацуока в прошлом в течение нескольких лет был президентом компании Южно-Маньчжурской железной дороги. В качестве главы министерства иностранных дел он не оказывал особого влияния на законодательство, касавшееся внутренней политики, но его коммерческий опыт и знакомство с идеологией «обновления», проповедывавшейся Квантунской армией, были факторами, имеющими некоторое значение. Военный министр генерал-лейтенант Хидеки Тодзио являлся типичным порождением школы Квантунской армии. Он был начальником армейской жандармерии в Маньчжоу-Го, начальником штаба Квантунской армии и затем заместителем военного министра в первом кабинете Коноэ. Когда в июле 1940 г. ему был предложен портфель военного министра, он занимал пост генерального инспектора военно-воздушных сил. Последним в этом трио был министр без портфеля Наоки Хосино — председатель «Планового бюро». Он был отозван в Токио с важнейшего поста начальника департамента общих дел Государственного совета Маньчжоу-Го, т. е. фактического главы маньчжурской администрации². Начав службу в Чанчуне (Синьцзине) в 1932 г. в качестве вице-директора департамента финансов, Хосино поднялся до высшего административного поста в Маньчжоу-Го.

Портфели экономических ведомств в кабинете, с другой стороны, были предоставлены лицам, назначение

¹ Во второй раз в японской истории последних лет в составе кабинета не было лидеров партий, что отражало напряженность отношений последних с Коноэ в связи с его движением за создание «новой структуры». Ранее такой же случай имел место во время недолговечного правления Хаяси в 1937 г., когда Тацуносуге Ямадзакі пришлось выйти из партии для того, чтобы получить портфель в кабинете, а другие партийные лидеры были выведены из состава кабинета, когда они не пожелали подчиниться диктату генерала Хаяси.

² Главнокомандующий Квантунской армией, являвшийся одновременно послом в Маньчжоу-Го, считался выше его рангом, но лишь как чиновник японской службы. Хосино на протяжении восьми лет тесно сотрудничал со сменявшими друг друга командующими Квантунской армией.

которых с той или иной стороны удовлетворяло деловые круги, считавшие этих лиц «надежными и здравомыслящими», устраняющими угрозу «бюрократического контроля» или гарантирующими от того, что новое правительство «не станет опрометчиво производить радикальных перемен»¹.

Итидзо Кобаяси, председатель правления Токийской электрокомпании концерна Мицуи, получил важнейший портфель министра торговли и промышленности, т. е. возглавил ведомство, которому предстояло играть решающую роль в осуществлении плана экономического и, в особенности, промышленного контроля. Кобаяси только что вернулся из Европы, где в качестве члена японской экономической миссии и «миссии доброй воли» посетил Италию и Германию. В газетной статье, опубликованной сразу же после его назначения, он писал о «блестящих достижениях парашютных войск в Дании и Голландии», но в то же время приписывал успехи Германии таким «дипломатическим победам», как удержание Соединенных Штатов в числе нейтральных стран, чему содействовала Япония, связывая американский флот².

Назначение Исао Кавада министром финансов «ослабило чувство глубокой неуверенности финансовых кругов», в среде которых распространились опасения, что «этот пост может быть предоставлен экстремисту». Кавада был членом Верхней палаты, президентом полугосударственной Восточноазиатской компании морских перевозок и являлся столпом финансового мира еще в 1929—1931 гг., когда он был заместителем Юносукэ Иноуэ, министра финансов в последнем минсейтовском кабинете. Кавада был связан с концерном Мицубиси.

Министр связи и железных дорог Сёдзо Мурата был президентом крупной паровой компании «Осака Сесен», принадлежавшей концерну Сумитомо, и считался «боссом судовладельческого мира». Подобно Кобаяси, он был представителем «чисто деловых кругов», т. е. не

¹ *The Osaka Mainichi and The Tokyo Nichi-Nichi*, английское издание, 23 июля 1940 г., стр. 7.

² Там же, 24 июля 1940 г., стр. 3.

имел в прошлом опыта государственной службы. Министр земледелия и лесов Тадаацу Исигуро был в момент своего назначения начальником Центрального депозитного банка кооперативных обществ. В прошлом он занимал пост вице-министра в том же ведомстве.

В подборе этих членов кабинета и в получении общих советов по экономическим вопросам Коноэ пользовался помощью бывшего директора-распорядителя концерна Мицуи — Сэйхин Икеда и главного директора компании Сумитомо-хонся — Масацунэ Огура¹.

Едва ли было возможно, чтобы эта сплоченная группа министров, специально подобранная для руководства экономическими проблемами, допустила создание «новой экономической структуры», не угодной промышленным и финансовым магнатам Японии. Оппозиция их взглядам могла возникнуть только в «Плановом бюро» или военном министерстве. Хотя, в силу своей прошлой деятельности в Синьцзине, Наоки Хосино, несомненно, тяготел к контролируемой государством экономике, в своей деятельности ему приходилось сталкиваться с трудностями, которые нелегко было преодолеть, если бы он не имел сильной поддержки со стороны армии. Он был «чужаком» и в силу этого внушал подозрение руководящим деловым кругам Японии. В откликах, комментировавших его назначение как «знаменательный шаг» и воздававших должное его «большим творческим способностям», слышалась сдержанная нотка. Занимаемый им по совместительству пост министра без портфеля позволял ему чувствовать себя равным другим министрам, однако конституционный вопрос о законности таких постов в кабинете делал его уязвимым для нападок².

¹ Эти детали почерпнуты главным образом из *The Trans-Pacific*, 1 сентября 1940 г., стр. 28—29.

² Статья 10 эдикта, касающегося организационной структуры кабинета, предусматривала назначение министра без портфеля «по особому желанию императора». Немногие лица когда-либо назначались на этот пост, и то лишь при исключительных обстоятельствах. В числе министров без портфеля были князь Ито, граф Курода и князь Коноэ, но все они занимали при этом пост председателя Тайного совета. В одном случае заместитель военного министра Нобуюки Абэ был назначен министром без портфеля для того, чтобы дать ему возможность исполнять функции военного министра во время дли-

Генерал-лейтенант Тодзио сочетал качества способного администратора со взглядами — по крайней мере до этого времени — армейского экстремиста. Армия выдвинула его для содействия ускорению дипломатического объединения Токио с державами оси, а также для завершения военных приготовлений к «большой войне». В 1938 г., будучи заместителем военного министра, он публично заявил, что армия «должна быть безукоризненно вооружена и полностью подготовлена к тому, чтобы одновременно противостоять китайцам и Советам на двух фронтах», что не помешало ему, однако, предпринять наступление на юг. Трудно судить, охватывали ли его экстремистские взгляды также область экономической организации. Можно предполагать, что он разделял позицию синьцзинских сторонников «государственного планирования», но он стремился к посту премьера, и его личные честолюбивые замыслы необходимо учитывать.

Промышленные и финансовые лидеры Японии довольно ясно представляли себе плоть и кровь, в которые они надеялись облечь «плановую экономику», провозглашенную в политической декларации кабинета Коноэ. Практическая необходимость, сила идеологического и политического течения и многочисленные весьма желательные конкретные преимущества — все это, вместе взятое, обеспечило экономической реорганизации под руководством правительства поддержку со стороны дзайбацу, поскольку дзайбацу намеревались придать ей удобные для них формы. Таким образом, в вопросе об установлении экономического контроля давление со стороны армии было лишь одним из моментов всеобщего требования о введении такого контроля, и при этом оно вовсе не было неизбежно противоположным целям японского крупного капитала. При существовавших в то время условиях этим давлением

тельной болезни Кадзусиге Угаки, но даже это назначение дало повод для политических споров. При назначении Хосино было неясно, какой экстренной необходимостью оно вызвано. В том же году эдикт, о котором идет речь, подвергся пересмотру, и в своем новом виде, одобренном Тайным советом 4 декабря 1940 г., узаконил обычный порядок назначения министров без портфеля, отменив необходимость специального вмешательства императора. Эта практика с тех пор стала общепринятой для всех японских кабинетов.

со стороны армии можно было воспользоваться как вспомогательной силой для достижения своих целей.

В 1940—1941 гг., особенно когда внезапно выявлялись перспективы выгодного участия в мировой войне, ни одна из группировок японской правящей коалиции не выступала против создания «новой экономической структуры». Она была в одно и то же время и лозунгом и открытой кассой, из которой все рассчитывали извлечь выгоду. Однако, поскольку этот термин употребляли совершенно различные группы, необходимо знать, какой смысл каждая из этих групп вкладывала в него, чтобы понять, чего она хотела.

Глава II

ПРОБЛЕМА КОНТРОЛЯ

Вмешательство государства в экономическую жизнь Японии, явление отнюдь не новое, приобрело на протяжении десятилетия 1930—1940 гг. особенно значительный размах и эффективность. Благодаря военным и находившимся под их влиянием бюрократам, это вмешательство было направлено главным образом на мобилизацию промышленности для подготовки войны. В первые годы в этом направлении действовали не столько путем прямых контрольных мер, сколько путем расширения бюджетных ассигнований на вооружение. С началом, в июле 1937 г., войны в Китае оба метода стали применяться весьма энергично и привели к быстрой перестройке, в результате которой японская промышленность была переведена главным образом на производство вооружений.

Эта программа была осуществлена в полном согласии с монополистическими концернами. К 1936—1937 гг. производство вооружений уже приносило большие прибыли, а в дальнейшем прибыли как в военной, так и в смежных с ней важнейших отраслях промышленности быстро превзошли прибыли во всех иных отраслях промышленности. В замыслах дзайбацу главнейшую роль играли два следующих стремления: во-первых, использовать государственную власть для расширения и укрепления своего господствующего положения в экономике страны. Во-вторых, неуклонно следить за тем, чтобы поддержка со стороны государства оставалась только поддержкой и не перешла бы в контроль, могущий отделить управление предприятием от владения им. Эти цели дзайбацу были осуществлены с такой же полнотой, с какой было осуществлено стремление армии расширить и укрепить военную экономику, и, таким образом, стремления двух

ведущих партнеров в правящей коалиции Японии были полностью удовлетворены¹.

Осуществление «знаменующей собой новую эпоху» экспансии, которую с таким жаром приветствовали японские лидеры в середине 1940 г., несло с собой определенные трудности в экономической области. Было признано, что техника осуществления экономического контроля, в особенности в отношении важнейших отраслей промышленности, не отвечала требованиям «большой войны». Главная проблема заключалась в методе распределения дефицитных материалов, который мог бы способствовать планомерному расширению производства вооружений.

Над этой проблемой военные и промышленные круги Японии бились на протяжении большей части предшествующего десятилетия, в особенности с 1937 г. Благодаря длительному периоду постепенных приготовлений военные и промышленные круги достигли значительного успеха в расширении военной промышленности, создании запасов готового вооружения и накоплении резервов стратегического сырья. Применявшиеся в течение этого периода методы контроля допускали значительную свободу действий крупных частных концернов и не соответствовали чрезвычайной обстановке. В военное время распределение дефицитных материалов, в особенности для промышленных гигантов, которые являлись главными производителями, нельзя было осуществлять от случая к случаю. В 1940—1941 гг., однако, обращал на себя внимание тот факт, что, несмотря на рост запутанной сети всевозможных регулирующих мероприятий и органов, все-таки еще не было широкого и систематического контроля над производственной деятельностью промышленных концернов.

¹ Исключение составляли лишь немногие военные экстремисты, которые действительно стремились подчинить себе дзайбацу и бюрократизировать промышленность. «Антикапиталистические» лозунги этой экстремистской группы представляли собою не какую-то серьезную программу действий, а скорее ловкий демагогический прием, подобный тем, которыми пользовались нацисты для обмана немецких рабочих и мелкой буржуазии. Основное ядро армейского руководства полностью соглашалось с условиями дзайбацу.

Общий экономический контроль

Начиная с 1937 г. регулирующие мероприятия в отношении иностранной валюты, торговли, промышленности, капиталовложений, рабочей силы и цен следовали одно за другим. Некоторые из них вводились отдельными законодательными актами, другие же являлись осуществлением положений закона о всеобщей мобилизации нации. Это был закон, заключающий в себе общие положения и служивший основанием для фактически неограниченной системы контроля. Однако этот закон был принят лишь в результате политического компромисса, предусматривавшего, что все эдикты о применении содержащихся в нем положений подлежат утверждению Комиссией по всеобщей мобилизации нации, в которой доминировали представители деловых, а не военных кругов. Таким образом, закон служил лишь удобным инструментом, с помощью которого можно было обеспечить принятие только тех из контрольных мероприятий, которые получили одобрение деловых кругов.

Во время войны в Китае был проведен в жизнь целый ряд общих регулирующих мероприятий, охватывавших всю сферу национальной экономики. Введение этих контрольных мер не вызвало никаких политических споров, так как эти мероприятия или вызывались очевидной необходимостью, например контроль над валютой и над ценами¹, или же были явно выгодны концернам дзайбацу. Контроль над рабочей силой, ознаменовавшийся в 1940 г. полным запрещением профессиональных союзов, завершился созданием по гитлеровскому образцу «трудового фронта», целиком подчиненного предпринимателям; в то же время крестьяне были загнаны в контролируемую государством и предназначенную для полного охвата всех сельских общин систему «кооперативов». Ни рабочие, ни крестьяне не были достаточно сильны, чтобы противостоять подавляющей полицейской мощи авторитарного

¹ Контроль над валютой за 6 месяцев до начала войны в Китае был распространен и на импорт вследствие невозможности сбалансировать международные расчеты Японии из-за значительного превышения импорта над экспортом.

Государства, проводившего в жизнь эти мероприятия, хотя следует отметить, что в течение 1941—1942 гг. было проведено несколько крупных стачек на предприятиях военной промышленности.

Контроль над экспортом и импортом, установленный в начале войны в Китае и все более расширявшийся в последующие годы, был более действенным, чем какие-либо другие регулирующие мероприятия. В данном случае смягчающим фактором служило стремление сохранить высокий уровень экспорта, успешно осуществлявшееся в течение большей части периода 1937—1941 гг. Благодаря этому средние и мелкие предприниматели значительно меньше страдали от ограничений, установленных для промышленности по производству предметов потребления, и от недостатка некоторых видов сырья. Крупные концерны либо сохранили обширный экспортный рынок, либо значительно расширили свои предприятия военной, химической и тяжелой промышленности.

Стремительно нараставшие требования вооруженных сил, подкрепленные небывалыми бюджетными ассигнованиями, в огромной степени расширяли возможности внутреннего рынка в отношении вооружений, продуктов химической промышленности и важнейших материалов. Это была привилегированная область во всех отношениях, наиболее обеспеченная капиталом, рабочей силой и сырьем и, конечно, приносившая соответственные прибыли. По подсчетам Японского промышленного банка, прибыли различных военно-промышленных предприятий за первую половину 1938 г. увеличились на 38 процентов по сравнению с соответствующим периодом 1937 г. Комментируя эту оценку, один обозреватель в статье в «Ниппон херон» (декабрь 1938 г.) указывал, что «в действительности прибыли должны быть гораздо больше приведенных выше официальных цифр, так как частным компаниям легко скрыть часть своих прибылей либо путем слишком высокой оценки своего основного капитала, либо путем преуменьшения оборотных средств. Таким образом, к сообщению о том, что в первой половине года (1938) норма прибыли главнейших компаний по производству вооружений составляла от 16 до 23 процентов,

следует подходить с известной долей скептицизма»¹. Надо отметить, что эти данные относятся к периоду, когда бум в военной промышленности еще только начинался.

Что касается контроля над капиталовложениями, то правительство в основном способствовало обеспечению капиталом промышленников, занятых расширением производства вооружений и смежных отраслей промышленности. С помощью закона о временном контроле над капиталом и последующих регулирующих мероприятий миллиарды иен были эффективным образом мобилизованы для обеспечения промышленной базы для подготовки войны². Контроль над прибылью, дивидендами и рентой осуществлялся весьма умеренно.

Недостатки контроля над промышленностью

Трудности заключались не в этих общих регулирующих мероприятиях, а в отсутствии координации между многочисленными полугосударственными органами про-

¹ Статья Кадзуо Китакава, помещенная (в переводе Токийского информационного бюро) в *Contemporary Opinions on Current Topics*, 1 декабря 1938 г., стр. 12.

² На основании закона о временном регулировании фондов капитала в период между 27 сентября 1937 г. и 31 декабря 1938 г. было собрано 4 115 млн. иен. Из этой суммы 2 777 млн., или 67 процентов, было затрачено на обрабатывающую промышленность, 529 млн., или 12,9 процента, — на транспорт и 501 миллион, или 12,2 процента, — на добывающую промышленность. Впоследствии, на основании закона о всеобщей мобилизации, Японский промышленный банк выдал промышленникам с августа 1939 г. по сентябрь 1941 г. на 1 700 млн. иен обязательных ссуд для увеличения их капитала. Выдача таких ссуд производилась по указанию министра финансов. В дальнейшем министру финансов было предоставлено право давать распоряжения монополистическим частным банкам о предоставлении установленных сумм определенным компаниям, производившим вооружение, с условием выплаты банкам компенсации в случае убытка. Эти ссуды служили добавлением к тем средствам, которые сами промышленники мобилизовали путем выпуска долговых обязательств, использования прибылей, перечисленных в резервы оплаты акций и открытой продажи акций. См. статью Кихатири Кимура в «Кагасюги когёё», май 1939 г., опубликованную в английском переводе в *Contemporary Opinions on Current Topics*, 4 мая 1939 г., стр. 11; см. также *The Japan Weekly Chronicle, Commercial Supplement*, 18 сентября 1941 г., стр. 93.

мышленного и коммерческого контроля. Количеству и разнообразию этих органов не было меры.

В сентябре 1941 г., согласно подсчетам осакской торгово-промышленной палаты, выведенным после тщательного обследования, проведенного комиссией по мероприятиям военного времени, по всей стране было более 20 тысяч узаконенных промышленных, торговых и других ассоциаций или союзов, осуществлявших те или иные контрольные функции. В адресованной правительству петиции, основанной на этом обследовании, содержалась жалоба на то, что существование столь многочисленных органов «вызывает значительные затруднения в осуществлении эффективного контроля». «Существование слишком большого числа контрольных органов», — гласила петиция, — вызывает «дублирование, излишние расходы, путаницу и т. д.» и создает «большие дополнительные неудобства» для предпринимателей. Если они желали продолжать свое дело, от них «часто требовали обязательного членства в нескольких органах», что «налагало на них тяжелое финансовое бремя в виде членских взносов, приобретения обязательных пакетов акций и других сборов». «Нетрудно понять, — говорилось в петиции, — что часть этих издержек промышленников и торговцев перекладывается на потребителей». Таково было «прискорбное, но естественное при существующих обстоятельствах положение дел». В заключение петиция рекомендовала правительству «провести коренную рационализацию существующих контрольных органов, как крупных, так и мелких, узаконенных и не узаконенных, и свести их количество к минимуму, необходимому для эффективного контроля»¹.

Неудобство, создаваемое многочисленностью контрольных органов, было бесспорным. Однако большее значение имела критика этих органов с точки зрения их действительности, в особенности в области контроля над промышленностью и материалами.

Осуществлявшие эту деятельность контрольные органы подразделялись на три крупные категории: полуправительственные компании, компании по контролю над

¹ *The Japan Weekly Chronicle, Commercial Supplement*, 18 сентября 1941 г., стр. 93.

сбытом (распределением) и полугосударственные картели и союзы. Сфера деятельности каждого из этих органов ограничивалась определенной территорией, отраслью промышленности или видом товара. Не было создано никакого высшего органа для объединения разнородной деятельности этих отдельных органов, хотя в общих чертах она координировалась разработанными «Плановым бюро» и различными министерствами планами «мобилизации материалов» и расширения производства».

Законы, принятые парламентом в период 1936—1940 гг., уделяли особое внимание программе развития промышленности. Первый из этих законов, принятый в мае 1936 г., касался автомобильной промышленности. В 1937 г. были приняты законы, касавшиеся выплавки стали и чугуна, производства синтетической нефти и добычи золота; в 1938 г. — законы, касавшиеся авиационной и станкостроительной промышленности, а также законы, предусматривавшие увеличение производства сульфат-аммония и установление контроля над его распределением; в 1939 г. — законы, касавшиеся судостроения и производства легких металлов. В некоторых случаях, в особенности в отношении производства железа, стали, нефти и добычи золота, были организованы контролируемые государством полуправительственные компании, которые должны были способствовать увеличению продукции¹. В большинстве случаев, однако, эти законы имели целью стимулировать и контролировать частную инициативу в промышленности. Привилегированные компании подлежали контролю в таких областях, как расширение предприятий, коммерческие планы, слияние или ликвидация². С другой стороны, они находились в выгод-

¹ Полуправительственная Японская железнорудная и сталелитейная компания «Ниппон сэйтэцу», относящаяся к этой категории, была образована в январе 1934 г. путем объединения государственных заводов Явата с предприятиями нескольких частных концернов. В первые годы войны на Тихом океане президентом «Ниппон сэйтэцу» был адмирал Тэйдзиро Тоёда, который был женат на дочери видного члена директората концерна Мицубиси — Хидео.

² Административные мероприятия в этой области обычно осуществлялись в направлении, желательном для крупных концернов, которые имели решающее влияние на министерство торговли и промышленности.

ном положении благодаря некоторым льготам в отношении налогов и импортных пошлин, субсидиям на ведение исследовательской работы и специальным льготам в отношении выпуска долговых обязательств и увеличения капитала¹. Большая часть промышленной деятельности, сосредоточенной на предприятиях дзайбацу, осуществлялась вне сферы деятельности этих полуконтролируемых компаний.

Контроль над распределением представлял собой гораздо более сложную и трудную проблему. До начала войны на Тихом океане этот контроль осуществлялся путем чуть ли не бесконечного умножения отдельных компаний «по контролю над сбытом», действовавших в качестве полуправительственных компаний, под полуправительственным контролем. Эти органы «по контролю над сбытом» действовали во всех отношениях совершенно так же, как обычные коммерческие фирмы, но они были в действительности органами распределения и регулирования цен. Сложность их деятельности можно проиллюстрировать тем, что в 1940 г. распределение полуобработанной стали осуществлялось четырьмя органами «по контролю над сбытом», контролировавшими деятельность девяти различных — и по существу частных — объединенных ассоциаций по сбыту², которые охватывали свыше 100 производственных компаний. Кроме того, девять других контрольных компаний или ассоциаций ведали распределением таких товаров, как железная руда, железный лом, ферросплавы, стальные поковки, литая сталь и полосовая сталь. Большая часть этих органов подчинялась полугосударственной федерации по производству железа и стали, но в отношении железной руды они несли ответственность перед министерством торговли и

¹ Типичный пример такого закона представляет эдикт об ассоциациях в важнейших отраслях промышленности. Следует обратить внимание на то, что статья 34 этого закона предусматривала консультацию с Комиссией по вопросам производства легких металлов, прежде чем некоторые из наиболее жестких его положений могли быть осуществлены на практике.

² Эти ассоциации, служившие орудием удобного промышленникам контроля, были созданы в соответствии с законом о контроле над важнейшими отраслями промышленности, который разбирается в следующей главе.

промышленности¹. Аналогичные распределительные органы были учреждены и для других важных товаров. Так, существовали органы «по контролю над сбытом» таких продуктов, как уголь, цемент, алюминий, нефть, кожевенное сырье, синтетические красители и хлопчатобумажные и шелковые ткани. К весне 1941 г. общая численность таких компаний по сбыту дошла до 72².

Высшим органом, распоряжавшимся как органами распределения, так и контролируемыми отраслями промышленности, являлся кабинет, причем основное наблюдение вело министерство торговли и промышленности. Однако были созданы многочисленные контрольные органы и в качестве отдельных и самостоятельных единиц. Непосредственное и повседневное координирование их деятельности на какой-то единой основе было невозможным. Государственное вмешательство становилось все более всеобъемлющим, но осуществлялось непоследовательно путем подчинения контролю отдельных участков экономики.

Контрольные органы были в большинстве полуправительственными и часто создавались путем объединения ранее существовавших частных фирм в новый полуправительственный орган*. Фактически все полугосударственные органы находились под руководством представителей деловых кругов, которые постоянно делили свое время между этими органами и своими частными фирмами. Подавляющая мощь крупных концернов дзайбацу в японской экономике обеспечила бы им это руководящее место

¹ Подробности см. *Japan Advertiser Annual Review*, 1939—1940, Tokyo, стр. 49—50.

² *Contemporary Opinions on Current Topics*, 3 апреля 1941 г., стр. 7.

* «Контрольные органы» представляли собой не что иное, как наделенные государственными правами картели, т. е. частные монополистические объединения предпринимателей. В их правления входили почти исключительно представители ведущих компаний дзайбацу, правительство лишь утверждало президента и других руководящих членов правления, назначавшихся предпринимателями (см. документ № 4). Аппарат «контрольных органов» оплачивался не правительством, а из доходов самих этих органов и из взносов их членов. Поэтому термин «полуправительственные» по отношению к «контрольным органам» является в сущности неправильным. — *Прим. ред.*

в любом случае, даже если бы не приходилось считаться с их относительной монополией в отношении опыта в деле управления деловыми предприятиями.

С другой стороны, проявившаяся в период 1937—1941 гг. тенденция в направлении контролируемой экономики, хотя лишь в форме полугосударственного контроля, была не совсем по вкусу дзайбацу. Им не нравилось неуклонное закрепление контроля над частным предпринимательством, хотя крупные монополистические концерны были пока незначительно затронуты этим процессом. Они признавали недостаточность контрольных мер, которые уже были введены в промышленности, и предвидели возможность введения более всеобъемлющей системы контроля. Больше всего они опасались, что экстремистские элементы среди военных или в среде бюрократии могут попытаться установить широкую систему бюрократического контроля на такой основе, которая явилась бы серьезным вызовом их прерогативам. При создавшихся обстоятельствах они решили использовать первоначальную идею движения за создание «новой экономической структуры» в своих собственных целях, т. е. в целях создания такой программы контроля, центром которой были бы частные картели.

Глава III

ПЛАНЫ ДЗАЙБАЦУ В ОБЛАСТИ КОНТРОЛЯ

Кампания за установление должного типа экономического контроля, предназначенного для достижения надлежащих целей руками соответствующих людей, развернулась за два месяца до формирования кабинета Коноэ. В мае 1940 г. Японская экономическая федерация представила кабинету Ёнай меморандум, в котором она излагала свои возражения против существующих методов экономического контроля и выдвигала некоторые собственные конкретные предложения. Поскольку федерация являлась главной представительницей и выразительницей интересов японской тяжелой промышленности и поскольку положения ее плана лишь с незначительными изменениями вошли в программу контроля, которая была в конце концов разработана и осуществлена на практике, то это первое отчетливо сформулированное изложение ее позиции представляет особый интерес. Суть критических замечаний сводилась к следующему:

«Нынешний бюрократический экономический контроль может вызвать конфликт между правительством и народом. План расширения промышленности проводится в жизнь без учета реальной обстановки в деловом мире и не имеет конструктивной основы. Это приводит к неравномерному распределению необходимых материалов и оборудования, к бюрократической процедуре, дублированию функций различных контрольных учреждений и к столкновениям между ними».

Далее следовали предложения:

«В целях устранения всех указанных недостатков бюрократического контроля, существующие частные экономические органы должны быть объединены и перестроены таким образом, чтобы их можно было реорганизовать в мощные картели в важнейших

отраслях промышленности. Этим картелям должны быть предоставлены широкие полномочия в области контроля с тем, чтобы частные предприниматели получили стимул к проявлению своей творческой инициативы и к осуществлению самостоятельного контроля на свой собственный страх и риск»¹.

Эти предложения Японской экономической федерации исходили из учета своеобразных черт японской экономики, которые проявлялись уже в течение ряда лет и становились все более заметными по мере обострения всех трудностей военного времени. Японские промышленные концерны и торговые дома издавна привыкли заключать обычно одобряемые или даже поощряемые правительством соглашения об установлении производственных квот, разделе рынков и установлении цен. Распространение этой процедуры на детальное и полное регулирование промышленности, которое оказалось ныне необходимым, было для крупных японских монополистов самым естественным шагом. Рационализация этого более полного типа контроля, сохраняющего «автономию» предпринимателей, не санкционируемого правительством, была представлена как альтернатива тому беспорядочному умножению полугосударственных контрольных компаний, которое фактически происходило с 1937 г.

Картельные ассоциации

Для этого типа экономического контроля, который имели в виду предприниматели, уже имелся серьезный прецедент. При кабинете минсейто 1929—1931 гг., в котором господствующее положение занимали деловые круги, был принят закон о контроле над важнейшими отраслями промышленности, обеспечивавший правительственную поддержку частным соглашениям, заключенным между крупными предприятиями, придавая им тем самым законную силу. Правительственные распоряжения, издававшиеся соответствующим министерством

¹ Цитируется по статье Сабура Китамура *Industry and the New Structure* в *The Japan Weekly Chronicle*, 12 сентября 1940 г., стр. 330.

после консультации с Контрольным комитетом, определяли отрасли промышленности, на которые данный закон должен был распространяться. Согласно этому закону, промышленные соглашения могли охватывать: «ограничение производства или функций; или разделение областей производства или функций; пропорциональное распределение заказов; установление цен; рынки; количественное регулирование сбыта и согласованную торговую политику». Соглашения должны были представляться соответствующему министерству, которое могло аннулировать или изменить их, если, по его мнению, они «наносили ущерб общественным интересам или ограничивали справедливую прибыль в данной или другой тесно с ней связанной отрасли промышленности»¹. Срок действия закона о контроле был в 1936 г. продлен еще на одно пятилетие, которое кончалось в августе 1941 г.

К июлю 1937 г. правительственные распоряжения выделили более 100 отраслей промышленности, на которые распространялось действие закона о контроле. Хотя этот закон поощрял образование значительного числа картелей в самых различных отраслях промышленности, он был еще слишком «либеральным» и недостаточно жестким, чтобы полностью удовлетворить аппетиты крупных концернов. Соглашения были лишь частично обязательными для «аутсайдеров», и закон не предусматривал принудительных статей, на основании которых можно было бы заставить непокорные компании вступить в картели. На протяжении первой половины 30-х годов деятельность картелей, образованных в соответствии с законом о контроле над важнейшими отраслями промышленности, отличалась крайней неустойчивостью. Было несколько случаев развала картелей из-за недобросовестных действий некоторых их членов.

В результате проведенного в августе 1937 г. пересмотра закона деловые круги добились внесения в него ряда важных изменений. Было отменено положение, предусматривавшее, что подпадающие под действие закона отрасли промышленности определяются министром

¹ Charles B. Fahs, *Government in Japan*, New York, 1940, стр. 25.

торговли и промышленности. Ассоциации могли создаваться в любой отрасли промышленности с разрешения префектурных властей. Наиболее важная корректива давала министру торговли и промышленности право, по просьбе более $\frac{2}{3}$ участников соглашения или тех участников, продукции или объем сбыта которых составляли свыше $\frac{2}{3}$ общей продукции или сбыта, — принуждать как членов, так и не членов ассоциаций строго придерживаться соглашений¹.

К концу 1937 г. существовало уже 1172 промышленные ассоциации, продукция которых оценивалась приблизительно в 3 млрд. иен, что составляло свыше $\frac{1}{4}$ общей годовой продукции Японии. В последующий период число их непрерывно увеличивалось, а их деятельность по контролю, особенно в отношении распределения, становилась все более существенной. По существу, эти ассоциации почти ничем не отличались от частных картелей, но они выполняли официально установленные функции. Для промышленников эти ассоциации являлись идеальным средством контроля. Расширив их полномочия, промышленники могли превратить их в основу смелой программы «саморегулирования» промышленности, обеспечиваемой государственным аппаратом принуждения. Таков был ход мыслей руководителей японской экономической федерации при рассмотрении проблем и возможностей, порожденных «новой экономической структурой».

Мероприятия по картелированию

В течение второй половины 1940 г. деятельность по охвату картелями некартелированных или лишь частично картелированных участков японской промышленности получает новый сильный толчок. Процесс шел двумя путями. Первый заключался в ускорении темпов прямого слияния фирм, второй — в упорных усилиях добиться создания единого всеохватывающего картеля или контрольного органа для каждой отрасли промышленности. То обстоятельство, что создание такой системы являлось

¹ *Monthly Circular*, Tokyo, Mitsubishi Economic Research Bureau, апрель 1938 г., стр. 12—13.

важнейшим условием эффективного контроля, играло на руку крупным предприятиям. На более мелкие, независимые предприятия оказывало сильное влияние не только политическое течение времени, настойчиво требовавшее установления более эффективного экономического контроля, но и чисто практическая деловая необходимость: регулирование рабочей силы, капитала, сырья, субсидий, цен, проводилось с таким расчетом, чтобы стимулировать более крупные и более производительные предприятия. Во всяком случае только хорошо организованный картель мог заставить правительственные органы считаться с собой.

Наряду с промышленными ассоциациями, создававшимися крупными частными картелями в 30-х годах, средние и мелкие предприятия объединялись в аналогичные «союзы».

Благодаря закону о промышленных союзах от апреля 1931 г., сходному с законом о контроле над важнейшими отраслями промышленности, различные союзы такого рода смогли на протяжении 30-х годов извлечь некоторые выгоды и преимущества из своих организаций. Центральное объединение промышленных союзов, организованное впервые в 1932 г. для оказания помощи мелким промышленникам, пострадавшим от кризиса, к 1937 г. насчитывало 1040 членов. После того как Япония начала войну в Китае, этот союз стал играть важную роль в качестве органа по распределению материалов и оборудования и к середине 1940 г. объединял около 52 тысяч союзов. Он стал уже подлинно «крупным делом». Пост-президента Центрального объединения занял вице-адмирал Такуо Годо, получивший образование в Германии и считавшийся виднейшим выразителем шовинистических и авторитарных взглядов в японских деловых кругах. Вице-адмирал Годо ревностно поощрял создание местных и общепонских федераций промышленных союзов, а впоследствии учредил Центральный контрольный совет промышленных союзов. Он стремился с помощью этого совета все объединенные промышленными союзами предприятия привести в соответствие с требованиями «новой экономической структуры». В бешеных попытках планирования, типичных для того времени, пути Годо не раз

перекрещивались с путями крупных монополистов, с которыми он был в дружеских отношениях¹.

Остановимся коротко на нескольких типичных примерах тех усилий, которые прилагались в 1940 г. для завершения картелирования отдельных отраслей промышленности.

Для целей и методов, выдвигавшихся различными проектами контроля, разрабатывавшимися крупными промышленниками, весьма показателен пример промышленности по добыче цветных металлов. В августе 1940 г. было запроектировано создание в этой отрасли промышленности единой всеобъемлющей контрольной федерации. По имеющимся сведениям, до этого времени не существовало никакого «действительного контроля» над этой отраслью промышленности; существовавшая в ней организация предназначалась лишь для «дружественного обмена мнениями» между руководителями горнопромышленных компаний. Считалось, что проектируемая федерация будет обладать правом контроля над всей добычей меди, олова, свинца и прочих цветных металлов. Она сможет «представлять мнения данной отрасли промышленности». Под этим подразумевалось, что она обеспечит этой отрасли единство, необходимое для того, чтобы противостоять другим отраслям в борьбе за «справедливую долю» капиталов, материалов и рабочей силы, следить за тем, чтобы на добытые ею металлы устанавливались «соответствующие официальные цены», и обеспечивать субсидии для переживающих затруднения горнопромышленных компаний. Контрольная федерация не должна была вести сбытом цветных металлов, руководство которым должно было оставаться в руках существующих контрольных организаций по сбыту. Особенно подчеркивалась необходимость вхождения в федерацию «всех компаний по добыче цветных металлов». Если бы

¹ *Saburo Kitamura, Industry and the New Structure*, стр. 330. Помощником Годо был Харуо Мацуи, вице-президент Центрального объединения промышленных союзов. Одно время Мацуи был начальником Бюро ресурсов, впоследствии слившегося с «Плановым бюро». Это был бюрократ, сведущий в вопросах экономического контроля. Он был директором Японской торгово-промышленной палаты в то время, когда вице-адмирал Годо был ее президентом.

существовали «аутсайдеры», т. е. горнопромышленные компании, не являющиеся членами федерации, то между независимыми предпринимателями и контрольной организацией неизбежно возникли бы трения. При этом обычно приводили в пример угольную промышленность, в которой выполнению производственных планов сильно мешали разногласия между членами угольной федерации и независимыми шахтовладельцами. По сообщению агентства Домей, «инициаторами новой контрольной федерации» в промышленности по добыче цветных металлов были «Японская горнопромышленная компания, Горнопромышленная компания Мицубиси, Горнопромышленная компания Фурукава, Горнопромышленная компания Фудзита, Горнопромышленная компания Сумитомо и ряд других крупных концернов»¹.

В середине августа 1940 г., писала японская пресса, выявились признаки того, что трудности, отмеченные в угольной промышленности, будут сглажены под давлением движения за создание «новой структуры». В связи с тем, что единый контроль над распределением угля принимал уже определенные формы в виде проектируемого учреждения японской угольной компании, росла надежда на то, что шахтовладельцы также смогут создать единый контрольный орган. Отсутствие такого единого контрольного органа «затрудняло контроль над добычей угля», и это неудобство за последнее время стало ощущаться особенно остро в связи с движением за создание «новой экономической структуры». Хотя и существовала созданная Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и другими крупными угольными концернами ассоциация, именовавшаяся Японской угольной федерацией, но средние и мелкие шахтовладельцы не входили в число ее членов. Некоторые из них, в том числе химическая компания Нисан и Угольная компания Кюсю, организовали Ассоциацию взаимопомощи угольных компаний («Годзёкай»); другие образовали Углепромышленный союз Хоккайдо («Дококай»), Лигу угольных копей района Дзёбан и Углепромышленную лигу города Убе. Были также и другие компании, не принадлежавшие ни к одной из этих организаций. Хотя

¹ *The Trans-Pacific*, 15 августа 1940 г., стр. 23.

Японская угольная федерация и представляла угольную промышленность в Японской экономической федерации, она не могла с полным основанием выступать в этой роли ввиду существования столь большого числа аутсайдеров¹. Некоторые пессимисты считали установление единого контроля над угольной промышленностью почти невозможным из-за расхождений, существовавших в прошлом между Японской угольной федерацией и аутсайдерами, но большинство наблюдателей придерживалось того мнения, что положение как внутри, так и вне этой отрасли промышленности претерпело такие изменения, что теперь почти полностью подготовлена почва для создания единого контрольного органа².

Выдвинутые крупными промышленниками требования содействия со стороны государственной власти для полного завершения уже частично осуществленного процесса картелирования, — с тем чтобы объединенные картели могли бы таким образом превратиться в более действенные контрольные органы, к лету 1940 г. стали все более и более настойчивыми. Эти требования нигде не были выражены с большей смелостью и определенностью, чем на собрании Японской ассоциации бумагопрядильной промышленности, состоявшемся в Осака 15 июля 1940 г. На этом собрании генеральный секретарь ассоциации Косабуро Сираиси отстаивал реорганизацию этого текстильного картеля в государственный орган, ведающий по уполномочию правительства всеми государственными делами, касающимися хлопчатобумажной промышленности. Важнейшие пункты этого достопримечательного заявления были таковы:

Японская ассоциация бумагопрядильной промышленности, выполнявшая до сих пор важную миссию в качестве главного представителя текстильной промышленности, должна в дальнейшем активно помогать осуществлению национальной политики, реорга-

¹ Следует отметить, что экономическая федерация вела в это время кампанию за объединение всех важнейших отраслей промышленности и что эта кампания стимулировала завершение процесса картелизации в каждой из отраслей.

² *The Osaka Mainichi and The Tokyo Nichi-Nichi*, английское издание, 18 августа 1940 г., стр. 7.

низовавшись для этой цели в специальный орган, который будет выполнять государственные функции. Для достижения этой цели необходимо реорганизовать ассоциацию, превратив ее из автономного органа, каким она является в настоящее время, в государственный орган. Однако ассоциация не сможет должным образом выполнять свои функции, если она будет преобразована в промышленную ассоциацию на основе закона о промышленных ассоциациях¹. Необходимо поэтому провести новый закон, который предусматривал бы создание контрольных органов, отвечающих новым условиям.

Соблюдение принципа, согласно которому главное внимание должно уделяться важнейшим объектам, неизбежно приведет к постепенной ликвидации средних и мелких предприятий, что еще более усилит влияние крупных предприятий. Однако, поскольку численность средних и мелких предприятий в таких отраслях, как ткачество, производство различных текстильных изделий, окончательная отделка и т. п. весьма велика, то объединить или поглотить их без осложнений невозможно. Простое расширение производственных единиц в этой области также не способствовало бы техническому прогрессу и рационализации управления. Наилучший путь состоит в создании органической и действенной контрольной системы, которая свяжет средние и мелкие предприятия с прямыми фабриками².

В течение второй половины 1940 г. все наиболее влиятельные организации делового мира были втянуты в кампанию за создание более эффективной системы экономического контроля. Ясное заявление Косабуро Сираиси определило направление главного удара, наносимого Японской экономической федерацией, руководимой бароном Сэйносукэ Го. Другими виднейшими организациями, принимавшими активное участие в разработке новых пла-

¹ Речь идет об упоминавшемся выше законе о контроле над важнейшими отраслями промышленности.

² *The Osaka Mainichi and The Tokyo Nichi-Nichi*, английское издание, 8 августа 1940 г., стр. 7.

нов контроля, являлись Национальная федерация промышленных организаций (Суэкиси Накагава), Японская торгово-промышленная палата (президент Ёсиаки Хатта), Национальная федерация банковских расчетных палат (Тэруо Акаси), Главный контрольный совет промышленных союзов (вице-адмирал Такуо Годо) и Центральный координационный совет по контролю над ценами (вице-председатель Ёсиаки Хатта). Поскольку многие из этих лиц занимали руководящие посты одновременно в нескольких организациях, они составляли как бы единый, тесно связанный между собой директорат, способный обеспечить единство финансово-промышленных лидеров Японии. В конце августа 1940 г., например, газеты сообщили о совещании, состоявшемся между Го, Хатта, Годо и Накагава, которое было созвано для «всестороннего обсуждения проблемы экономической реорганизации»; было высказано предположение, что эти лидеры готовы «распустить возглавляемые ими организации в целях создания новой экономической структуры». Процесс планирования* охватывал финансы, торговлю и сельское хозяйство, но важнейшая проблема была заложена в сфере промышленности. Прежде чем перейти к рассмотрению решающей роли, которую сыграла в этом процессе Японская экономическая федерация, дадим, для полноты картины, беглый обзор деятельности некоторых других групп.

Планы финансовых групп

Поскольку фактически финансовый контроль находился скорее в руках Японского банка, чем в руках Банковского бюро министерства финансов, то у ведущих японских финансистов было мало прямых побудительных причин перестраивать контроль над банковской системой страны. В середине августа 1940 г. визит управляющего Японским банком Тоётаро Юки к премьер-министру Коноэ вызвал некоторый интерес в финансовых кругах, и

* Употребление автором в данном и в некоторых других случаях термина «планирование» лишь выражает порочность и буржуазную ограниченность его методологии. Подробно об этом см. вступительную статью. — *Прим. ред.*

этот интерес еще более усилился в связи с выступлением Юки, в котором он призывал к «установлению новой системы, при которой государственным интересам будет уделяться преимущественное внимание». 19 августа министр финансов Кавада дал завтрак в честь Общества по распространению государственных займов, после которого представители семи крупнейших частных банков собрались в помещении расчетной палаты Токийского банка для обсуждения вопроса о мерах перестройки в соответствии с «новой структурой». На совещании присутствовали Тэруо Акаси (банк Дай-ити), Такео Като (банк Мицубиси), Дзюндзиро Мандай (банк Мицуи), Хаяси Окахаси (банк Сумитомо), Сэн Сонобэ (банк Ясуда), Садахико Наканэ (банк «Санва») и Дзэнсаку Сэкинэ (банк «Дайхяку»).

Хотя эти лица не видели необходимости «в коренном изменении соблюдавшегося до сих пор принципа контроля», все они пришли к соглашению в том, что банковская расчетная палата и секретариат Токийского клуба банкиров должны провести подготовку к тем переменам, которые могут оказаться необходимыми для приведения банковской системы в соответствие с новой государственной политикой. Функции связи между банкирами и их учреждениями для осуществления этих приготовлений были возложены на Тэруо Акаси. Предполагалось также, что доверительные компании, сберегательные и специальные банки приступят к изучению желаемых, с их точки зрения, изменений, которые должны быть внесены в банковскую систему¹.

Это изучение привело к официальному учреждению 30 сентября 1940 г. Национального финансового совета «в качестве элемента движения за создание новой национальной структуры». На организационном собрании, состоявшемся в Токийском клубе банкиров, присутствовало более 30 представителей ассоциаций и частных банковских учреждений, а также руководящие чиновники Японского банка и министерства финансов. После того как были единогласно одобрены девять статей проекта

¹ *The Osaka Mainichi and The Tokyo Nichi-Nichi*, английское издание, 24 августа 1940 г., стр. 7.

устава, присутствующие избрали руководящий состав нового финансового совета.

В статье 2 указывалось, что цели Национального финансового совета заключаются в «установлении более тесного сотрудничества и связи между различными финансовыми учреждениями в соответствии с требованиями новой внутренней и международной обстановки» и в обсуждении «мероприятий, которые окажутся необходимыми для выполнения его миссии». Членами совета, согласно статье 3, являлись: Японский банк, Национальная федерация расчетных палат, Национальная ассоциация провинциальных банков, Национальная ассоциация сберегательных банков, федерация сельскохозяйственных и промышленных банков, Кредитная ассоциация доверительных компаний, Ассоциация компаний по страхованию жизни, Центральное депозитное бюро кооперативных обществ, Ассоциация держателей ценных бумаг, Ассоциация биржевых маклеров и Национальная федерация обществ взаимного кредита. Согласно статье 4 управляющий Японским банком должен был являться председателем совета и руководить его деятельностью¹. В неофициальных разъяснениях указывалось, что этот орган будет использован для усиления происходившей в то время энергичной кампании за «слияние провинциальных банков», а также для обеспечения создания ряда банковских синдикатов, с помощью которых предоставление займов промышленникам могло бы осуществляться с меньшими затруднениями². В 1942 г. этот совет послужил основой для создания Финансовой контрольной ассоциации.

Национальная промышленная федерация

Национальная федерация промышленных организаций создала комиссию, которая на протяжении июля и августа 1940 г. занималась «изучением мер, которые должны быть приняты в связи с создавшейся обстановкой». 6 августа комиссия решила «выработать рекомендации правительству в отношении создания нового порядка в промышлен-

¹ *The Trans-Pacific*, 3 октября 1940 г.

² Там же, 19 сентября 1940 г., стр. 18.

ности», которые 12 августа были одобрены постоянным комитетом федерации. Из десяти выдвинутых рекомендаций особого внимания заслуживают две. Вторая рекомендация предупреждала правительство о том, что оно «должно заставить всех промышленников осознать, что на промышленности лежит ответственная государственная миссия. Оно должно побудить их добровольно внести свой вклад в общегосударственное дело путем тесного сотрудничества с влиятельными промышленными организациями. Пятая рекомендация гласила: «Правительство должно стремиться к увеличению и обеспечению производства, повышению качества продукции и снижению стоимости продукции. Для наилучшего достижения этой цели оно должно предоставить промышленникам возможность полностью проявить свои индивидуальные способности и рвение...».

Эти рекомендации были направлены премьеру, членам кабинета и президенту «Планового бюро» Наоки Хосино¹.

Совет по контролю над ценами

На общем собрании Центрального координационного совета по контролю над ценами 27 августа 1940 г. был окончательно разработан проект грандиозной программы создания «новой национальной экономической системы». Помимо Ёсиаки Хатта, вице-председателя координационного совета, среди присутствовавших директоров были: Сакио Хонъидэн (Мицуи-буссан), Гиндзиро Абэ (Мицубиси-сёдзи), Кодзи Иино (Японский промышленный банк), Сёсиро Кудо (концерн Сумитомо), Харэдзиро Кобаяси (Контрольная ассоциация по добыче цинка), Момотаки Коренага (Углепромышленная федерация), Масаносукэ Танака (Химическая компания Нисан), Хисайти Танака (Императорское сельскохозяйственное общество), Сёдзи Хигасиура (Федерация судостроительных предприятий), Кадзумаро Минато (Цементная компания Титибу) и Канъити Морои (Федерация машиностроительных предприятий).

¹ *The Osaka Mainichi and The Tokyo Nichi-Nichi*, английское издание, 16 августа 1940 г., стр. 7.

Согласно плану Центрального координационного совета, вся сфера экономики должна находиться под руководством одного центрального контрольного органа, который должен «контролировать различные органы, непосредственно ему подчиненные, и сотрудничать с правительством, выполняя роль центрального органа по руководству добровольной реорганизацией в экономической области». Подчиненные органы должны были объединять: 1) промышленные и торговые фирмы (сгруппированные соответственно видам потребляемого сырья, как, например, в текстильной промышленности, или соответственно характеру производства, как, например, в химической промышленности); 2) лиц, занятых в финансовой области, торговле, транспорте и энергетической промышленности; 3) потребителей, организованных в квартальные или соседские группы; 4) местные префектурные и окружные органы, объединяющие производственные и торговые фирмы.

Диктаторский централизм этой программы еще более усиливался специальными пунктами, которые ставили сельское хозяйство, лесное хозяйство и рыболовство под прямой контроль центрального органа, средних и мелких торговцев и промышленников — под контроль «специального органа», а технический персонал и рабочих — под контроль «одного из соответствующих органов». Наконец, предусматривалось, что председатели и директора этих органов должны пользоваться функциями государственной власти и «обладать правом для осуществления своих приказов прибегать в случае необходимости и к мерам принуждения»¹.

Торгово-промышленная палата

К концу октября 1940 г. план, имевший еще большее значение для «экономической реорганизации», разработанный Японской торгово-промышленной палатой, был единогласно утвержден на происходивших отдельно заседаниях правления палаты и ее советников. Президент

¹ *The Osaka Mainichi and The Tokyo Nichi-Nichi*, английское издание, 31 августа 1940 г., стр. 5.

палаты Ёсиаки Хатта был одним из самых активных лидеров движения за установление «новой экономической структуры». В течение августа, помимо совещания с Го, Накагава и Годо, он совещался также с бывшим министром финансов, управляющим Японским банком и директором-распорядителем концерна Мицуи — Сэйхин Икеда, управляющим Японским банком Тоётаро Юки, лидером промышленников и бывшим министром торговли Гиндзиро Фудзихара, министром торговли Итидзо Кобаяси и президентом «Планового бюро» Наоки Хосинс. 24—25 сентября по инициативе торговой палаты в Токио съехалось со всей страны более 150 лидеров деловых кругов для обсуждения составленного подготовительным комитетом палаты проекта плана экономической реорганизации.

Характерной чертой плана, выработанного Японской торговой палатой, как и следовало ожидать, был территориальный принцип организации. План предусматривал создание Национальной экономической палаты, состоящей из префектурных палат с субпрефектурными и муниципальными отделениями, «в качестве государственного органа, имеющего определенный юридический статус» и функционирующего как «высший исполнительный орган, ведающий экономикой Японии». Промышленные, торговые и финансовые группы должны создать ассоциации, организованные соответственно характеру их деятельности и территориально подразделенные по префектурам. Префектурные ассоциации, представляющие важнейшие отрасли промышленности, должны объединиться в национальную организацию.

Исполнительный орган экономической палаты должен был состоять из президента, двух вице-президентов и правления. Президент, назначаемый премьером или министром, должен был подбирать членов правления. Вице-президенты назначались президентом по рекомендации членов правления. Муниципальные и префектурные ассоциации должны рекомендовать «честных торговцев и промышленников», которых президент назначал представителями экономической палаты. Они, вместе с членами правления палаты, составляли комитет представителей. Решения в этой ассамблее, однако, должны были прини-

маться «не большинством голосов», а зависели от «окончательного суждения президента». Экономическая палата должна находиться «под строгим надзором правительства», с которым ей надлежало «поддерживать постоянный контакт»¹.

Программа экономической федерации

Развернутая в течение этих месяцев 1940 г. Японской экономической федерацией кампания намного превзошла планы и деятельность уже упомянутых организаций деловых кругов. Первым шагом в этой кампании, как мы уже упоминали, было представление в мае 1940 г. меморандума правительству. Следующий шаг был предпринят 25 июня, когда всеобщее внимание было привлечено германским вторжением во Францию.

Исполнительный комитет федерации, возглавляемый ее президентом бароном Сэйносуке Го, собрался в Промышленном клубе в Токио, чтобы «обсудить вопрос о перестройке экономической системы в соответствии с новой обстановкой». Комитет решил, что, начиная с июля 1940 г., федерация будет дважды в месяц созывать «межкартельное совещание важнейших отраслей промышленности». На первое время в совещании будут участвовать представители металлургической, угольной, цементной, энергетической промышленности и судоходства, а в дальнейшем будут включены также представители химической промышленности, промышленности по производству удобрений и других важнейших отраслей промышленности. Предполагалось, что эти совещания создадут «более тесное единство» между руководителями различных отраслей промышленности и позволят им «урегулировать проблемы цен, взаимоотношения между различными отраслями промышленности и т. п.». Этот шаг истолковывался, как проявление «стремления частных экономических органов к установлению полного единства между всеми отраслями промышленности»².

¹ *The Trans-Pacific*, 31 октября 1940 г., стр. 20.

² *The Japan Weekly Chronicle, Commercial Supplement*, 4 июля 1940 г., стр. 3.

К 13 августа 1940 г. осуществление планов экономической федерации шло так успешно, что появилась возможность создать официальный консультативный орган, которому было дано претенциозное название — Совет контрольных организаций важнейших отраслей промышленности. Этот совет, который в дальнейшем обычно назывался Межкартельным совещанием, должен был «стать органом связи между картелями важнейших отраслей промышленности, а также между этими картелями и правительством, с тем чтобы способствовать разработке промышленного плана страны, соответствующего контролируемой экономике военного времени», и облегчить «полный контроль, охватывающий производство, распределение и потребление». К уже включенным организациям, представлявшим железоделательную и сталелитейную, угольную, энергетическую, цементную, судостроительную промышленность и судоходство, должны присоединиться сначала машиностроительная, горнорудная и химическая промышленность, а затем картели легкой промышленности. Так как энергетическая и химическая промышленности не имели всеобъемлющих картелей, они должны были возможно скорее создать такие органы.

На этом подготовительном собрании был разработан проект положения о Совете контрольных организаций важнейших отраслей промышленности, который затем был передан исполнительным органам соответствующих картелей, которые должны были вступить в число членов совета. Для того чтобы дать представление о значении создавшегося таким образом Межкартельного совещания, необходимо привести список лиц, присутствовавших на собрании с указанием тех промышленных организаций, которые они представляли. В этот список, кроме генерального секретаря и секретаря Японской экономической федерации, входили следующие лица:

Угольная промышленность: Кендзио Мацумото (президент Японской угольной компании и президент Японской углепромышленной федерации); Китиносуке Сигено (генеральный секретарь той же федерации).

Металлургическая промышленность: Хатисабуро Хирао (президент Metallургической лиги); Синкё Накамацу (президент Японской металлургической федерации); Мас-

сао Сибусава (вице-президент той же федерации и член постоянного комитета Металлургической лиги); Кендзи Такеути (начальник исследовательского отдела Металлургической лиги).

Энергетика: Рюдзи Танабэ (вице-президент Киотоской электрической компании); Эйити Окабэ (вице-президент Токийской электрической компании).

Цементная промышленность: Хякусон Симосака (директор-распорядитель Компании по сбыту портланд-цемента).

Судоходство: Хисанобу Тэран, представляющий Нобуру Отани (президента Японской ассоциации судовладельцев); Ясудзи Хатано (генеральный секретарь той же ассоциации).

Судостроение: Косиро Сиба (президент Судостроительной федерации); Кадзутё Минато (генеральный секретарь той же федерации)¹.

На первом собрании, созванном 29 августа 1940 г. по инициативе Японской экономической федерации и посвященном официальному открытию Межкартельного совещания, Сэйносукэ Го был избран президентом, а Хатисабуро Хирао — вице-президентом. О важности этого собрания свидетельствовал тот факт, что на нем присутствовали и выступали с речами министр торговли Кобаяси, министр финансов Кавада, министр путей сообщения и связи Мурата и президент «Планового бюро» Наоки Хосино. Речь отсутствовавшего по болезни барона Го была оглашена генеральным секретарем федерации. По определению Хатисабуро Хирао, задачи Межкартельного совещания состояли в том, чтобы «придать законченную форму существующим контрольным организациям в каждой отрасли промышленности, укрепить их и объединить их по горизонтальной линии». При этом он многозначительно добавил, что «может оказаться необходимым обеспечить решениям, принимаемым Межкартельным совещанием, юридически обязательную силу».

¹ *The Osaka Mainichi and The Tokyo Nichi-Nichi*, английское издание, 15 августа 1940 г., стр. 7. Важнейшими из перечисленных здесь лиц были Мацумото и Окабэ, представлявшие Мицуи и Хирао; Отани и Сиба представляли концерн Мицубиси.

В ответ на это Кобаяси выразил надежду, что «Межкартельное совещание рассмотрит вопрос о создании новой структуры в экономике помимо усиления вертикального и горизонтального контроля». Наоки Хосино подчеркнул, что Япония нуждается в «создании экономической зоны, охватывающей страны, входящие в великую Восточноазиатскую сферу», и заявил далее: «От того, сможет или не сможет государство полностью проявить всю свою мощь, зависит его подъем или падение. До сих пор казалось, что правительство и народ разделены между собой как контролирующий и контролируемый. Это представление необходимо исправить».

По окончании выступлений присутствовавшие представители формально одобрили устав Межкартельного совещания и избрали членов постоянного комитета. В этом комитете каждая отрасль промышленности была представлена тремя членами — генеральными секретарями ее производственных и сбытовых картелей и одним лицом из числа руководящих представителей данной отрасли промышленности по рекомендации картелей. Наконец, постоянный комитет созвал свое первое совещание, «чтобы обсудить планы перестройки важнейших отраслей национальной промышленности в соответствии с новой структурой»¹.

Третье заседание постоянного комитета Межкартельного совещания состоялось 11 сентября 1940 г. в Промышленном клубе в Токио при участии президента совещания Го, вице-президента Хирао и других членов. На этом заседании был обсужден и одобрен «план новой экономической системы», изучением которого комитет занимался с 4 сентября, и было принято решение передать этот план для окончательного утверждения на пленарное заседание Межкартельного совещания, назначенного на 13 сентября 1940 г.

Получивший такое утверждение план предусматривал создание всеобъемлющей системы экономического контроля в общенациональном масштабе через целый ряд промышленных, финансовых, торговых и других органов,

¹ *The Trans-Pacific*, 12 сентября 1940 г., стр. 22; *The Japan Weekly Chronicle*, 5 сентября 1940 г., стр. 286.

которые должны были регулировать производство, распределение и потребление. Во главе Высшего совета должны были стоять президент и правление. В Высший совет — повидимому, в его правление — должны войти представители следующих восьми самостоятельных организаций:

- 1) Промышленного совета, состоящего из Совета по делам тяжелой промышленности и Совета по делам легкой промышленности,
- 2) Финансового совета,
- 3) Совета по вопросам связи и транспорта,
- 4) Совета по делам внешней торговли,
- 5) Центральной торговой ассоциации,
- 6) Центральной ассоциации мелких и средних промышленных предприятий,
- 7) Национальной сельскохозяйственной ассоциации,
- 8) Центральной ассоциации торгово-промышленных палат.

Каждая из этих восьми организаций будет руководить множеством подчиненных ей организаций, или «под-ассоциаций». Так, например, в системе Совета по делам тяжелой промышленности должны были существовать советы, объединяющие металлургические компании, компании по производству цемента, авиационные и т. д. Финансовому совету должны подчиняться советы, ведающие провинциальными банками, сберегательными банками, страховыми компаниями и т. д. Предполагалось, что каждый из этих подчиненных советов будет «нести ответственность за регулирование деятельности входящих в него промышленных, финансовых или торговых контрольных ассоциаций. Эти контрольные ассоциации, в свою очередь, будут руководить входящими в них компаниями». Созданная таким образом контрольная иерархия должна восходить от отдельных компаний — членов ассоциаций — к контрольным ассоциациям, подчиненным советам, главным советам и, наконец, к Высшему совету. О взаимоотношениях, которые должны существовать между этой проектируемой организацией и правительством, сообщалось очень мало, но считалось, что различные советы и ассоциации будут добиваться признания за своими решениями «юридически обязательной силы», как

заявил об этом 29 августа 1940 г. Хирао в присутствии министров, ведающих вопросами экономики¹. Этот разработанный Японской экономической федерацией план послужил главной основой правительственной программы, воплотившейся, в конце концов, в эдикте об ассоциациях в важнейших отраслях промышленности.

¹ В одном сообщении указывалось, что этот план включал предложение о «создании различными отраслями промышленности в качестве органов связи между правительством и экономическими кругами плановых советов и исполнительных советов, в которые будут входить чиновники заинтересованных правительственных учреждений и представители соответствующих отраслей промышленности. См. *The Osaka Mainichi and The Tokyo Nichi-Nichi*, 12 сентября 1940 г., стр. 7; *The Trans-Pacific*, 9 сентября 1940 г., стр. 23; *The Japan Weekly Chronicle*, 19 сентября 1940 г., стр. 342.

Глава IV

«ПЛАН ХОСИНО»

До сих пор, пользуясь столь навязчиво повторявшейся формулой «правительство и народ», мы разбирали почти исключительно деятельность «народа»*. Теперь необходимо обратиться к другой стороне медали, чтобы, по возможности, выяснить, какие планы экономического контроля вынашивались правительственными органами.

Первое ясное указание на деятельность официальных органов в этой области появилось в начале августа 1940 г., по прошествии лишь десяти дней после прихода к власти кабинета Коноэ. Сообщение касалось планов министерства торговли и промышленности, которые, как и следовало ожидать, были составлены в духе двух экономических пунктов политической декларации кабинета от 1 августа. Министерство следующим образом определило свои цели в отношении проведения «рационализации»: «Производство будет концентрироваться там, где руководство окажется наиболее эффективным с точки зрения сокращения производственных затрат, надлежащего использования материалов и использования бездействующего оборудования. Будет осуществляться слияние предприятий и вводиться система пулов». Под «промышленной реорганизацией» министерство торговли и промышленности понимало следующее: «Существующие картели различных отраслей промышленности, а также экономические организации подлежат перестройке в целях создания экономических контрольных органов в важнейших отраслях промышленности, основанных на руководящем прин-

* В японской прессе военного времени при освещении вопросов «государственного регулирования» экономики термин «народ» употреблялся по отношению к магнатам дзайбацу и ответственным служащим их компаний. Именно в этом смысле употребляет Биссон слово «народ» в данном абзаце и в некоторых других местах. — *Прим. ред.*

ципе «интересы государства — прежде всего» и предназначенных полностью осуществить на практике плановую экономику путем проведения рационализации промышленности и контроля над распределением»¹. За осторожными выражениями этого заявления ясно виднелись основные контуры программы картелирования, выработанной Японской экономической федерацией.

В первые месяцы пребывания у власти кабинета Коноэ, когда деловые круги проявляли столь большую активность, сравнительно мало было известно о намерениях и деятельности «Планового бюро». Наоки Хосино, как уже указывалось, в числе министров появился на трибуне при открытии Межкартельного совещания, но его заявления носили довольно уклончивый характер. В августе 1940 г. к «Плановому бюро» были временно прикомандированы четыре эксперта из других правительственных органов для оказания помощи в изучении государственных планов и политики². Как сообщалось, эти лица были прикомандированы для усиления деятельности «Планового бюро» «по осуществлению недавних решений кабинета об основах политики государства».

Несколько более интригующим было назначение в середине августа 1940 г. Тадаёси Обата вице-президентом «Планового бюро». Можно было ожидать, что он как бывший главный бухгалтер компании Сумитомо-хонся внесет в свою деятельность несколько большее понимание реального положения, существующего в деловой сфере, чем это было доступно Хосино. 14 августа, давая интервью в кабинете Хосино, куда он только что явился, чтобы принять дела у своего предшественника, Обата заявил: «Я был, если можно так выразиться, призван под знамена и пребываю в полнейшем неведении, оказался ли я на враже-

¹ *The Osaka Mainichi and The Tokyo Nichi-Nichi*, английское издание, 16 августа 1940 г., стр. 1.

² Этими четырьмя лицами были: начальник иностранного отдела департамента полиции министерства внутренних дел Р. Осима; начальник отдела шелка при департаменте шелка министерства земледелия Р. Ямадзэ; начальник финансового отдела департамента учета министерства финансов Х. Сакомидзу и начальник общего отдела департамента цен министерства торговли и промышленности Минобэ. См. *The Japan Weekly Chronicle*, 15 августа 1940 г., стр. 201.

ской или на своей территории. Обычно я приезжал в Токио, чтобы обращаться к правительству с петициями, теперь же я занимаю противоположную позицию». Про Обата говорили, что он «пользуется глубоким уважением в финансовом мире за свое умение тонко разбираться в практических вопросах». В то же самое время он был одноклассником Хосино по 1-й гимназии в Токио и, как говорили, по своим взглядам был «ярким тоталитаристом» и экспансионистом. «Экономика азиатского континента, — говорил он, — должна охватывать также страны Южных морей»¹.

Сообщения о деятельности «Планового бюро» в течение сентября 1940 г. касались главным образом одобрения кабинетом планов создания Технического управления для руководства научно-исследовательской работой, а также плана развития Восточной Азии². Военное министерство появилось в поле зрения 15 сентября, когда в Осака была прочитана первая из серии лекций, предназначенных для повышения уровня руководства промышленностью. В дальнейшем этот лекционный курс должен был быть прочитан во всех крупных промышленных центрах. Лекции, курс которых продолжается месяц, читались отобранными военным министерством специалистами по управлению предприятиями. Министерство намеревалось также создать «на всех важных промышленных предприятиях страны специальные комитеты для осуществления реформ».

Первый цикл лекций в Осака прослушало свыше трех тысяч человек, включая управляющих предприятиями и других лиц, занимавших ответственные посты в военной промышленности. На вступительной лекции, состоявшейся 15 сентября 1940 г., в качестве представителя военного министра Тодзио присутствовал генерал-лейтенант Исикава, начальник финансового бюро военного министерства. Поскольку выступление Исикава было наиболее полным

¹ *The Osaka Mainichi and The Tokyo Nichi-Nichi*, английское издание, 14 августа 1940 г., стр. 2, а также *Trans-Pacific*, 22 августа 1940 г., стр. 17. В связи с этим назначением следует напомнить, что одним из доверенных советников премьеры Коноэ был Масацунэ Огура, главный директор Сумитомо-хонся.

² Там же, 19 сентября 1940 г., стр. 2; 27 сентября 1940 г., стр. 4.

из всех публичных изложений взглядов Тодзио по вопросам экономической политики, следующие выдержки из его речи представляют значительный интерес:

«Эта новая экономическая структура, характеризующаяся высоким уровнем подготовленности национальной обороны, направлена на завершение военных приготовлений, повышение производительности и мобилизацию всех людских и материальных ресурсов страны. Это означает невиданное расширение не только военной промышленности, но также основных отраслей тяжелой, химической и машиностроительной промышленности. При старой либеральной экономической системе практически невозможно было осуществить столь быструю и широкую реорганизацию промышленной структуры без потрясения всей экономической структуры наций. Поэтому необходимо прежде всего усилить тщательно планируемый экономический контроль.

...В соответствии с требованиями экономики военного времени абсолютно необходимо повысить производительность, выжимая все, что возможно, из ограниченного количества имеющихся материалов, оборудования и рабочей силы при соблюдении политики низких цен. Единственный способ достигнуть этой цели, не вызвав нежелательных последствий, заключается в том, чтобы мобилизовать все силы экономической науки для рационализации промышленности... Рационализация взаимоотношений между различными органами управления внесет момент организации во взаимоотношения, которые до сих пор находились вне контроля и какого бы то ни было воздействия дисциплины... что в конечном итоге повысит эффективность усилий всех промышленных кругов.

В этих целях необходимо стандартизировать управление различными отраслями промышленности, упростить выпускаемую продукцию, усилить разделение труда, специализировать производство, контролировать эффективность ведения дел, сосредоточить производство на предприятиях с более эффективным ведением дела, реконструировать или слить слабые

предприятия, поощрять труд рабочих и совместное изучение ими техники, предать гласности державшиеся до сих пор в секрете технические приемы или ввести практику обмена ими в интересах общего повышения техники производства. Для того чтобы сделать управление производством более эффективным, нужно прежде всего действенным образом реорганизовать производственную систему предприятий. Одновременно необходимо упорядочить деятельность плановых и административных органов каждого предприятия... поощрять в них разделение труда и... повысить их эффективность путем перестройки системы деловой отчетности»¹.

Многие из этих идей, как уже было указано, были типичны для общего подхода японской военщины к проблеме мобилизации промышленности. Практический характер указаний отражал, по всей вероятности, личную склонность военного министра Тодзио к деталям административного управления, а также естественную заинтересованность военного министерства в эффективном управлении предприятиями. Хотя в осуждении «старой экономической структуры» звучала непримиримая нота, никто не пытался связать это с защитой какой-либо определенной формы реорганизации промышленности. Общий смысл речи, так же как и явный отклик, который лекции нашли в среде промышленников и управляющих предприятиями, свидетельствовал скорее о деловом соглашении между армией и промышленными кругами, нежели о столь часто живописуемом непримиримом расхождении.

Наиболее ярким примером готовых в тот момент возникнуть существенных разногласий является исход попытки нарушить прерогативы предпринимателей в отношении владения и управления предприятиями; в этом вопросе дзайбацу неизменно занимали непреклонную позицию.

В начале ноября 1940 г. впервые стало известно, что «Плановое бюро» представило на рассмотрение кабинета программу реорганизации промышленности. Хотя это тщательно хранилось в тайне, но, очевидно, Наоки Хо-

¹ *The Trans-Pacific*, 26 сентября 1940 г., стр. 13.

сино начал разработку проекта плана «новой экономической структуры» еще в августе, сразу же после декларации кабинета о своем основном политическом курсе. Исходные данные для «плана Хосино» были собраны «не у признанных финансовых и промышленных лидеров, а у лиц, известных своими идеями в области финансовой реконструкции»¹. Текст проекта никогда не был опубликован ни полностью, ни частично. Судя по отрывочным и неполным ссылкам на него, повидимому, существовало некоторое сходство между этим проектом и проектом плана министерства торговли и промышленности, опубликованным в середине августа. Однако, в «плане Хосино», как в вопросе о назначении руководителей, так и в вопросе о контроле, правительству отводилась решающая роль. В своей первоначальной форме «план Хосино», очевидно, ставил своей целью реорганизацию и укрепление японских картелей в качестве средства установления государственного контроля над промышленностью, вместо того чтобы стимулировать «добровольный контроль деловых кругов» при соответствующей поддержке государства. Согласно одному сообщению план предусматривал, что правительство будет назначать директоров реорганизованных картелей, возлагать на них «функции государственного характера» и устанавливать «основные принципы», которыми они должны будут руководствоваться. С помощью таких мер под руководством Высшего экономического совета должна была быть создана «коллективно планируемая экономика»².

Когда деловые круги узнали об этом плане, тотчас же возникло энергичное движение протеста. Критика была направлена против идеи поручить «неопытным чиновникам» руководство деловыми предприятиями; при этом поднялись крики, что план включает в себя «отделение капитала от управления производством». В ответ на эту критику бюрократы из «Планового бюро» частично пересмотрели первоначальный проект прежде, чем передать его

¹ *Contemporary Japan*, Tokyo, The Foreign Affairs Association of Japan, январь 1941 г., стр. 6.

² *Contemporary Japan*, январь 1941 г., стр. 6; *The Japan Weekly Chronicle*, 12 января 1940 г., стр. 736; *New York Times*, 2 декабря 1940 г.

на пленарное заседание кабинета 12 ноября. Однако министрами, державшими в своих руках портфели экономических ведомств, внесенные изменения были признаны недостаточными, и в течение нескольких недель как внутри, так и вне кабинета велась упорная борьба.

22 ноября 1940 г. Наоки Хосино счел целесообразным заверить министров экономических ведомств, что никто не намеревается «насильственно реорганизовать экономическую систему страны»¹. На другой день барон Сэйносуке Го опубликовал детальный альтернативный план, выработанный Японской экономической федерацией, по существу сходный с планом, который был разработан ранее Межкартельным совещанием. На состоявшемся 27 ноября пятом посвященном этому вопросу заседании кабинета министры, возглавлявшие экономические ведомства, добились внесения коренных изменений, по существу выхолостивших предложения «Планового бюро»². Спустя два дня военный и морской министры пришли на помощь Наоки Хосино, составив совместное заявление, которое было представлено кабинету морским министром, а затем опубликовано. Подчеркнув необходимость «доведения обороноспособности до полного совершенства», эти два министра предостерегли правительство о необходимости принятия мер «для усиления коллективной руководящей власти» с тем, чтобы рост производства происходил «на эффективной основе»³. Решение кабинета, принятое на первой неделе декабря, было включено в пересмотренную программу, получившую название «Проект установления новой экономической структуры». Перед состоявшимся 7 декабря заключительным заседанием кабинета, на котором этот план был одобрен, 8 ведущих организаций японских деловых кругов в последнюю минуту передали премьеру Коноэ заявление с изложением своих взглядов⁴.

Хотя полный текст одобренной кабинетом программы не был опубликован, скоро стало очевидным, что приня-

¹ *New York Herald Tribune*, 24 ноября 1940 г.

² *Contemporary Japan*, 1941 г., стр. 6.

³ *The Japan Weekly Chronicle*, 5 декабря 1940 г., стр. 716.

⁴ *The Japan Weekly Chronicle*, 12 декабря 1940 г., стр. 736—737.

Здесь упоминается 8 организаций, а в цитируемой ниже статье в *The Oriental Economist* — 7 организаций.

тое решение полностью учитывало возражения деловых кругов. Министр торговли и промышленности Кобаяси, после того как вопрос был урегулирован, только проворчал и то весьма негромко, что правительство никогда не помышляло отделить капитал от управления предприятием. Опубликованное краткое изложение сущности плана свидетельствовало, что костяк первоначальной схемы Хосино был сохранен, особенно в той части, которая касалась упорядочения системы картелей, но в то же самое время контрольные мероприятия были весьма существенно изменены.

В случае особой необходимости, говорилось в заявлении кабинета, возможна передача управления предприятием в руки правительства, но основой новой структуры должно быть частное предприятие. Отнюдь не отделяя управления от владения предприятием, решение кабинета признавало, что «капитал, управление и труд составляют единое органическое целое». Основные принципы картельной системы, лежащие в основе программы кабинета, были сформулированы следующим образом: «Владельцы промышленных предприятий в важнейших отраслях промышленности должны создать организации в соответствии с характером их производственной деятельности или в соответствии с перерабатываемым их предприятиями сырьем. Эти экономические организации будут считаться особыми юридическими лицами, и деятельность их должна направляться директорами, кандидатуры которых будут одобрены как входящими в организацию предприятиями, так и правительством. На правительство ложится осуществление надзора над этими экономическими организациями»¹.

Это заявление оставляло немного сомнений в том, что деловым кругам будет принадлежать решающая роль в создании картелей и в назначении их руководителей.

¹ *The Japan Weekly Chronicle*, 12 декабря 1940 г., стр. 736; *New York Herald Tribune*, 9 декабря 1940 г. Краткое изложение основных пунктов программы см. в документе № 5. Тщательное ознакомление с этим документом необходимо для того, чтобы полностью оценить масштабы победы дзайбацу в этом вопросе, которая была впоследствии закреплена в эдикте об ассоциациях важнейших отраслей промышленности.

Дзайбацу были удовлетворены тем, что они успешно пресекли стремление «Планового бюро» установить бюрократический контроль над промышленностью. Они, однако, не забыли своей особой вражды к Наоки Хосино, который был изгнан из кабинета при перетасовке портфелей весной 1941 г. Полезно привести и вместе с тем забавно читать описание одержанной дзайбацу победы в передовой статье одной из ведущих экономических газет:

«Семь ведущих экономических организаций Японии, в том числе Японская экономическая федерация, Японский промышленный клуб, Японская ассоциация предпринимателей, Федерация деловых ассоциаций, Федерация промышленных организаций и Японский финансовый совет, заявили правительству протест по поводу некоторых из его недавних экономических планов. Этот сформулированный в весьма решительных выражениях и адресованный премьеру Фумимаро Коноэ протест заслуживает большого внимания. Некоторое время тому назад правительство на основе закона о мобилизации нации издало «Положение о контроле над отчетностью корпораций», вызвавшее серьезную критику со стороны общественности. Немного спустя оно сформулировало «Основные положения новой экономической структуры». Эти основные положения были тщательно обсуждены министрами, возглавляющими экономические ведомства, в результате чего к моменту опубликования они приобрели сравнительно мягкую форму. Однако, по имеющимся сведениям, первоначальные предложения, представленные кабинету «Планового бюро» представляли собой программу реформ весьма радикального характера, граничившую с отрицанием частной инициативы. Ввиду этого экономические организации заявили премьер-министру протест против подобных тенденций, проявляемых правительственными кругами. Наш интерес привлекает не столько содержание самого протеста, сколько знаменуемое им изменение позиции лидеров делового мира. На протяжении последних нескольких лет эти представители делового мира упорно хранили молчание вне зависимости от того, какую политику проводило прави-

тельство; они не склонны были высказывать свое мнение и в еще меньшей степени — выражать свой протест. Такое положение едва ли можно признать здоровым. Однако сейчас они как будто заняли подобающее им положение и вновь обрели достаточно мужества, чтобы осмелиться критиковать правительство. Если эта смелость не окажется быстропреходящим явлением и представители делового мира будут и впредь придерживаться практики доводить до сведения правительства свои взгляды, то от этого больше всего выиграют торговля и промышленность Японии»¹.

¹ *The Oriental Economist*, январь 1941 г., стр. 6.

Глава V

ЭДИКТ ОБ АССОЦИАЦИЯХ В ВАЖНЕЙШИХ ОТРАСЛЯХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Решение кабинета от 7 декабря 1940 г. оставляло неразрешенной проблему претворения плана промышленной реорганизации в законодательный акт. В конце декабря появилось сообщение, что кабинет разрабатывает законопроект о «государственном экономическом органе», который он намерен внести в январе на обсуждение парламента. Законопроект разрабатывался в соответствии с «Проектом установления новой экономической структуры» и должен был быть закончен к концу года ¹.

Однако в январе законодательная программа кабинета Коноэ увязла в жестокой политической борьбе, вызванной попыткой провести законопроект о «реформе парламента», ограничивавший контингент избирателей и численный состав нижней палаты. Целый ряд чрезвычайных совещаний, проведенных премьером Коноэ и другими членами кабинета с ведущими представителями деловых кругов и членами парламента, привел к достижению широкого политического соглашения, благодаря которому вопрос был в конце концов улажен. Предложения об «Избирательной реформе» были сняты и заменены законопроектom о продлении еще на один год полномочий существующего состава нижней палаты. Кабинет согласился не вносить законопроект о реорганизации промышленности, а члены парламента обещали с максимальной быстротой провести все остальные законопроекты, ограничив количество ин-терпелляций ².

Исход этой сделки вынудил кабинет искать других путей для проведения в жизнь своего плана реорганизации

¹ *The Japan Weekly Chronicle, Commercial Supplement*, 28 декабря 1940 г., стр. 127.

² *New York Times*, 22 января 1941 г.; *New York Herald Tribune*, 23 января 1941 г.

промышленности. Было решено, — повидимому, в соответствии с соглашением, — что вопрос будет улажен путем внесения поправки в закон о всеобщей мобилизации нации, который в то время так или иначе подлежал коренному пересмотру. Пересмотренный закон о мобилизации нации был утвержден парламентом 21 февраля 1941 г. и вступил в силу 20 марта¹. Были внесены три поправки в статью 18, касающуюся промышленных ассоциаций. Действие параграфа 1, ранее ограниченное предприятиями, которые «обслуживали нужды всеобщей мобилизации», было распространено на все предприятия. Первоначальный термин «ассоциация» был заменен термином «организация или корпорация». Наконец, были включены два дополнительных параграфа, определявшие права и обязанности предприятий, затрагиваемых производимыми по приказу правительства принудительной передачей предприятия, слиянием или капиталовложениями.

Последние фазы борьбы

В марте 1941 г. появились сообщения о возникших между «Плановым бюро» и министерством торговли и промышленности разногласиях по вопросу о выборе наиболее соответствующей процедуры применения статьи 18 для установления контроля над важнейшими отраслями промышленности. Говорили, что «Плановое бюро», повидимому, стремясь обеспечить возможность более строгого правительственного контроля, настаивало на том, что в соответствии со статьей 18 следует издать несколько императорских эдиктов о создании проектируемых отраслевых контрольных ассоциаций. Однако состоявшееся 18 марта в Токио Межкартельное совещание «пришло к единодушному решению поддержать план министерства торговли и промышленности об издании одного императорского эдикта о создании общего контроля над всеми отраслями промышленности». Совещание намеревалось «довести свои взгляды до сведения всех заинтересованных компетентных органов в форме рекомендации, призывающей правительство к принятию скорейшего

¹ Закон № 19 от 1 марта 1941 г.

решения... и предлагающей, чтобы правительство издавало министерские декреты или распоряжения кабинета в тех случаях, когда окажется необходимым отраслевой контроль»¹.

Непрекращавшаяся борьба вокруг вопроса о контроле над промышленностью, которая, повидимому, отражала деятельность Наоки Хосино в «Плановом бюро» завершилась реорганизацией кабинета, пришедшей к значительному укреплению позиции деловых кругов. 1 апреля 1941 г. в кабинет в качестве министра без портфеля, ведающего экономическими проблемами, был введен и председатель правления концерна Сумитомо Масацунэ Огура. Через три дня генерал-лейтенант Тэйити Судзуки сменил Хосино в «Плановом бюро», а адмирал Тэйдзиро Тоёда был назначен министром торговли и промышленности вместо Кобаяси. Эти назначения явно имели своей целью установление сотрудничества между армией, флотом и деловым миром на основе консервативной программы, причем решающая роль в этом сотрудничестве принадлежала деловым кругам. Эти назначения завершили политические перемены, начавшиеся 21 декабря 1940 г., когда консерваторы старой школы барон Хиранума и генерал-лейтенант Хейсуке Янагава были назначены соответственно министром внутренних дел и министром юстиции². Характер реорганизации кабинета и ее причины хорошо освещены в следующем комментарии американской печати:

«В течение нескольких последних месяцев сопротивление деловых кругов тоталитарной программе,

¹ *The Japan Weekly Chronicle, Commercial Supplement*, 27 марта 1941 г., стр. 91.

² Главная ответственность за перемены 1—4 апреля 1941 г. была возложена на барона Хиранума, который был полон решимости положить конец деятельности «радикальных экономических плановиков». Оба главных поборника политики промышленного контроля — Хосино и Кобаяси — были назначены членами палаты пэров, — обычная подачка министрам, вынужденным уйти в отставку. Адмирал Тоёда был тесно связан с Мицубиси. На Женевской конференции по ограничению морских вооружений он был помощником адмирала Макото Сайто, одного из «умеренных», убитого во время военного мятежа 1936 г. Судзуки был переведен на свой новый пост с поста президента Бюро по делам Китая. Он оставался руководителем «Планового бюро» вплоть до ликвидации последнего в 1943 г.

очевидно, настолько сильно отразилось на осуществлении производственных планов правительства, что оказалось необходимым ограничить тоталитарное движение* и восстановить сотрудничество с деловыми кругами. Это можно видеть из заявления, сделанного недавно Хатисабуро Хирао, главой Японской железнорудной и сталелитейной компании («Нихон сэйтэцу») — полугосударственной организации в одной из важнейших отраслей промышленности военного времени. Он заявил: «В настоящее время поставки железной руды и угля не соответствуют производственной мощности. Ввиду этого производительность доменных и мартеновских печей в Японии падает, и деятельность металлургических компаний становится все более невыгодной». Хирао дал понять, что для того, чтобы был предоставлен капитал для более широкой эксплуатации месторождений железной руды и угля, правительству следует притти к соглашению с финансовыми и промышленными лидерами»¹.

То же самое явление — почти что итальянская забастовка представителей капитала — повторилось в середине 1943 г., в гораздо более критический для судеб Японии период. Министр без портфеля Огура в первых после своего назначения публичных выступлениях дал понять, что он намерен «взяться за разрешение проблемы цен в направлении более гибкого применения системы контроля», которая, по его утверждению, изгоняет товары с рынка. «Нужно отказаться от простой идеи строгого осуществления политики цен», — заявил он². Незадолго до реорганизации кабинета Торгово-промышленная палата предъявила правительству требования, включавшие, среди прочих, следующие пункты: 1) пересмотр системы контроля над ценами, с целью сохранения политики стабиль-

* «Тоталитарное движение» — один из терминов, употребляемых автором по отношению к крайне агрессивной группе военщины и связанным с этой группой тайным военно-фашистским организациям. Другой термин, употребляемый автором для выражения того же понятия, — «экстремисты». — *Прим. ред.*

¹ Joseph Newman, *New York Herald Tribune*, 6 апреля 1941 г.

² *New York Times*, 2 апреля 1941 г.

ных цен на предметы первой необходимости, с одновременным разрешением устанавливать более высокие цены на продукцию военной промышленности, с тем чтобы сделать возможным увеличение производства, и 2) создание ассоциаций промышленников, которые будут осуществлять контроль над промышленностью самостоятельно¹.

19 апреля 1941 г. два новых министра указали основное направление дальнейших событий в области экономического контроля. Адмирал Тоёда особо подчеркнул значение производительности крупных предприятий, заявив, что правительство будет стремиться максимально использовать мелкие и средние предприятия, но тут же добавил: «Я опасаюсь, что окажется невозможным сохранить их в настоящем дезорганизованном виде, и им придется как можно скорее подвергнуться реорганизации и объединению на рациональной основе». Министр без портфеля Огура, выступая перед группой промышленных лидеров, подчеркнул, что он намерен подвести практическую базу под контрольные мероприятия правительства в области экономики. Он заверил промышленников, что если «будут созданы мощные промышленные организации и если на них можно будет положиться в осуществлении эффективного контроля над производством и распределением, детали контроля могут быть предоставлены на их усмотрение, и правительство будет лишь осуществлять надзор над выпуском продукции»².

В последующие недели не было заметно никакого прогресса в осуществлении этой программы контроля. В конце мая 1941 г. лидеры деловых кругов Осака убеждали адмирала Тоёда в том, что проектируемые мероприятия по контролю «над различными важнейшими отраслями промышленности должны быть осуществлены как можно скорее, с тем чтобы заинтересованные промышленники могли точно знать свое положение»³. В это же время Межкартельное совещание энергично проводило в жизнь

¹ *New York Herald Tribune*, 6 апреля 1941 г.

² *New York Times*, 20 апреля 1941 г.

³ *The Japan Weekly Chronicle, Commercial Supplement*, 29 мая 1941 г., стр. 146.

свою собственную программу «добровольной реорганизации важнейших отраслей промышленности». В соответствии с этой программой, составленной в сентябре 1940 г., велась подготовка к созданию ряда контрольных советов или комиссий в металлургической, цементной, угольной и других отраслях промышленности. Окончательное обсуждение вопроса о создании контрольного совета в цементной промышленности, например, было назначено на 22 марта 1941 г. и ожидалось, что в течение месяца контрольный орган будет создан¹. В действительности, однако, промышленники не желали как-либо связывать себя до тех пор, пока они не будут облечены «законной властью», и создание намечаемых советов по контролю над различными отраслями промышленности оттягивалось в ожидании решения правительства.

К июню кабинет, наконец, сделал первые шаги. Подготавливался императорский эдикт, основанный на общих статьях закона о мобилизации нации, и имелись сведения о том, что министерство торговли и промышленности «приблизительно в конце мая» выработало предварительный проект текста.

Этот проект был затем передан в «Плановое бюро», которое, как ожидалось, «должно было в течение второй недели июня созвать объединенное совещание» всех заинтересованных ведомств². Тем не менее промышленники проявили «серьезное беспокойство» по поводу «затяжки опубликования долгожданного эдикта об организации контроля в главнейших отраслях промышленности». Затяжка опубликования эдикта, без которого государственная власть не могла поддерживать картельные организации, «не только задерживала создание проектируемых контрольных советов», но и «препятствовала уже созданным контрольным организациям осуществлять свои функции». Ввиду этого промышленники «выражали надежду,

¹ *The Japan Weekly Chronicle, Commercial Supplement*, 27 марта 1941 г., стр. 85. К сентябрю была создана только металлургическая комиссия.

² Там же, 12 июня 1941 г., стр. 164. «Заинтересованными ведомствами» являлись министерство торговли и промышленности, военное и морское министерства, министерство колоний и железнодорожное бюро.

что правительство примет срочные меры и опубликует данный указ как можно скорее»¹.

Однако до осуществления этого акта правительство ушло 16 июля в отставку, и спустя 2 дня был сформирован третий кабинет Коноэ. Знаменательным изменением в составе кабинета была замена Ёсуге Мацуока на посту министра иностранных дел; внешним предлогом этой замены было то обстоятельство, что нападение Германии на Россию последовало почти непосредственно после заключения, в результате переговоров Мацуока, Советско-японского договора о нейтралитете, но действительной причиной было то, что реорганизация кабинета, произведенная во время пребывания Мацуока в Европе, сделала его persona non grata в глазах большинства его консервативных коллег. Вместо Мацуока пост министра иностранных дел занял адмирал Тоёда; Масацунэ Огура стал министром финансов, а вице-адмирал Масадзо Сакондзи — министром торговли и промышленности. Эти лица, вместе с министрами без портфеля Хиранума, Янагава и Тэйити Судзуки, занимали господствующее положение в резко консервативном третьем кабинете Коноэ, хотя генерал-лейтенант Хидэки Тодзио сохранил свой пост военного министра. Весной 1945 г. как Тоёда, так и Сакондзи вновь предстояло оказаться в числе членов кабинета, сформированного бароном Кантаро Судзуки, причем Коноэ к тому времени уже перешел в число «генро».

Менее чем через неделю после прихода к власти нового кабинета оккупация японскими войсками южной части Индо-Китая подожгла фитиль, разжегший пожар войны на Тихом океане. Подготовка промышленности к «большой войне» стала более настоятельной необходимостью, и последние шаги к утверждению давно ожидавшегося закона о контроле были предприняты с большой быстротой. Проект императорского эдикта о контроле над важнейшими промышленными организациями был представлен на одобрение Комиссии по всеобщей мобилизации нации, заседавшей с 30 июля по 2 августа. Промышленные круги, как передавали, «форсировали создание

¹ *The Japan Weekly Chronicle, Commercial Supplement*, 12 июня 1941 г., стр. 164.

различных контрольных комиссий в важнейших отраслях промышленности, которые должны были получить законную силу с изданием ожидаемого эдикта¹. На этот раз они не были разочарованы. Комиссия по всеобщей мобилизации нации одобрила проект, который был затем возвращен кабинету на предмет окончательного утверждения и опубликования. Это утверждение состоялось на заседании кабинета 26 августа 1941 г.; эдикт был опубликован 29 августа и вступил в силу 1 сентября.

Содержание эдикта

«Эдикт об ассоциациях в важнейших отраслях промышленности», как он в конце концов был назван, осуществил многое, но не все из того, чего добивались деловые круги. В этом длинном рескрипте, содержащем 56 статей, следует обратить внимание на некоторые пункты, которые приобрели особое значение или тогда же, или в последующий период. Во-первых, положения эдикта автоматически не вступали в силу. Согласно статье 2, кабинет должен был специальными распоряжениями выделить те отрасли промышленности, на которые распространялось действие эдикта, а статья 8 предусматривала, что образование каждой контрольной ассоциации должно утверждаться распоряжением кабинета.

Функции контрольных ассоциаций, изложенные в статье 6, были чрезвычайно широки. Они включали контроль над производством и распределением в данной отрасли промышленности, обеспечение «данной отрасли промышленности рабочей силой, сырьем, капиталом и удовлетворение других ее нужд», обеспечение ее оборудованием и право на участие в совместной с правительством разработке «национальной программы» для промышленности.

Согласно статьям 13, 14 и 15, президент контрольной ассоциации был облечен широчайшими полномочиями. Он «контролирует и направляет данную отрасль промыш-

¹ *The Japan Weekly Chronicle, Commercial Supplement*, 31 июля, 1941 г., стр. 35.

ленности и руководит всеми делами ассоциации». Ему было предоставлено право, по одобрении соответствующего министра, назначать и смещать вице-президента, главного директора, директоров и других должностных лиц ассоциации. Согласно статье 27, он мог, с согласия соответствующего министра, отдать приказ об увольнении директоров или управляющих входящей в ассоциацию компании или организации, если найдет, что их действия наносят ущерб данной отрасли промышленности. Статьи 19, 20 и 21 предусматривали, что контрольная ассоциация, т. е. ее президент, может взимать сборы или штрафы с членов ассоциации, предусмотренные ее уставом, а в чрезвычайных обстоятельствах, с одобрения соответствующего министра, он может взимать особые сборы, не предусмотренные уставом. Поскольку президент ведал «всеми делами ассоциации», он распоряжался всей ее производственной деятельностью — материалами, капиталами, оборудованием, рабочей силой и даже продажей ее продукции, которая без его разрешения не подлежала сбыту. Видный японский экономический журнал писал по этому поводу: «Не будет поэтому преувеличением утверждение, что судьба организаций-членов всецело находится в руках президента ассоциации»¹.

Поскольку президент контрольной ассоциации обладал столь широкой властью, серьезное значение приобретал вопрос о том, как он будет назначаться. Первые два параграфа статьи 14 излагали эту процедуру в сжатой форме: «Соответствующий министр назначает президента ассоциации из числа кандидатов, выдвинутых избирательной комиссией. Соответствующий министр назначает членов избирательной комиссии из числа лиц, обладающих опытом в данной отрасли промышленности или занимавшихся специальным ее изучением». Совершенно очевидно, что эта процедура оставляла министру очень ограниченную возможность выбора из какой-либо иной среды, помимо ведущих лидеров делового мира, чем устранялась возможность «бюрократического» контроля. Если же принять во внимание обычное положение министра торговли и промышленности и других министров, возгла-

¹ *The Oriental Economist*, сентябрь 1941 г., стр. 459.

вляющих экономические ведомства, то надежность такой меры удваивалась.

Невозможность существования «аутсайдеров» была твердо гарантирована специальным пунктом. Статья 11 гласила: «Когда будет создана контрольная ассоциация, все, кто имеет права на членство в ней, должны стать членами данной контрольной ассоциации».

В одном отношении лидерам деловых кругов не удалось добиться цели, к которой они стремились. Эдикт предусматривал создание ряда отдельных контрольных ассоциаций, но он не предусматривал единого высшего контрольного органа. Инспирированные сообщения, появившиеся в японской печати в течение августа 1945 г., косвенным образом поднимали этот вопрос, но прямых протестов отмечено не было. «Влиятельные экономические органы, — говорилось в сообщениях, — такие, как Японская экономическая федерация, торгово-промышленные палаты и центральные советы торговых и промышленных ассоциаций, сочли необходимым совместно выступать за создание могущественного органа, который должен выполнять роль связующего звена между будущими комиссиями (т. е. контрольными ассоциациями). Они считают, что контроль над различными отраслями промышленности, осуществляемый только по вертикальной линии, будет недостаточным для того, чтобы увязать различные виды экономической деятельности нации в правильном соотношении друг с другом; отсюда очевидна необходимость создания связующего органа. Правительство не разделяет этого взгляда, но указанные круги считают, что такой орган должен быть создан, независимо от того, склонно или не склонно правительство предоставить ему юридический статус... По мнению этих кругов, цель может быть достигнута лишь при условии, если подобный орган будет создан при полной поддержке со стороны промышленных кругов, ибо, в конечном итоге, его престиж и влияние будут играть важную роль в соответствующем упорядочении экономической деятельности»¹. Когда в конце 1941 г. и в начале 1942 г.

¹ *The Japan Weekly Chronicle, Commercial Supplement*, 21 августа 1941 г., стр. 64.

были созданы контрольные ассоциации, было предусмотрено и создание Совета контрольных ассоциаций важнейших отраслей промышленности. Однако права, предоставленные этому органу горизонтального подчинения, были недостаточны для того, чтобы эффективно объединять деятельность различных ассоциаций.

Оттяжка проведения эдикта в жизнь

Между опубликованием эдикта об ассоциациях в важнейших отраслях промышленности (вступившего в силу с 1 сентября 1941 г.) и формированием кабинета Тодзио (формально приступившего к исполнению обязанностей 18 октября 1941 г.) прошло 7 недель. В течение этого периода правительство не проявляло спешки в отношении выделения отраслей промышленности, в которых могли быть созданы контрольные ассоциации. Лидеры деловых кругов, очевидно, ожидали, что эдикт будет немедленно проведен в жизнь. 2 сентября газета «Асахи» сообщила, что «потребуется по меньшей мере неделя для подготовки списка организаций, на которые будет распространяться действие нового положения». Предполагалось, что «первыми организациями, которые попадут под действие эдикта, будут организации, относящиеся к черной и цветной металлургии, угольной и машиностроительной промышленности, а также к торговле и судостроению»¹. В этот период так называемая Комиссия по контролю над производством железа и стали была единственным органом промышленности, создание которого Межкартельному совещанию удалось довести до конца. Контрольная комиссия по углю находилась в процессе организации, но создание ее еще не было закончено². Очевидно, задача тщательной систематизации различных картельных организаций без поддержки со стороны государственной

¹ *The Japan Weekly Chronicle, Commercial Supplement*, II, 19 сентября 1941 г., стр. 85.

² Там же, 4 сентября 1941 г., стр. 74. Кендзио Мацумото (Мицуи), глава Японской угольной компании, намечался в президенты комиссии, а Кёхей Като, бывший администратор концерна Мицубиси, в то время являвшийся президентом Компании по развитию Формозы, — в председатели комиссии.

власти оказалась более трудной, чем представляли себе руководители Межкартельного совещания. Главным образом по этой причине промышленники и настаивали на том, чтобы правительство выделило первую группу отраслей промышленности, на которые распространялось действие нового эдикта.

В течение этих недель на все увещевания со стороны властей, призывавших лидеров деловых кругов с чувством ответственности использовать те широкие полномочия, которые им предстояло получить, ответом служили все более настойчивые требования к правительству об ускорении осуществления положений эдикта. 3 сентября на собрании, созванном в Токио «Ассоциацией помощи трону» в ознаменование опубликования нового эдикта, присутствовали виднейшие представители правительства и «народа». Там были высшие чины министерств: торговли и промышленности, финансов, военного, морского, железных дорог, связи, а также «Планового бюро». Финансовые и промышленные круги были представлены такими фигурами, как президент Контрольной комиссии железнорудной и сталелитейной промышленности Хатисабуро Хирао, президент Имперской нефтяной компании Ёсиаки Хатта, президент Японской компании по производству и передаче электроэнергии Киёси Гото, управляющий Японским банком Тоётаро Юки и президент Токийской компании газовых заводов Такаси Исака.

Оглашенное на собрании послание премьера Коноэ заканчивалось следующим образом: «Мне хочется, чтобы участники этого собрания, являющиеся лидерами различных отраслей промышленности, показали всему народу пример сотрудничества с правительством в проведении его экономической политики, которая будет осуществляться в соответствии с только что изданным императорским эдиктом. Успех или неудача императорского эдикта зависят главным образом от того, как будут соблюдать его положения участники настоящего собрания».

Министр торговли и промышленности вице-адмирал Сакондзи то предостерегал, то убеждал своих слушателей: «У нас был в известной мере контроль над промышленностью, — сказал он. — Если он не дал результатов, то причину этого нужно искать в том, что промышлен-

ность не объединилась на поддержку экономической политики правительства». Новые контрольные организации, созданные на основе императорского эдикта, «должны отвести в сторону соображения личной выгоды и сосредоточить свое внимание на том, как мобилизовать промышленность на содействие осуществлению основной политики нации. Руководители этих организаций должны взять на себя ответственность за руководство деятельностью промышленности, чтобы таким образом содействовать достижению целей национальной политики. Организации будут построены так, чтобы дать промышленникам все возможности для выявления своих способностей».

После разъяснения положений эдикта вице-министром торговли и промышленности «между присутствующими состоялся откровенный обмен мнениями». Собрание закончилось принятием следующей резолюции:

«В результате распространения европейской войны положение в Восточной Азии стало более напряженным, чем когда бы то ни было. Ввиду этого как правительство, так и народ в тесном сотрудничестве должны быстро завершить создание структуры военного времени и двигаться вперед к созданию великой восточноазиатской сферы процветания.

В данный момент правительством опубликован императорский эдикт об организациях в важнейших отраслях промышленности. Ввиду важности нового эдикта, мы — лица, связанные с финансовыми и промышленными кругами, — желаем приложить все силы для увеличения производственной мощи, а также для создания высокоорганизованной национальной обороны и экономической структуры военного времени»¹.

Аналогичное собрание, но с участием не столь крупных фигур, состоялось 15 сентября 1941 г. в Осака. Генерал-лейтенант Тэйти Судзуки, сменивший Хосино на посту президента «Планового бюро», обратился к собранию с письменным приветствием, которое начиналось с указания на то, что «тотальную войну необходимо вести во всех областях. Военная сила не является единственным

¹ *The Japan Weekly Chronicle*, 11 сентября, 1941 г., стр. 341.

фактором. Войну нужно вести также в дипломатической, экономической, идеологической и других областях. С этой точки зрения опубликованный недавно императорский эдикт о контрольных органах в промышленности приобретает особое значение... Контрольные организации, или общества, являются государственными юридическими лицами, на обязанности которых лежит обеспечение сотрудничества в осуществлении экономической политики страны. Они предназначаются не для обеспечения выгод своим членам, а для содействия достижению национальной цели. Они должны быть созданы и рассматриваемы в качестве основных организаций обороны государства, осуществляющих от имени правительства контроль над экономикой»¹.

К середине сентября 1942 г. лидеры деловых кругов начали проявлять нетерпение по поводу того, что бесконечные увещевания со стороны правительства не сопровождаются никакими шагами в направлении практического осуществления эдикта. На пятом заседании исполнительного комитета Межкартельного совещания, состоявшемся 16 сентября в Токийском промышленном клубе, была составлена петиция, переданная затем министерству торговли и промышленности, «Плановому бюро» и другим заинтересованным учреждениям. Взгляды промышленных кругов были изложены следующим образом:

«Как видно, правительство тратит много времени на приготовления к осуществлению положений эдикта. Но терять драгоценное время на подобного рода приготовления не следует. В настоящее время прежде всего нужны быстрые действия, а потому правительству рекомендуется начать с тех отраслей промышленности, в которых уже проведена подготовка, а рассмотрение вопроса об остальных отраслях отложить. Задержка издания правительственного распоряжения препятствует уже созданным контрольным комиссиям — как, например, Контрольной комиссии железодельательной и сталелитейной промышленности — должным образом выполнять свои

¹ *The Japan Weekly Chronicle, Commercial Supplement*, 25 сентября 1941 г., стр. 100.

функции вследствие отсутствия у них юридического статуса».

В петиции были также изложены следующие предложения властям:

«Осуществление контроля внутри выделенной отрасли промышленности после образования соответствующей комиссии должно быть предоставлено на усмотрение данной комиссии. Иными словами, поскольку контрольная комиссия предназначена выполнять свои функции в соответствии с новой национальной экономической политикой, правительство должно воздерживаться от вмешательства. Следует отказаться от создания самим правительством полугосударственных компаний и аналогичных организаций, так как подобные действия будут препятствовать контрольным комиссиям надлежащим образом выполнять свои функции».

Прошел почти целый месяц, министр торговли и промышленности все еще продолжал убеждать промышленных лидеров, а практическое осуществление положений эдикта попрежнему задерживалось. Однако Сакондзи в своем интервью представителям печати, которое он дал 7 октября 1941 г. при отъезде в Осака, внес новую ноту, которая едва ли была неприятной для слуха крупных монополистов, с нетерпением ожидавших получения юридических полномочий для осуществления своей программы «рационализации». «Совершенно необходимо, — сказал министр, — приложить все усилия для максимального использования национальной экономической мощи. Это вызывает необходимость концентрации производства на тех предприятиях, где гарантирована наивысшая эффективность. Эта политика относится ко всем родам деятельности. И исходя именно из этой цели, правительство поддерживает организацию контрольных обществ».

На следующий день, во время совещаний с лидерами деловых кругов Осака, Сакондзи выразил ту же самую мысль гораздо более открыто. «Для того чтобы создать структуру, обеспечивающую высокий уровень обороноспособности и обеспечить безопасность страны, — предостерегал он, — абсолютно необходимо мобилизовать все промышленные и экономические ресурсы страны для

достижения национальных целей и разрабатывать все правительственные мероприятия, имея в виду только эту задачу. Предприятия, способные обеспечить высокую производительность, должны в полной мере обеспечиваться материалами и рабочей силой, в то время как предприятия с низкой производительностью должны или временно приостановить работу, или закрыться»¹.

Когда 9 октября в Промышленном клубе в Токио состоялось объединенное заседание постоянного комитета и правления Межкартельного совещания, руководители совещания прекрасно помнили эти слова. Была составлена петиция, и для вручения ее министрам, возглавляющим экономические ведомства, а также военному и морскому министрам и президенту «Планового бюро» была избрана специальная комиссия в составе Хатисабуро Хирао, Ёсиаки Хатта, Такуо Годо, Кендзиро Мацумото и др. По сообщению «Асахи», петиция содержала два основных пункта, сущность которых сводилась к следующему:

«Наблюдавшаяся длительная задержка издания императорского эдикта о создании различных контрольных комиссий, несмотря на неотложную в них необходимость, объясняется главным образом нерешительностью правительства, а потому весьма желательно спешное устранение этого дефекта. Непосредственной причиной задержки, повидимому, можно считать недостаточно полную реорганизацию правительства, которую предполагалось провести для того, чтобы дать правительству возможность эффективно выполнять свои функции. Если положение дел в действительности таково, то необходимо быстро принять соответствующие меры, чтобы ускорить возможность издания долгожданного императорского эдикта.

Что же касается промышленных кругов, то их решимость поддерживать правительство в проведении политики в новой экономической области является твердой, и в этом вопросе они будут сотрудничать с правительством самым искренним образом,

¹ *The Japan Weekly Chronicle*, 16 октября 1941 г., стр. 489.

но при всех обстоятельствах первый шаг должно сделать правительство, и промышленные круги призывают правительство, отбросив нерешительность, перейти к необходимым действиям и проявить больше рвения»¹.

Эта петиция была последним значительным ходом в долгой борьбе, которая велась во время существования второго и третьего кабинетов Коноэ вокруг вопроса о том, какое место должна занять промышленность в «новой экономической структуре». Следует, однако, остановиться еще на некоторых обстоятельствах, прежде чем перейти к рассмотрению событий, имевших место при кабинете Тодзио.

Движение за «рационализацию»

К октябрю 1941 г. большая часть отраслей промышленности, представленных в Межкартельном совещании, в значительной степени осуществила подготовительную работу к переходу на положение полугосударственных контрольных ассоциаций, как только на основании эдикта об ассоциациях в важнейших отраслях промышленности будут изданы соответствующие распоряжения. Организация Контрольной комиссии железнорудной и сталелитейной промышленности была полностью закончена, а организация Контрольной комиссии угольной промышленности была почти закончена. Федерация ассоциаций судостроительной промышленности, охватывавшая 14 крупнейших судостроительных компаний, также разработала план создания контрольной ассоциации. Согласно этому плану, каждая из четырнадцати крупных фирм входила в число членов ассоциации, а более мелкие фирмы должны были получить представительство в ней путем создания подчиненных ассоциаций в районах Тохоку, Канто, Кансай, Тюгоку и Кюсю, которым надлежало войти в контрольную ассоциацию в качестве ее членов. Считалось, что проектируемую ассоциацию будет

¹ *The Japan Weekly Chronicle, Commercial Supplement*, 16 октября 1941 г., стр. 123.

возглавлять Косиро Сибя, председатель Японской ассоциации судостроителей и директор-распорядитель концерна тяжелой промышленности Мицубиси¹. Во всех указанных случаях дзайбацу руководили созданием новых контрольных органов и полностью подчиняли их своему контролю. Они выдвинули президентов контрольной ассоциации по своему выбору, не ставя об этом в известность власти — по крайней мере в официальном порядке. Правительству оставалось только утвердить этих самовольно назначенных промышленных «фюре-ров», когда императорский эдикт был наконец проведен в жизнь.

Вновь созданные контрольные организации стремились ускорить процесс «рационализации» важнейших отраслей промышленности. Контрольная комиссия железоделательной и сталелитейной промышленности на собрании директоров 11 сентября решила «рационализировать закупку и распределение как сырья, так и готовой продукции путем прямого приобретения всех контрольных органов», существовавших в то время в промышленности. Были две компании, занимавшиеся контролем над сырьем — Японо-Маньчжурская железоделательная и сталелитейная компания с капиталом в 2 млн. иен (полностью оплаченным) и Японская компания по контролю над сырьем для металлургической промышленности с оплаченным капиталом в 1 млн. иен. Комиссия решила приобрести эти две контрольные компании и купить акции, находившиеся у различных частных фирм — членов этих компаний. Затем обе эти компании подлежали слиянию в одну компанию с общим капиталом, сокращенным до 1 млн. иен, и передаче под непосредственный контроль комиссии. В области распределения готовой продукции существовали три контрольные компании: Японская объединенная компания по сбыту чугуна и стали с капиталом в 30 млн. иен (наполовину оплаченным), Вторая японская объединенная компания по сбыту чугуна и стали с капиталом в 10 млн. иен (наполовину оплаченным) и Японская объединенная компа-

¹ *The Japan Weekly Chronicle, Commercial Supplement*, 9 октября 1941 г., стр. 119.

ния по сбыту стальных труб с капиталом (полностью оплаченным) в 5 млн. иен. И в этом случае было решено скупить все три контрольные компании и слить их в одну, подчиненную комиссии, с сокращением общего капитала до 10 млн. иен¹. Такого рода мероприятия, без сомнения, содействовали повышению эффективности, в особенности, если не забывать о чрезвычайной многочисленности контрольных органов в прошлые годы.

Комиссия по контролю над производством чугуна и стали фактически лишь проводила политику, которую правительство собиралось осуществлять непосредственно своей властью*. В конце сентября 1941 г. министерство торговли и промышленности намеревалось издать на основании статей 14 и 16 закона о всеобщей мобилизации нации ведомственный приказ, «определяющий отрасли промышленности, подлежащие рационализации»². По сообщению «Никкан когё», приказы «будут носить либо общий, либо специализированный характер; в случае издания общего приказа, та или иная отрасль промышленности будет выделена в целом, и все относящиеся к ней предприятия будут рационализированы по усмотрению различных заинтересованных концернов, а в случае издания специализированных приказов подлежащие рационализации компании будут четко выделены и им будет предписана определенная сфера деятельности. Как правило, приказы будут сформулированы таким образом и направлены к тому, чтобы более сильные и более эффективные промышленные предприятия пользовались приоритетом и могли поглощать более слабые и менее производительные предприятия. Более того, считалось, что в случае необходимости может быть предписано полное

¹ *The Japan Weekly Chronicle, Commercial Supplement*, 18 сентября 1941 г., стр. 96.

* Комиссия по контролю над производством железа и стали состояла главным образом из представителей металлургических компаний дзайбацу и полуправительственного металлургического треста «Нихон сэйтэнцу». Именно эта комиссия определяла различные меры по «регулированию» металлургического производства, правительство же фактически только санкционировало ее решение. — *Прим. ред.*

² *The Japan Weekly Chronicle, Commercial Supplement*, 2 октября 1941 г., стр. 106.

закрытие предприятия с целью пересечения непроизводительного использования рабочей силы и материалов»¹.

Столь жесткая программа, в сочетании с «рационализацией» промышленности, торговли и финансов, отданных во власть контрольных ассоциаций, не могла не оказаться фатальной для владельцев мелких и средних предприятий, а также для занятых на этих предприятиях рабочих. Последние были весьма эффективно скованы с помощью контроля над заработной платой, принудительной регистрации, ограничивавшей права рабочих на переход с одного места работы на другое, а также путем замены профсоюзов организациями «трудового фронта», подчиненными предпринимателям². Обращение со средними и мелкими торговцами и промышленниками, которые стремились войти в ряды «народа», не могло быть столь бесцеремонным, как обращение с рабочими. При разрешении этой докучной проблемы были, однако, приложены все усилия, чтобы отделаться как можно дешевле. В проект бюджета министерства торговли и промышленности на 1942—1943 гг. были внесены статьи, предусматривающие затраты в 6 или 7 млн. иен «на оказание помощи так называемым мелким и средним промышленникам, которые будут вынуждены изменить род занятий в связи с созданием новой экономической структуры»¹. Эта сумма предназначалась на оказание помощи, а не на капиталовложения, но эту ничтожную цифру следует сравнить с 1700 млн. иен принудительных ссуд, предоставленных Японским промышленным банком предприятиям дзайбацу за двухлетний период с августа 1939 г. по сентябрь 1941 г.³.

¹ Там же, *Commercial Supplement*, 25 сентября 1941 г., стр. 100.

² В ноябре 1940 г., после роспуска профсоюзов, второй кабинет Коноэ принял программу создания «рабочей» организации, которая давала практическое применение движению «служения нации работой в промышленности». В своих основных чертах эта программа была скопирована с нацистской системы. На каждом предприятии был создан «орган сотрудничества», куда входили все рабочие данного предприятия «с управляющим предприятием в качестве руководителя»; местные организации были объединены в окружные и общенациональные федерации. *The Japan Weekly Chronicle*, 14 ноября 1940 г., стр. 607.

³ Вице-министр финансов, выступая 11 сентября 1941 г. в клубе банкиров в Токио перед членами Объединенного финансового син-

Некоторое указание о численности пострадавших в результате программы «рационализации» семей, принадлежащих к средним слоям, и о скрытом под бархатной перчаткой железном кулаке правительства можно получить из следующего сообщения:

«Министерство торговли и промышленности направило в четверг (25 сентября 1941 г.) губернаторам префектур уведомление о том, что руководство мелкими и средними предприятиями и защита их интересов будут значительно усилены. Воспользовавшись кампанией за служение на внутреннем фронте, назначенной проведением на 3—10 октября, власти должны развернуть кампанию по вербовке и обучению около 12 тысяч торговцев и промышленников, которых им надлежит мобилизовать по всей стране.

Правительство будет следить за неуклонным проведением этой кампании, поддерживая тесный контакт с префектурными властями, местной полицией, организациями помощи военным и с торговыми и промышленными ассоциациями. Будут распространяться специальные брошюры с целью информировать народ о характере кампании «труд — на алтарь отечества». Мелкие и средние торговцы и промышленники, а также их семьи получают поощрение и подарки»¹.

Объединенные в Межкартельном совещании крупные промышленники, как и следовало ожидать, также были в известной мере озабочены этой проблемой и создали Политический комитет по делам мелких и средних

диката, подчеркнул, что «подобная забота, проявленная правительством и Японским промышленным банком, сыграла важную роль в облегчении финансовых затруднений промышленных кругов» и «в большой мере способствовала расширению промышленного производства в соответствии с духом времени». 25 августа 1941 г. министерство финансов объявило, что в соответствии со статьей 141 закона о всеобщей мобилизации нации с 26 августа будет введена система учета векселей компаний военной промышленности. При этой системе крупные компании военной промышленности обеспечивали себе авансовые платежи при помощи облигаций, которые они получили право выпускать. См. *Contemporary Japan*, Tokyo, The Foreign Affairs Association of Japan, октябрь 1941 г., стр. 247—248.

¹ Там же, 2 октября 1941 г., стр. 110.

промышленников. Этот комитет, собравшийся 30 сентября 1941 г. в Токийском промышленном клубе, единогласно одобрил «проект плана чрезвычайных мероприятий по отношению к мелким и средним промышленникам, в соответствии с ведущейся главными отраслями промышленности подготовкой к созданию контрольных компаний, с помощью которых можно будет обеспечить эффективное осуществление эдикта об ассоциациях в главных отраслях промышленности». Нижеследующее резюме этого плана показывает характерный подход этой группы к подобного рода проблеме:

«В соответствии с основными политическими принципами было решено, что политика в отношении мелких и средних промышленников должна рассматриваться как государственная экономическая проблема и должна разрабатываться на синтетической основе. Ввиду этого мелкие промышленные предприятия не следует рассматривать как нечто отдельное от тяжелой промышленности, с которой им следует поддерживать тесную связь. Будущая политика в отношении мелких промышленников будет основана на системе взаимного сотрудничества. Мелкие предприятия будут привлечены к участию в развитии национальной оборонной промышленности, в результате чего будет разработан национальный план объединения мелких промышленников с тяжелой промышленностью... Управление предприятиями будет поставлено под контроль, бездействующее оборудование предприятий легкой промышленности будет максимально использовано в соответствии с производительностью, системой управления и размером капитала таких предприятий... Будут разработаны специальные мероприятия для защиты некоторых мелких предприятий, развитие которых по характеру технического оборудования будет сочтено рациональным»¹.

Последнее слово по этому вопросу, поскольку это касается мелких торговцев, затронутых «рационализа-

¹ *Contemporary Japan*, Tokyo, The Foreign Affairs Association of Japan, 9 октября 1941 г., стр. 117—118.

цией», следует предоставить министру торговли и промышленности — вице-адмиралу Сакондзи. Его ранее цитировавшееся интервью от 7 октября 1941 г. содержало ряд совершенно ясных и конкретных замечаний, свидетельствовавших о его «гуманности».

«Касаясь вопроса о реорганизации и объединении средних и мелких торговцев, министр торговли и промышленности заявил, что конкретные планы реорганизации уже представлены местными властями правительству и находятся в процессе осуществления. Надо выразить сочувствие тем торговцам, которых эти планы затронут, но мы искренне надеемся, что все они проявят такую же преданность государству, какую проявляют офицеры и солдаты на фронте, и с готовностью перейдут к другим видам занятий, тем самым сотрудничая с правительством и в ведении экономической войны»¹.

¹ *The Japan Weekly Chronicle*, 16 октября 1941 г., стр. 489

КРИЗИС В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ

(1942—1943 гг.)

Глава VI

ПОЛНАЯ КАРТЕЛИЗАЦИЯ

Первый год правления кабинета Тодзио, пришедшего к власти 18 октября 1941 г., ознаменовался захватом обширных территорий и крупными военными победами японцев. Но еще не окончился этот год, как уже начался спад. Все главнейшие победы закончились к весне 1942 г., т. е. в первые шесть месяцев пребывания Тодзио у власти. Летом того же года морские бои в Коралловом море и у острова Мидуэй остановили победное продвижение Японии, а бои у Гвадалканара положили начало длительному отступлению к стенам Токио. Эти бои бросили мрачную тень на последние месяцы первого года пребывания Тодзио у власти и указали на лежащие впереди еще более серьезные трудности.

Этот год был также весьма благоприятным и для деловых кругов Японии. В то время как военные и морские лидеры создавали в южных районах новую империю, деловые круги были охвачены фактически ничем не ограниченным процессом широкого картелирования в области промышленности, финансов и торговли. Таким образом, эти две главнейшие группировки правящей коалиции Японии были заняты разрешением однородных задач. Заря, казавшаяся столь многообещающей в начале пребывания у власти второго кабинета Коноэ, а затем померкнувшая, теперь, с приходом к власти Тодзио, загорелась еще более радужными красками.

В течение некоторого времени и деловые круги могли тоже наслаждаться блеском отраженной славы — ведь

экономические достижения, благодаря которым были созданы истребители, стремительно пронесшиеся по небу, и бомбардировщики, унизившие гордость английского и американского флотов в Малайе и Пирл-Харборе, — были их достижениями. Но и для лидеров деловых кругов последние месяцы этого первого года стали тоже омрачаться темными тенями. Все настойчивее стали раздаваться требования увеличения выпуска самолетов и судов — требования, впоследствии переросшие в безумный вопль. В это время Тодзио уже начинал искать нового разрешения проблем управления экономикой и организации промышленности, поскольку эти проблемы не нашли себе должного разрешения в создании контрольных ассоциаций.

Кабинет Тодзио, по крайней мере внешне, не был тем кабинетом, создание которого в обычных условиях приветствовали бы деловые круги. Положение генерала Хидэки Тодзио, в отличие от премьеров минувшего десятилетия, в значительно большей степени приближалось к положению военного диктатора. В обычных условиях до назначения на политический пост Тодзио как военный должен был бы уйти в отставку. В полном противоречии с прецедентом и установленным законом порядком, новому премьеру, видимо, особым императорским рескриптом было разрешено остаться на действительной службе. Едва ли менее необычным было и то, что Тодзио занимал одновременно и пост военного министра. Более того, в первые месяцы войны Тодзио взял в свои руки также и министерство внутренних дел, ведавшее местным управлением в префектурах и централизованной системой полиции. Передачей этих трех правительственных постов была установлена беспрецедентная концентрация политической власти в руках одного человека, являвшегося видным военным лидером. В соответствии с возложенными на него обязанностями новый премьер был произведен в чин генерала.

Занимавшие столь выдающееся положение в предшествовавших кабинетах Коноэ руководители экономических министерств «из среды чисто деловых кругов» были устранены из первого кабинета Тодзио. В прави-

тельство вернулся Наоки Хосино, занявший весьма влиятельный в отношении руководства законодательством пост секретаря кабинета. Другой «маньчжурский» чиновник и сторонник «контролируемой экономики» — Синсуке Киси — получил министерство торговли и промышленности. Третьим кадровым чиновником был Окинобу Кая, министр финансов, занимавший тот же пост в первом кабинете Коноэ в 1937—1938 гг. Из предыдущего кабинета остался президент «Планового бюро» генерал-лейтенант Тэйити Судзуки.

Несмотря на явный характер осуществленных таким образом политических перемен, у деловых кругов не было оснований испытывать излишнее беспокойство. В качестве военного министра двух последних кабинетов Тодзио решился открыть свои карты по вопросам экономической политики только в одном случае: в совместном с морским министром заявлении о поддержке «плана Хосино». Не было никаких сообщений о противодействии со стороны Тодзио окончательному решению, выразившемуся в эдикте об ассоциациях в главнейших отраслях промышленности, если же внутри кабинета он и оказывал такое сопротивление, то оно было совершенно неэффективным. В качестве члена предыдущего кабинета, он нес ответственность за поддержку этого эдикта. И действительно, нет никаких реальных указаний на то, что Тодзио или его новые министры не вполне одобряли осуществление эдикта в полной мере, что фактически и соответствовало действительности.

Создание контрольных ассоциаций

Первый год правления Тодзио показал полное осуществление стремления монополистов провести при поддержке государственной власти всестороннюю картелизацию японской экономики. Выделение отраслей промышленности во исполнение эдикта об ассоциациях в важнейших отраслях промышленности осуществлялось в быстрой последовательности. В конце 1941 г. формально стали создаваться только первые контрольные ассоциации, а в первые месяцы 1942 г. быстро были созданы и остальные. Созданные прежде органы, вроде Комиссии

по контролю над железоделательной и сталелитейной промышленностью, были преобразованы в контрольные ассоциации, возглавляемые заранее выдвинутыми концернами дзайбацу сторонниками «полной картелизации». Таким же путем была проведена рационализация торговли и финансов, «первая — под руководством Контрольной ассоциации внешней торговли, а вторая — под руководством Национальной финансовой контрольной ассоциации»¹. Новые контрольные ассоциации были сосредоточены главным образом в ведении министерства торговли и промышленности и министерства финансов, две ассоциации находились в ведении министерства путей сообщения и связи. Весной 1942 г. с целью накопления запасов важнейших материалов, а также их централизованного распределения и использования, была создана корпорация по распределению важнейших товаров. Целый ряд других органов уже существовал в течение нескольких лет. Корпорация по распределению промышленного оборудования была создана в 1941 г. для скупки и передачи для использования по другому назначению оборудования, остававшегося неиспользованным в результате «рационализации» промышленности. Ее возглавлял Гиндзиро Фудзивара, бывший министр торговли и бывший президент Бумагоделательной компании Одзи, входившей в бумажную монополию Мицуи. 5 февраля 1942 г. императорским эдиктом весь контроль над строительством и ремонтом судов был возложен на морское министерство. За министерством путей сообщения и связи, повидимому, сохранялось общее наблюдение за организационными деталями Контрольной ассо-

¹ Национальная финансовая контрольная ассоциация была создана согласно особому императорскому эдикту, изданному 18 апреля 1942 г. Кроме подчиненных ей органов, в ассоциацию входили в качестве членов Японский банк, Июкогама спешуи банк, Японский промышленный банк, Колониальный банк Хоккайдо, Банк Кореи и Таи, Корейский промышленный банк, Центральный банк кооперативных обществ, Центральный банк коммерческих и промышленных союзов, Пенсионный банк, Народный банк восстановления и Банк финансирования военного времени. См. *Japan Times and Advertiser*, 19 апреля 1942 г.

циации судостроительной промышленности. Хотя, как и желали промышленники, довоенное Межкартельное совещание было превращено в Совет контрольных ассоциаций по важнейшим отраслям промышленности, нет никаких данных, указывающих на то, что этому органу были предоставлены эффективные юридические полномочия по координации всей системы промышленности. Каждая отраслевая контрольная ассоциация функционировала в качестве вполне самостоятельной организации, исключая те случаи добровольного сотрудничества, которого можно было достичь через Совет контрольных ассоциаций.

Громадный размах и сложность этих отраслевых контрольных ассоциаций можно понять, только рассмотрев всю структуру составляющих их органов. Для примера можно разобрать органы контроля над машиностроительной промышленностью, подразделенной на три категории. Контрольная ассоциация промышленного машиностроения объединяла 637 входивших в нее членов, занятых производством станков, паровых двигателей, паровых турбин, двигателей внутреннего сгорания, насосов и т. д. Возглавлял ее виконт Масатоси Окоти, ученый инженер, получивший образование в Германии, являвшийся президентом Института физических и химических исследований, а также президентом Компании Риккен и членом правлений многих промышленных предприятий. 381 фирма, входившая в качестве членов в Контрольную ассоциацию точного машиностроения, была занята производством шарикоподшипников, топографических инструментов, оптических, измерительных и других инструментов.

Контрольная ассоциация электромашиностроения состояла из 245 членов — фирм, производивших электрооборудование, измерительные приборы, электрогенераторы, электрические элементы и иные электроприборы¹. Более того, в некоторых основных отраслях промышлен-

¹ *Japan Times and Advertiser*, 19 марта 1942 г. В Контрольную ассоциацию транспортного машиностроения входило 90 членов, занятых производством подвижного состава, средств промышленного транспорта и запасных частей к нему и железнодорожной сигнала-

ности «членами» ассоциаций были не отдельные фирмы, а большие группы, или федерации.

В отличие от положения, преобладавшего в промышленности, в финансовой сфере Национальная финансовая контрольная ассоциация была эффективным органом координации, полностью подчинившим себе нижестоящие контрольные органы.

23 мая президентом Национальной финансовой контрольной ассоциации был назначен Тоётаро Юки, управляющий Японским банком, бывший директор-распорядитель банка Ясуда. Главнейшей функцией этого нового органа было изыскание «новых и эффективных мероприятий для поглощения наличной покупательной способности населения», в особенности в связи с национальными кампаниями по усилению сбережений и размещением займов. Кроме того, на ассоциацию совместно с Японским банком была возложена разработка правительственных финансовых планов, дача советов финансовым учреждениям по вопросам размещения инвестиций, улучшение связей между банкирами и промышленниками в контрольных ассоциациях и принятие мер для слияния мелких банков¹. Как в промышленной, так и в финансовой сфере важнейшей проблемой была консолидация*. Утвержденный 19 января эдикт о порядке консолидации финансовых учреждений предоставлял министру финансов широкие полномочия в целях ускорения слияния банков, компаний по страхованию жизни и подобных им фирм. Более десятилетия это движение развивалось с возрастающей быстротой, пока к 1942 г. число, например, коммерческих банков не сократилось до 186 против 1283 в 1927 г.

лизации и прочего оборудования по обеспечению безопасности движения. С другой стороны, Контрольная ассоциация автопромышленности имела лишь шесть членов, занятых производством автомобилей и запасных частей.

¹ *Japan Times and Advertiser*, 24 мая 1942 г.

* Под «консолидацией» автор имеет в виду централизацию банков и промышленных предприятий в руках и под контролем дзайбацу. Такого рода «консолидация» осуществлялась путем закрытия одних мелких и средних предприятий и путем принудительного присоединения других предприятий к компаниям концернов. — *Прим. ред.*

Концентрация промышленности *

В течение всего 1942 г. усиленным темпом велось слияние промышленных и финансовых фирм, увеличение капиталов компаний в крупном масштабе и принудительная ликвидация и поглощение мелких фирм. Газетные сообщения, подобные приводимому ниже, — хотя и не все столь крупного масштаба — стали типичными: «26 февраля созывается чрезвычайное общее собрание Компании тяжелой промышленности Мицубиси для обсуждения вопроса об удвоении капитала компании с 240 до 480 млн. иен»¹. Как мы уже упоминали, Национальной финансовой контрольной ассоциации была дана директива предоставлять крупным промышленникам необходимые им фонды. Кроме того, февральская сессия парламента провела закон, предусматривавший создание Банка финансирования военного времени, который и начал функционировать с 1 марта. Этот новый банк получил право «выпуска гарантированных правительством облигаций на сумму, в десять раз превышающую его первоначальный капитал в 300 млн. иен. Эти 3 млрд. иен давали возможность «важнейшим промышленным компаниям» получить фонды как на увеличение производственной мощности, так и в качестве компенсации за убытки, понесенные этими фирмами, которые, во-первых, «в результате

* Автор не делает различия между концентрацией и централизацией промышленности. В действительности концентрация — процесс, основанный на том, что капитал увеличивается благодаря тому, что часть прибавочной стоимости прибавляется к капиталу предприятия. Это — процесс, основанный на накопление капитала. Централизация же капитала — это процесс экспроприации уже сложившихся капиталов одних капиталистов другими. О централизации капитала Маркс пишет: «Это — концентрация уже сложившихся капиталов, уничтожение их индивидуальной самостоятельности, экспроприация капиталиста капиталистом, превращение многих мелких в небольшое число крупных капиталистов» («Капитал», т. I, 1936 г., стр. 533). С особенной силой развернувшийся в Японии в годы войны описываемый Биссоном процесс поглощения массы мелких и средних предприятий кучкой крупнейших японских концернов фактически представляет собой процесс централизации капитала. Он означал неслыханную по своим масштабам экспроприацию огромного слоя японской мелкой буржуазии. — *Прим. ред.*

¹ *Japan Times and Advertiser*, 17 февраля 1942 г.

изменений промышленной системы страны были вынуждены оставлять часть своего оборудования неиспользованным или не могли закончить начатое ими переоборудование предприятий» или, во-вторых, «в соответствии с инструкциями правительства были вынуждены накапливать запасы важнейших товаров»¹. И наконец, вошедший в силу 1 мая 1942 г. новый закон о Японском банке предусматривал увеличение капитала этого банка с 60 до 100 млн. иен с тем, чтобы, кроме выполнения иных функций, этот банк имел бы возможность «играть более значительную, чем до сих пор, роль в финансировании промышленности».

Осуществлявшийся под руководством контрольных ассоциаций процесс картелизации промышленности, кроме того, ускорялся дальнейшими шагами правительства. 13 мая 1942 г. был издан, во исполнение статьи 16 закона о всеобщей мобилизации нации, эдикт о реорганизации предприятий, вступивший в силу 15 мая. Этот эдикт предоставлял министерствам право ограничивать или запрещать использование и передачу промышленного оборудования или прав на таковое, принадлежащих промышленникам или торговцам; ограничивать или запрещать продажу предприятий; обязывать компании или юридических лиц передавать, путем продажи или сдачи в аренду, принадлежащее им промышленное оборудование или права и обязывать компании поглощать определенные предприятия. Этот эдикт надлежало применять как к крупным частным концернам и государственным и полугосударственным коммерческим организациям, так и к мелким и средним торговцам и промышленникам, но лишь в тех случаях, когда владельцы выделенных предприятий проявляют нежелание подчиняться требованиям, вызываемым созданием новой экономической структуры².

¹ *Japan Times and Advertiser*, 1 марта 1942 г.

² Там же 15 мая 1942 г. было разъяснено, что до сих пор программы перестройки отдельных отраслей промышленности составлялись соответствующими министерствами и затем осуществлялись под руководством губернаторов префектур. Но министерства не обладали правом принуждения для осуществления этих программ. Новый эдикт предоставлял им необходимые для преодоления этого затруднения юридические права,

Новый министр торговли и промышленности Синсуке Киси проявил такую же «гуманную заботу» о мелких торговцах и промышленниках, какая проявлялась министрами торговли и промышленности в кабинетах Коноэ. 6 мая, выступая в Токио на конференции губернаторов, Киси заметил, что «спешно развивается движение за слияние предприятий мелких промышленников и торговцев, вызываемое необходимостью рационализировать промышленность и улучшить производство и распределение различных материалов; освободившаяся в результате такого слияния избыточная рабочая сила будет передана в отрасли промышленности, наиболее важные для национальной обороны»¹.

Появившаяся более чем через месяц передовая статья в «Мияко» указывала на вызванное этой проблемой беспокойство среди населения. Вкратце эта статья гласила следующее: «Недавно сообщалось о принципиальной линии политики правительства в отношении объединения средних и мелких промышленных и торговых предприятий, но сообщения о тех шагах, которые правительство намерено предпринять, не последовало. Ожидается, что эти мероприятия будут иметь широкие последствия, так как они захватывают очень многие различные предприятия; вследствие этого среди широких слоев населения, приобретающего предметы первой необходимости у этих торговцев, распространилась тревога. Поэтому мы с удовлетворением узнали, что Комиссия по реорганизации средних и мелких торгово-промышленных предприятий выработала методы разрешения этой проблемы»².

23 апреля правительственное Бюро информации кабинета министров в своем сообщении заверило, что «...размещению мелких предприятий будет придано большое значение, — в связи с этим при изменениях местонахождения предприятий будут полностью учитываться удобства покупателей: распределение товаров через розничную торговлю будет регулироваться таким образом, чтобы снабжение всегда оставалось эффектив-

¹ *Japan Times and Advertiser*, 8 марта 1942 г.

² Там же, 23 апреля 1942 г.

ным; финансовые затруднения лиц, которым предложено переменить род занятий, будут сведены к минимуму, Народный банк реконструкции не будет оказывать помощь в покупке и распределении оборудования и запасов товаров, принадлежащих таким лицам», и т. д.¹

Несколько дней спустя министр торговли сообщил представителю «Ориентал экономист», что «правительство приняло все меры к тому, чтобы обеспечить благосостояние тех лиц, которым может быть предложено изменить род занятий; для этой цели Народный банк реконструкции располагает фондами почти в 500 млн. иен». Министр считает, что «проблема реорганизации средних и мелких предприятий является одной из самых трудных проблем, которые предстоит разрешить правительству». Он разъяснил, что «важнейшими факторами при принятии решения о размещении отраслей промышленности являются национальная оборона и наличие рабочей силы. Число промышленных предприятий, без которых страна может легко обойтись, должно быть сокращено, с тем чтобы рабочую силу можно было привлечь на другие предприятия, где ощущается недостаток рабочих рук»². Жало этого заявления — в его хвосте.

Эксплоатация Восточной Азии

В середине 1942 г. возник серьезный вопрос об условиях, на которых можно допускать крупных промышленников к эксплуатации ресурсов южных районов, находившихся в то время в ведении военных властей. Этот вопрос уже имел известную давность в отношении Маньчжоу-Го и Китая. В отношении Маньчжоу-Го он впервые возник в новом аспекте осенью 1941 г., когда создавалась комиссия по контролю над производством чугуна и стали. Находившиеся в Маньчжоу-Го и Китае фирмы, поскольку они формально были вне японской юрисдикции, нельзя было легально включить в число членов Контрольной ассоциации железякоделательной и сталелитейной промышленности в порядке осуществления

¹ *Japan Times and Advertiser*, 23 апреля 1942 г.

² Там же, 28 апреля 1942 г.

эдикта об ассоциациях важнейших отраслей промышленности. Однако эта проблема была разрешена к полному удовлетворению дзайбацу. После личных переговоров директора Контрольной ассоциации железодобывательной и сталелитейной промышленности с местными властями и руководителями металлургической промышленности в Маньчжоу-Го, последние решили послать специального представителя в Японию, чтобы добиться полного взаимопонимания по вопросу о тех мерах, при помощи которых маньчжурская промышленность могла бы войти в ассоциацию. Считалось, что маньчжурские фирмы могут стать добровольными членами ассоциации. Хотя, исключив их из-под действия статей, предусматривавших наказания, их можно было считать обычными членами ассоциации, с возложением ответственности за обеспечение импорта и выполнения распоряжений. В Китае проблема координации была еще более легкой, поскольку монополизировавшие в своих руках важнейшие промышленные предприятия Компания по развитию Северного Китая и Компания по развитию Центрального Китая были японскими концернами, учрежденными в порядке японских законов.

В течение первых месяцев 1942 г. контрольные ассоциации угольной промышленности, железодобывательной и сталелитейной, цементной, автомобильной и других отраслей промышленности разрабатывали планы эксплуатации ресурсов и рынков Юго-Восточной Азии. В конце марта, в результате переговоров между «Плановым бюро» и министерством торговли, власти «решили создать Контрольный совет угольной промышленности великой Восточной Азии». До сих пор Японо-маньчжуро-китайская лига угольной промышленности «действовала в качестве координирующего органа по контролю над добычей и распределением угля в этих трех странах, но теперь правительство сочло необходимым создать организацию по контролю над добычей и распределением угля в Восточной Азии в целом»¹. Едва ли можно сомневаться в том, что предоставленные самим себе и министерству торговли крупные промышленники в контрольных ассо-

¹ *Japan Times and Advertiser*, 29 марта 1942 г.

циях быстро развернули бы свои картельные органы с целью охвата всей сферы «великой Восточной Азии». Однако позднейшее развитие событий в 1942 г. показывает, что военные власти, осуществлявшие контроль в южных районах, как видно, не были склонны допустить неограниченное вторжение контрольных ассоциаций в подведомственные им области. В целом военные, очевидно, придерживались политики, которая позволяла бы им оказывать влияние на выбор допускаемых в южные районы промышленников и в дальнейшем сохранять наблюдение и контроль за их деятельностью.

В середине апреля начальник департамента по военным делам военного министерства подполковник Цукаса Като в своем заявлении об основах политики по развитию южных районов привел следующий пункт, касающийся отбора промышленников: «Хотя в оккупированных районах действует военная администрация, военные власти не оказывают влияния на выбор промышленников, направляемых в эти районы для эксплуатации экономических ресурсов. Их выделяет центральное правительство после соответствующей консультации с организациями по контролю над промышленностью и другими частными организациями. Выделенных таким образом лиц токийские власти направляют к военным начальникам на месте, и затем военные начальники направляют их на работу по развитию экономических ресурсов»¹.

Появившаяся в «Даямондо» 21 марта 1942 г. статья майора Сёдзо Накадзима из императорской ставки еще яснее очерчивает взгляды армии:

«Центральное правительство вместе с «Плановым бюро» как с центральным органом должно решать основные вопросы и, консультируясь с частными кругами, вырабатывать таким образом исчерпывающие систематические планы. Для того чтобы осуществить эти планы в оккупированных зонах, необходимо мобилизовать не только армию, но и все правительственные и частные круги... Наилучшим методом является введение на некоторое время во всех оккупированных зонах военного управления и

¹ *Japan Times and Advertiser*, 12 апреля 1942 г.

осуществление проектируемого развития под умелым руководством императорской армии. При таком военном управлении в оккупированных районах не может быть допущено существование каких бы то ни было органов вне контроля военного командования. Например, планирование земледелия должно, конечно, осуществляться под юрисдикцией министерства земледелия и лесов, но осуществление этих планов на Юге должно происходить под непосредственным контролем военных властей. Что же касается проектируемого Банка развития южных районов, то его главное правление в Токио должно быть в ведении министра финансов, но его отделения в южных странах должны контролироваться военными лидерами... Хотя военное командование и должно осуществить контроль над программой развития Юга, едва ли его можно осуществить силами только императорской армии. Частные предприниматели, имеющие большой опыт в производстве тех или иных материалов, должны взять на себя практическое руководство предприятиями. Следует помнить, что эти предприниматели не должны выделяться только военными или военноморскими властями, а лишь после консультации с другими компетентными государственными органами и с учетом мнений частных организаций по контролю»¹.

Совершенно ясно, что лидеры армии признавали необходимость сотрудничества с другими органами правительства и с деловыми кругами. В то же время они решили сохранить за собой решающую власть в управлении оккупированными районами. Но даже при самых лучших намерениях практическое применение этой

¹ *Japan Times and Advertiser*, 14 апреля 1942 г. Разрядка автора. То, что представитель армии именует контрольные ассоциации «частными контрольными» организациями, является иллюстрирующим комментарием их подлинного положения.

политики не могло не привести к некоторым недоразумениям и трениям и в конце концов к требованию ясного разграничения сфер ответственности. Впервые эта проблема возникла в Маньчжурии, а затем и в оккупированном Китае. В каждом случае военные в конце концов добивались создания внутри кабинета органа, обладавшего полной административной властью над данной территорией. В конце 1943 г. было создано Бюро по делам Маньчжурии, возглавляемое военным министром *ex officio*¹, а весной 1938 г. — Бюро по делам Китая. Каждый раз эта проблема вызывала ожесточенную политическую полемику. В 1938 г., когда было принято решение о создании Бюро по делам Китая, министр иностранных дел генерал Кадзусиге Угаки в знак протеста вышел в отставку.

Осенью 1942 г. такой же вопрос в отношении оккупированных территорий в Юго-Восточной Азии вызвал еще большие споры и привел к точно таким же результатам, как и в 1938 г. Горячо возражавший против плана создания «министерства по делам великой Восточной Азии» министр иностранных дел в кабинете Тодзио Сигенори Того в конце концов в знак протеста вышел в отставку, как только было принято решение, против которого он возражал.

«Министерство по делам великой Восточной Азии», формально начавшее свою деятельность 1 ноября 1942 г., поглотило оба старых органа, т. е. Бюро по делам Маньчжурии и Бюро по делам Китая. Кроме департамента общих дел, оно имело в своем составе Бюро по делам Маньчжоу-Го, Бюро по делам Китая и Бюро по делам Южных морей². Министр по делам великой Восточной Азии был облечен административной властью

¹ По должностному положению (*лат.*).

² Сфера их юрисдикции определялась следующим образом:

1) Бюро по делам Маньчжоу-Го: «Вопросы, относящиеся к определению маньчжурской политики, к Квантунскому бюро, Финансовому бюро, Бюро по делам торговли, промышленности, товаров, цен и путей сообщения, поскольку они относятся к Маньчжоу-Го, к Компании Южно-Маньчжурской железной дороги, Компании по развитию Маньчжурии и другим компаниям, связанным с развитием Маньчжоу-Го»; 2) Бюро по делам Китая: «Определение политики при осуществлении административных функций, относящихся к Ки-

над всеми коммерческими предприятиями в сфере «великой Восточной Азии», за исключением собственно Японии, Кореи, Формозы и Южного Сахалина. Ему также было предоставлено право общего руководства и контроля над деятельностью «всех дипломатов и консульств» в пределах великой Восточной Азии, хотя последние ему и не были подчинены. В это же время были осуществлены и другие важнейшие изменения административной системы Японии. Корея, Формоза и Южный Сахалин были переданы из ведения упраздненного министерства колоний в ведение министерства внутренних дел. Эта коренная реформа административной системы коснулась 170 тысяч государственных чиновников и включала в себя слияние или ликвидацию 31 бюро и 12 департаментов, кроме министерства колоний, Бюро по делам Китая и Маньчжурского бюро, и создание новых 24 бюро и одного департамента.

Завершив эту реорганизацию системы управления, премьер Тодзио достиг вершины своей политической власти. Всячески используя военные победы, он стремился добиться своих целей, действуя искусно и энергично. На совещаниях, приведших к осуществлению этих планов, весьма заметную роль играл генеральный секретарь кабинета Наоки Хосино, рука которого была явно заметна как в целом, так и в деталях сформулированного плана. Осуществлению жесткого контроля над министерством иностранных дел не в малой степени содействовало назначение министром иностранных дел — вместо ушедшего в отставку Того — Масаюки Тани, одного из немногих кадровых дипломатов, постоянно действовавшего в тесном сотрудничестве с армией.

таю; вопросы, относящиеся к японским учреждениям в Китае, к развитию культурных учреждений, финансов, торговли, сельского хозяйства, лесного хозяйства, рыболовства, к Компании по развитию Северного Китая, Компании по развитию Центрального Китая, к системе путей сообщения и пр.»; 3) Бюро по делам Южных морей: «Общие вопросы, касающиеся южных районов, со включением сюда защиты Тай и Индо-Китая, системы образования японцев в южных районах, руководства культурными учреждениями, финансами, торговлей, сельским хозяйством, лесным хозяйством, рыболовством, системой путей сообщения и пр.». *Из материалов радиовещания.*

Тем не менее не следует делать вывода, что Тодзио во всем добился своего. Он сумел осуществить важнейшее из того, к чему стремился, — чем ему и пришлось удовольствоваться, — но при проведении своего плана он встретил резкую оппозицию. Сигенори Того подал в отставку 1 сентября¹.

В это же время было официально объявлено, что «министерство по делам великой Восточной Азии» начнет свою деятельность с 1 октября. Однако оно смогло ее начать на целый месяц позже, главным образом вследствие «подробного и горячего обсуждения проектов императорских эдиктов тайным советом»². Это «горячее обсуждение» заняло одиннадцать заседаний комиссии тайного совета по изучению проекта эдикта об упрощении системы управления и семь заседаний комиссии, изучавшей проект эдикта о «министерстве по делам великой Восточной Азии». Тодзио и другие министры выступали с речами на заседаниях обеих комиссий и отвечали на задаваемые им вопросы. При окончательном утверждении проектов 28 октября на пленарном заседании тайного совета в императорском дворце в присутствии императора были все министры; члены тайного совета задавали министрам вопросы и «высказывали свои мнения». Проект эдикта об упрощении системы управления был принят единогласно, проект эдикта о «министерстве по делам великой Восточной Азии» был одобрен «большинством».

Результат этой резкой оппозиции ясно сказывался в проведенных Тодзио назначениях по новому министерству. Во главе министерства он поставил Кадзуо Аоки, гражданского чиновника, обладавшего значительным, частично приобретенным в Маньчжоу-Го опытом экономиста-администратора, тогда как вице-министр, шесть советников министерства и начальники четырех бюро были обычными чиновниками-бюрократами, не обладавшими особо экстремистскими взглядами. Таким образом,

¹ Кабинет, в качестве жеста вежливости, ввел его в палату пэров.

² Реформа была осуществлена двумя императорскими эдиктами об «упрощении системы управления» и о создании «министерства по делам великой Восточной Азии».

«министерство по делам великой Восточной Азии» начало свою карьеру не в качестве исключительно органа военщины, что являлось особо характерной чертой Бюро по делам Маньчжоу-Го, а в качестве органа, представлявшего интересы олигархии в целом. Выражением характера нового министерства служит положение о выборе его руководителя. Прецедент с Бюро по делам Маньчжоу-Го, руководителем которого являлся по положению военный министр, был отброшен. По примеру Бюро по делам Китая, глава нового министерства мог подбираться из среды как военных, так и гражданских лидеров. Это означало, что политическое лицо «министерства по делам великой Восточной Азии» могло измениться в соответствии с изменениями кабинета, а не оставаться чисто военным по своей природе. Таким образом, в целом, деловые круги ограничивали контроль со стороны армии уже в самом начале деятельности нового министерства и эффективно гарантировали себя на будущее.

Хотя мы не располагаем подробной информацией об органах экономической эксплуатации в южных районах, но имеющиеся данные довольно ясно говорят о доминирующем влиянии крупных концернов дзайбацу. Например, 6 ноября 1942 г. Контрольная ассоциация по страхованию жизни выдала восьми японским компаниям по страхованию жизни лицензии на организацию отделений в Северном и Южном Китае, предоставив каждой компании определенную территорию. Получившими лицензии фирмами были: Северо-Китайская компания по страхованию жизни Мейдзи; Компания по страхованию жизни Сумитомо; Японская компания по страхованию жизни; Центрально-Китайская компания по страхованию жизни Дайити; Имперская компания по страхованию жизни; Компания по страхованию жизни Мицуи; Южно-Китайская компания по страхованию жизни Тиеда и Компания по страхованию жизни Ясуда. В этом случае крупные концерны получали идеальные условия для распространения на оккупированные территории операций японских контрольных ассоциаций.

Хотя эти идеальные условия, возможно, и не были достигнуты во всех южных районах, но действительные

условия близко им соответствовали. Есть многочисленные указания на такие органы, как Контрольная ассоциация торговли предметами первой необходимости на Филиппинах; Контрольная ассоциация сахарной промышленности южных районов, управляющим которой был назначен директор Ассоциации японской сахарной промышленности, и Контрольная ассоциация лесной промышленности южных районов (в которую входили фирмы Мицуи и Мицубиси). Крупнейшие японские газеты и официозное агентство «Домей» присвоили себе контроль над прессой в южных районах. В этом отношении все южные территории были разделены на четыре области. «Асахи» осуществляла контроль над прессой на Яве, «Майници» и «Ници-Ници» — на Филиппинах, «Иомиури-Хоци» — в Бирме и «Домей» — на Суматре, в Малайе и на Северном Борнео¹.

В сентябре 1942 г. более 50 японских фирм уже развернули свою работу на Филиппинах; в том числе 10 — в хлопкопрядильной промышленности, 9 — в лесной и 7 — в горной. Хотя, быть может, и возникали трения между японскими концернами и местными военными властями, сохранявшими за собой право надзора, но на оккупированных территориях последние не могли, так же как и в Японии, обходиться без технического опыта предпринимателей, и в результате дзайбацу смогли монополизировать эксплуатацию ресурсов в только что захваченных районах.

Грозные признаки

Первые дни ноября 1942 г., когда Тодзио завершил свою административную реформу, явились кульминационным моментом первого года его пребывания у власти. Конец месяца принес зловещие ноты. К этому времени в Токио стала ощущаться вся серьезность операций у Гвадалканара. Потребность в новых и новых судах и самолетах становилась все настойчивее, и попытки

¹ Даже и в этой сфере концентрация была главной задачей момента. Все японские газеты, выходившие в этих четырех областях, были слиты с агентством «Домей» или другими крупнейшими газетами, получившими определенные сферы деятельности.

удовлетворить эту растущую потребность начали выявлять несостоятельность системы управления экономикой. Сделанное 27 ноября заявление о новой и очень сложной системе увеличения выпуска продукции было первым открытым указанием на проявившиеся в этой сфере затруднения.

Кабинет одобрил планы создания новой системы административного аппарата для разрешения экономических проблем по двум линиям: проект создания в центре Комитета по увеличению и укреплению производства в чрезвычайное время и целого ряда совещательных координационных советов, которые должны были быть созданы на местах. Комитет по повышению и укреплению производства, председателем которого был президент «Планового бюро» генерал-лейтенант Тэйити Судзуки, находился под непосредственным надзором премьера. Комитет состоял из представителей департаментов и бюро всех министерств, и на него возлагалась разработка планов «усиленного производства важнейших материалов» и изыскания методов претворения этих планов в жизнь. В совещательные экономические советы входили чиновники, представлявшие местные органы каждого министерства. Эти советы имели право проводить свои заседания в любое время, вызывать на свои заседания любых должностных лиц, как своего, так и других районов, и представлять центральным органам различных министерств в Токио свои доклады по важнейшим вопросам, касающимся экономических проблем.

Создание такого сложного аппарата могло быть вызвано только чрезвычайными экономическими задачами. И такие задачи действительно существовали. В течение последующего года Тодзио вынужден был уделять им очень много внимания, и, в конце концов, они привели к реорганизации системы управления, которая охватывала все экономические ведомства кабинета и по масштабам намного превосходила административную реформу, проведенную 1 ноября 1942 г.

Глава VII

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ МЕРЫ

До самых последних месяцев 1942 г. в Токио полностью не понимали, какой угрожающий характер приняла вставшая перед Японией проблема военного производства. Размах первоначальных побед все еще поддерживал в японских правительствах уверенность в успехе. Но первые стремительные военные победы были результатом сочетания трех факторов: наличия накопленных Японией в предшествовавшие годы значительных запасов военных материалов и тоннажа; относительной неподготовленности и недостаточного снабжения англо-американо-голландских сил на тихоокеанском театре и необходимостью для последних сосредоточить свои основные ресурсы в борьбе против Германии, которая представляла большую угрозу*. К концу 1942 г. начали проявляться первые признаки поворота событий: в Атлантике борьба с губительными нападениями Германии на караваны

* Автор повторяет лживую, не имеющую ничего общего с исторической правдой легенду англо-американской империалистической пропаганды. В действительности военные победы Японии отнюдь не были только лишь результатом «относительной неподготовленности и недостаточного снабжения англо-американских сил на тихоокеанском театре и необходимостью для последних сосредоточить свои основные ресурсы в борьбе против Германии». Сама эта «неподготовленность» была следствием политики «дальневосточного Мюнхена». Хорошо известно, что и в активную борьбу против Германии США и Англия вступили лишь в 1944 г. — после разгрома основных сил германского империализма советскими вооруженными силами и после того, как окончательно выяснилась возможность полного разгрома гитлеровской Германии Советским Союзом без чьей-либо помощи. Давая вслед за этим характеристику военного положения к концу 1942 г., Биссон оценивает военные действия в Атлантике, Северной Африке и Сталинградскую битву как события равнозначные, что также является прямым искажением действительности. Как известно, решающим событием, создавшим коренной перелом в ходе всей второй мировой войны, явился разгром гитлеровской армии под Сталинградом. — *Прим. ред.*

судов постепенно становилась все более успешной; в Северной Африке линия Аламейна была удержана, и опасность для Египта была устранена; в Европе, по мере того как Германия безуспешно стремилась пробиться к воротам Сталинграда, надежда на разгром русских стала меркнуть. События начали принимать угрожающий оборот и в отношении Японии. У Гвадалканара и Новой Гвинеи объединенные нации накопили воздушные, морские и наземные силы, достаточные для очищения утраченной в начале года территории. К продемонстрированной в этих боях мощи воздушных сил союзников присовокуплялся еще страх японцев перед неожиданно крупными и все возрастающими потерями японского торгового флота.

К ноябрю—декабрю 1942 г. эти новые факторы стали гнетущей действительностью, очевидной для всех членов кабинета, а в особенности для Тодзио, который лучше, чем кто бы то ни было, мог понимать значение изменения хода войны. Теперь предстояло разрешить еще более сложные и крупные экономические задачи. Было необходимо увеличить производственную мощность промышленности и сосредоточить ее на выработке наиболее важных материалов; надо было повысить производство стали, алюминия, меди, угля и других важнейших материалов. Юго-восточная Азия предоставляла многие виды необходимого сырья, но развернутая военная промышленность полностью зависела от транспортных возможностей и от производительности внутренней зоны, и прежде всего самой Японии, а также Маньчжурии и Кореи. В экономических планах Японии неотложные потребности в силу необходимости отодвигали южные районы на второстепенное место¹. Деловую активность в недавно захваченных

¹ Для эксплуатации ресурсов юго-восточной Азии можно было выделить только минимум машин и промышленного оборудования, что резко сокращало возможности осуществления широких и требующих длительных сроков проектов использования ресурсов оккупированных территорий. Экономическая деятельность на юге направлялась главным образом на усиленную добычу некоторых важнейших ископаемых и производство сельскохозяйственных продуктов, недостаток которых резко чувствовался во внутренней зоне и для добычи и производства которых имелось достаточно оборудования и рабочей силы на месте. Машинное оборудование и инструмент предоставлялись предприятиям сравнительно немногих отраслей

районах приходилось ставить в зависимость от программы внутреннего производства, которая была направлена прежде всего на расширение производства для удовлетворения важнейших нужд войны. Таким образом, основные проблемы руководства экономикой возникали на внутреннем фронте.

А в этой сфере на протяжении 1942 г. неуспех прошлых усилий, направленных к достижению действенной административной координации, выливался теперь в грозный кризис. Еще до создания контрольных органов серьезные затруднения были вызваны распылением ответственности и частичным совпадением сфер юрисдикции различных органов кабинета. Общее планирование закупок производства и распределения материалов возлагалось на «Плановое бюро», но требовало одобрения со стороны различных министерств. В свою очередь, руководство отдельными отраслями экономики распределялось между различными министерствами. Главнейшие отрасли приходились на долю пяти министерств: торговли и промышленности, путей сообщения и связи (морские перевозки), железных дорог, земледелия и лесов и министерство труда. Каждое из этих министерств ревниво охраняло свои прерогативы. Более того, некоторые арсеналы, военно-морские верфи и другие предприятия по производству вооружения, а также развившаяся в 30-х годах военно-авиационная промышленность с давних пор находились в ведении военного и морского министерств. Как уже указывалось, в феврале 1942 г. морское министерство, кроме того, взяло на себя контроль над строительством и ремонтом торговых судов, хотя общее руководство организационными вопросами Контрольной ассоциации судостроительной промышленности, очевидно, все же оставалось за министерством путей сообщения и связи¹.

промышленности; среди последних наиболее важными были переработка нефти, добыча бокситов, хрома, никеля, свинца и цинка, а также судостроение — судостроительные верфи в Гонконге и Сингапуре.

¹ 20 ноября 1942 г. была организована и подчинена военному министерству Ассоциация военно-авиационной промышленности, объединившая предприятия, работавшие на сухопутную армию. Председателем ассоциации был назначен Киёси Гоко, председатель концерна тяжелой промышленности Мицубиси. В ведении морского министерства была другая ассоциация авиапромышленности.

Эти затруднения, порожденные сложностью административной системы, сами по себе не появлялись до тех пор, пока не возникла обстановка, требовавшая быстрых действий. К осени 1942 г. необходимость быстрой и широкой реорганизации военного производства стала совершенно очевидной. Необходимость сосредоточения сил и средств для увеличения выпуска судов и самолетов, о которой в 1943 г. стали твердить все японские военные лидеры, вплоть до Тодзио, выдвинула целый ряд совершенно новых административных проблем. В течение ряда предшествовавших лет повышение производительности было общим процессом, охватывавшим тяжелую промышленность и производство вооружений¹. Теперь эта потребность внезапно стала в большей степени дифференцированной и уже не терпела отлагательства. Рабочую силу, сырье, станки и крупные материалы необходимо было передать из других отраслей промышленности в авиационную и судостроительную промышленность. Япония обладала весьма ограниченными ресурсами сырья и оборудования². Но, несмотря ни на что, необходимо было весьма спешно провести коренную перестройку в огромных масштабах. На пути такой спешной и громадной перестройки системы производства крупным препятствием была ведомственная заинтересованность различных министерств. И даже Тодзио, несмотря на то, что он был одновременно и премьером и военным министром, а страна была в состоянии войны, не мог сломить созданной многолетней традицией и подкрепленной санкцией конституции административной рутины.

Конституционное положение премьеря, как уже кратко указывалось во введении, приобрело в 1942—1943 гг. настолько важное значение для управления экономикой, что нам следует теперь еще раз вернуться к этому вопросу и

¹ В этом общем росте производительности весьма странным было отставание коммерческого судостроения. В этом заключалась одна из серьезнейших ошибок Японии. Японские военно-морские лидеры не предвидели, до каких астрономических цифр доходят потери коммерческого тоннажа в результате действий современных подводных лодок и авиации.

² Производство громадного количества самолетов, например в Соединенных Штатах, потребовало конверсии автомобильной промышленности, что вызвало крупные затруднения.

обратить на него внимание. По ортодоксальному толкованию японской конституции премьер-министр по отношению к другим министрам занимал положение *primus inter pares**. Он не мог навязать свое решение ни министру торговли и промышленности, ни, в равной мере, военному министру.

Длинный комментарий Ито по этому пункту японской конституции включает в себя следующее достаточно ясное замечание:

«Что касается других государственных министров, то они, каждый в отдельности, несут ответственность по вопросам, соответственно входящим в их компетенцию. Поскольку министр-президент и другие государственные министры назначаются лично императором, то действия каждого из них во всех отношениях подчиняются воле императора, и сам министр-президент не имеет полномочий осуществлять контроль над постами, занимаемыми другими министрами; в то же время последние не должны быть зависимы от первого. В некоторых странах считается, что кабинет составляет единое целое, что министры участвуют в руководстве управлением не каждый в своем качестве, а, как правило, несут коллективную ответственность за весь кабинет. Зло такой системы заключается в том, что при ней власть партийной комбинации должна, в конце концов, превзойти верховную власть монарха. Согласно нашей конституции, такое положение вещей никогда не может быть допущено»¹.

Во второй половине 20-х годов распространение практики создания кабинетов, формируемых партией, располагающей большинством в нижней палате, породило «зло партийной комбинации», которое так осуждал Ито. Либеральные юристы с Минобэ Итимура и Баба во главе отстаивали теорию коллективной ответственности кабинета. Но влияние авторитета было настолько против них, что они были вынуждены исключить из этого положения вопросы, входящие в ведение отдельных ведомств, и отстаивать общность ответственности только в отношении

* Первый среди равных (лат.) — *Прим. перев.*

¹ Цитируется по *John Maki, Japanese Militarism, Its Cause and Cure*, N. Y., 1945 г., стр. 169.

вопросов, представленных на коллективное обсуждение всего кабинета. Идеологическая реакция 30-х годов смела школу либеральных юристов и восстановила «ортодоксальное» толкование конституции, данное такими консервативными юристами, как Ходзуми, Уэсуги и Симидзу. Сформированные после 15 мая 1932 г. «надпартийные» кабинеты, в которых отдельные министры отражали интересы различных группировок в правящей олигархии, твердо восстановили отстаиваемую Ито традиционную систему индивидуальной ответственности, существовавшую до 1924 г. Стремясь справиться с экономическим кризисом 1942—1943 гг., Тодзио, по иронии судьбы, столкнулся с препятствиями юрисдикционного порядка, еще более усилившимися благодаря общему реакционному направлению минувшего десятилетия.

Таким образом, главнейшее препятствие для координированных действий правительства заключалось в отсутствии у премьера принудительной власти в отношении министров и в связанном с этим распылении ответственности между различными министерствами, ведающими экономическими вопросами. В деятельности правительства были и другие затруднения. Высшие посты в министерствах занимались высокопоставленными чиновниками, остро реагировавшими на интересы деловых кругов, тогда как средние и низшие слои чиновничества были связаны неповоротливостью и инерцией бюрократической системы. От влияния деловых кругов ни в коей мере не был свободен даже Синсукэ Киси, в гораздо большей степени служивший интересам армии, чем большинство министров торговли и промышленности за минувшее десятилетие. Остальные руководители экономических министерств тоже не составляли исключения.

Контрольные ассоциации в промышленности создавали еще одно серьезное препятствие для действенного и единого руководства экономикой. Когда в 1940—1941 гг. намечалось создание этих органов, его инициаторы не предусматривали такого тяжелого положения, какое сложилось в 1942—1943 гг. Даже лидеры армии строили свои расчеты в основном скорее на концентрации производства на наиболее крупных, а следовательно, и наиболее производительных предприятиях, чем на гибком исполь-

зовании материалов, оборудования и рабочей силы в соответствии с неотложными потребностями в определенных военных материалах. Поэтому военные лидеры в борьбе против лидеров деловых кругов по вопросу о создании облеченных государственной властью полуавтономных картельных органов оказались в чрезвычайно невыгодном положении. К исходу 1942 г. это полуавтономное положение контрольных ассоциаций в промышленности в громадной степени усложнило задачу удовлетворения не терпящих отлагательства потребностей, которые к тому времени возникли. Эти органы ввели в систему контроля над экономикой Японии новую и еще более губительную косность. Каждая ассоциация в своей отрасли промышленности располагала значительными полномочиями по распределению фондов, материалов, оборудования и рабочей силы. Поскольку Совет контрольных ассоциаций важнейших отраслей промышленности никогда не располагал правами междуведомственной координации, то отраслевым контрольным ассоциациям приходилось конкурировать друг с другом в отношении материалов, оборудования и рабочей силы. Выявившийся в первые месяцы 1942 г. недостаток материалов становился в последние месяцы года все более острым.

14 мая 1942 г. министерство торговли и промышленности сделало ценное признание в отношении деятельности Корпорации по распределению важнейших видов товаров. «Принято решение, — гласило заявление министерства, — произвести тщательное обследование товаров, лежащих без применения или накопленных промышленными и торговыми предприятиями, чтобы пустить выявленные товары в продажу (через Корпорацию по распределению важнейших видов товаров), что должно улучшить использование основных материалов. Но такое обследование не может быть успешно проведено силами одного министерства торговли и промышленности; существенно необходимо искреннее сотрудничество народа». Вновь «народ» отождествлялся с деловыми кругами. Нетрудно представить себе, какой именно «народ» покупал такие специфические товары, как чугун, железные и стальные изделия, листовое олово, специальные сорта стали, медь, цинк, свинец, сурьму, алюминий, магний, кобальт, слюду,

асбест, шкуры, кожу, шерсть-сырье, шерстяные ткани, хлопчатобумажную пряжу и хлопчатобумажные изделия, селитру, алкоголь, казеин, глицерин и канифоль. Но дзайбацу могли не бояться преследований. Особое заявление министерства юстиции гласило, что «министерство не воспользуется этим обследованием для установления случаев передачи товаров на „черный рынок”».

Рассматривая в целом эту систему руководства экономикой, нетрудно увидеть всю серьезность административной проблемы, с которой в конце осени 1942 г. пришлось встретиться Тодзио. «Плановое бюро» являлось органом, в котором господствовали представители военщины, но оно не обладало никакими определенными исполнительными функциями. Свои выводы оно должно было представлять или кабинету в целом, или отдельным министерствам. В контрольных ассоциациях господствовали лидеры деловых кругов. Каждая ассоциация должна была заботиться о выгодах только данной отрасли промышленности и боялась оказаться обойденной в происходившей гонке. Полуавтономное положение различных контрольных ассоциаций допускало и даже поощряло конкуренцию, регулировать которую министерства не могли. Носителями реальной власти были министры. Но они поделили между собой различные сферы управления экономикой и подвергались давлению с обеих сторон — со стороны Тодзио и «Планового бюро» и со стороны лидеров деловых кругов. Эффективной централизации власти не существовало вовсе. И сам Тодзио был бессилён добиться необходимого единства.

Когда же необходимость резкого увеличения производства и максимальная концентрация материальных средств в самолетостроении и судостроении стали крайней необходимостью, — как это было осенью 1942 г., — терпеть такие ограничения, мешавшие эффективной работе администрации, было уже нельзя. В течение 1942—1943 гг. попытки устранить эти ограничения были основной чертой всего хода политической и экономической жизни внутри страны, а также главнейшей заботой Тодзио. Проведя целый ряд административных реформ, премьер стремился обеспечить полную и действенную централизацию власти над производством военного времени. Изысканием

способа решения этой проблемы занимались три сессии парламента — в январе — марте, в июле и в октябре. Сопротивление со стороны промышленников, опасавшихся потери оперативной автономии своих предприятий, привело к хроническому закулисному политическому кризису, продолжавшемуся весь 1943 г.

Чрезвычайные полномочия Тодзио

Предварительные шаги Тодзио, предпринятые в конце осени 1942 г. для ослабления затруднений, созданных переплетающейся юрисдикцией ведомств в области руководства экономикой, представляют особый интерес в силу своего симптоматического характера. Самое название созданного в ноябре 1942 г. специального комитета, о котором вкратце упоминалось в конце главы VI, бросает свет на проблему, которую пытался распутать премьер. Этот комитет назывался «Комитет по повышению и укреплению производства в чрезвычайное время». Но еще интереснее определение функций этого комитета; он предназначался для разрешения «таких проблем, как разделение административных функций различных министерств в отношении рабочей силы, материалов... капиталов и других вопросов, касающихся производства основных материалов». Местные совещательные советы, созданные одновременно с этим особым комитетом при кабинете, также были связаны с разрешением общей проблемы административной координации. В этом явно заключалась попытка распространить экономический контроль кабинета министров на места, где, чтобы достичь каких-либо эффективных результатов, надлежало твердо установить прямую власть над отдельными производственными объектами. Эти совещательные советы предвосхищали позднейшие мероприятия, приведшие в середине 1943 г. к территориальному разделению Японии на девять административных единиц.

Этот первый робкий шаг к достижению большего единства в управлении был безусловно обречен на неудачу. В целом он был лишь паллиативом, поскольку вместо прямой атаки на ограничения, устранявшие всякую возможность установления единой административной

власти, он был направлен на изыскание улучшений в рамках этих же самых ограничений. В середине декабря появилось сообщение об одном заседании этого чрезвычайного комитета, и больше о нем почти ничего не было слышно¹. В это время уже готовились более смелые и более обширные мероприятия, которые вызвали политические столкновения более крупного масштаба.

События, происходившие на восемьдесят первой сессии японского парламента (с 28 января по 25 марта 1943 г.), мало известны. Но есть достаточно данных, ясно указывающих на то, что вокруг выдвинутого Тодзио основного требования новых и фактически диктаторских полномочий в области управления военной экономикой разгорелась ожесточенная борьба. В результате премьеры вынудили пойти на весьма необычайный компромисс, в силу которого кабинету были приданы семь видных представителей деловых кругов в качестве официальных лиц.

Предполагалось, что после новогодних каникул парламент возобновит заседания 21 января. Однако возникло какое-то препятствие, и фактически заседания возобновились на целую неделю позже, 28 января. Приписываемая премьеру болезнь была, очевидно, дипломатической, так как всего за несколько дней до этого токийское радио сообщало о прекрасном состоянии здоровья Тодзио. Отсрочка была, очевидно, вызвана угрозой прямого бунта против попытки запугать парламент, в особенности в связи с требованием премьером о предоставлении чрезвычайных административных полномочий.

Во время сессии депутаты парламента проявляли значительное неповиновение. Есть указания на то, что сделанная попытка ограничить численность и масштаб интерпелляций полностью провалилась, и интерпелляции были и многочисленными и резкими, и сессия затянулась на не-

¹ На этом заседании, как гласило официальное сообщение, изучались вопросы о «мобилизации материалов, повышении производственных мощностей и другие планы общенационального значения, всего — восемь планов, а также планы проведения их в жизнь. Результаты этого изучения будут немедленно отражены в проектах всех министерств. Срочного осуществления координации и выполнения этих планов ожидают с интересом».

сколько недель дольше, чем предполагалось. Под этим давлением премьер Тодзио и министр внутренних дел Митио Юдзава среди других обещаний взяли на себя прямое обязательство не допускать, чтобы в будущем Ассоциация помощи трону указывала «рекомендуемых кандидатов», как это было на предыдущих выборах в парламент в апреле 1942 г.

Иногда Тодзио отвечал на заданные ему вопросы с беспрецедентной самоуверенностью. 2 февраля, отвечая на вопрос, содержащий, очевидно, нападку на то, что он занимает одновременно два поста — и премьера и военного министра, — Тодзио сказал следующее: «В то время (когда он получал назначение) я решил, что я буду одновременно занимать два поста, — пост премьера и пост военного министра. Кроме того, его величество оставил меня на действительной военной службе... Благодаря моему положению премьера, мне известно от начала до конца все, что касается национальных проблем. В качестве военного министра мне известно все, относящееся к военному командованию. Важнейшие решения в сфере командования будут немедленно применены для управления страной и в то же время представится возможность использовать наиболее важные моменты национальной политики для осуществления цельной военной стратегии. Не принято иметь на посту премьера человека, состоящего на действительной военной службе, но при существующем положении, когда мы ведем такую большую войну, это наиболее эффективный и соответствующий метод достижения целей войны... Я решил, что пока я буду занимать пост премьера, я не уйду с поста военного министра».

В своей речи при возобновлении сессии парламента Тодзио лишь едва коснулся жгучего вопроса о чрезвычайных полномочиях, заявив, что «правительство... усилило власть премьера». Это замечание относилось к объявленному 18 января 1943 г. императорскому эдикту об особых правах правительства в военное время, который был одобрен кабинетом за десять дней до возобновления сессии парламента. Текст этого эдикта не был опубликован, но в сообщении информационного бюро от 18 января его положения выглядят следующим образом: «Премьер,

являющийся также и министром, будет стоять выше других министров и руководить последними. В отношении правительственных функций особого порядка премьер также будет занимать положение одной ступенью выше других министров и сможет осуществлять особо важные мероприятия». Этот эдикт был, повидимому, осуществлен в порядке декрета, но второй эдикт, названный «Эдиктом о введении чрезвычайных полномочий военного времени»; был представлен на утверждение парламента в форме законопроекта¹.

Изучавшая этот билль комиссия парламента, повидимому, чрезвычайно тщательно выполнила свою миссию. Сам Тодзио дважды выступал перед комиссией, один раз 5-го, а другой — 17 февраля. Получить какие-либо документальные данные о том, что происходило на втором из заседаний этой комиссии, не представлялось возможным, но на первом заседании Тодзио счел необходимым прикрыться именем императора, дабы избежать обвинений в стремлении получить диктаторские полномочия. Он, как сообщалось, следующим образом защищался по данному пункту: «Не касаясь абсолютной диктатуры, как таковой, мне хотелось бы внести ясность в этот вопрос. Я обладаю властью премьера в силу приказа императора и в настоящее время я являюсь вождем нации. Мне, как премьеру, даны особые полномочия (очевидная ссылка на первый эдикт), и я могу применять их только благодаря немеркнушему свету императора. Без немеркнувшего света императора они не имеют смысла. Я применяю эти особые полномочия только потому, что это соответствует божественной воле и мысли императора. В этом заключается разница между нашим государственным строем и так называемой автократией. При государственном строе Японии дело может обстоять только так. Ответственность (воз-

¹ Такая интерпретация служит поправкой более раннего предположения автора о том, что первый из этих эдиктов также был законопроектом, который, возможно, был отвергнут в течение сессии парламента. Факты не вполне ясны, в особенности, поскольку текст первого указа никогда не публиковался. Существуют также ссылки на второе законодательное мероприятие, касающееся особых полномочий премьера, но опять-таки нет сведений ни о каких деталях этого законопроекта.

ложенная на меня) имеет значение лишь постольку, поскольку она отражает немеркнувший свет императора».

Оппозиция, с которой встретился Тодзио по этому вопросу, исходила на самом деле от деловых кругов; члены парламента были лишь подголосками последних. Один незначительный эпизод, имевший место 1 февраля 1943 г., показывает, что Тодзио явно стремился умиротворить раздражение деловых кругов. «Японское правительство, как сообщалось, — заявил он, — не имеет намерения взять под контроль государства основные отрасли промышленности страны». Мало того, он заявил, что «правительство твердо уверено, что инициатива лидеров промышленности принесет плоды, необходимые для увеличения боевой мощи страны»¹.

Окончательное утверждение второго эдикта состоялось, очевидно, в конце февраля, после вторичного выступления Тодзио в парламентской комиссии. Текст был опубликован 17 марта. Статья 1 предоставляла премьеру право «в случае особой надобности, возникающей в связи с увеличением выпуска важнейших военных материалов: железо и сталь, уголь, легкие металлы, самолеты и суда, отдавать такие распоряжения, какие он сочтет необходимыми. Статьи 2 и 3 предоставляли премьеру право, если этого требует указанная выше «особая надобность», принимать на себя обязанности государственного министра или иного официального лица или поручить другому государственному деятелю или чиновнику выполнять такие обязанности в отношении «рабочей силы, материалов, электроэнергии и капитала». Следует заметить, что эти статьи выделяли пять отраслей промышленности в качестве особо важных для ведения войны. Предоставляя возможность осуществить единое управление по всем вопросам, касающимся рабочей силы, материалов, электроэнергии и капиталов для этих важнейших отраслей промышленности, этот эдикт тем самым ликвидировал существовавшее до сих пор распыление власти между различными министерствами и контрольными ассоциациями.

Однако вместе с заявлением Тодзио о том, что этот эдикт «теперь получил императорскую санкцию», после-

¹ *New York Times*, 2 февраля 1943 г.

довало сообщение о назначении советников кабинета. В сообщении информационного бюро от 17 марта члены этой коллегии были охарактеризованы, как «магнаты промышленных и финансовых кругов», могущие быть «советниками премьера в деле руководства экономикой военного времени». Семь членов этой коллегии и в действительности были видными фигурами, как в фокусе представляющими гигантские капиталистические монополии Японии. В их число входили:

1) адмирал Тэйдзиро Тоёда, президент Контрольной ассоциации железнорудной и сталелитейной промышленности, связанный семейными узами с концерном Мицубиси;

2) виконт Масатоси Окоти, президент Контрольной ассоциации машиностроительной промышленности, бывший президент или директор целого ряда важнейших промышленных концернов;

3) Гиндзиро Фудзивара, президент Корпорации по распределению промышленного оборудования, бывший председатель крупных бумажных, целлюлозных и других дочерних компаний концерна Мицуи;

4) Тоётаро Юки, президент Японского банка и Национальной финансовой контрольной ассоциации, в начале своей карьеры руководивший банком Ясуда;

5) Киёси Гоко, президент Контрольной ассоциации военной авиапромышленности, бывший председатель правления концерна тяжелой промышленности Мицубиси;

6) Камесабура Ямасита, президент Контрольной ассоциации судоходства, бывший президент судоходной компании Ямасита;

7) Тюдзи Судзуки, президент Контрольной ассоциации промышленности легких металлов, бывший управляющий электропромышленной компанией Фурукава.

Каждый из членов этой коллегии являлся президентом одной из главнейших контрольных ассоциаций, что, таким образом, способствовало разрешению еще одной важнейшей проблемы в деле объединения административной власти. Эти лица, согласно официальному положению, имели ранг «синнин», соответствующий рангу государственного министра, и имели право «принимать

вместе с премьером участие в руководстве государственными проблемами, касающимися увеличения производства военного времени и руководства военной экономикой страны». На совместных заседаниях с кабинетом министров под председательством премьера они составляли Высший экономический совет, имевший право давать премьеру советы «в отношении проведения в жизнь положений закона о чрезвычайных полномочиях правительства в военное время и осуществления руководства военной экономикой, а также в отношении осуществления важнейших политических мероприятий правительства». Кроме того, внутри кабинета надлежало создать институт правительственных контролеров, избираемых из числа министров или советников кабинета для «наблюдения и контроля над методами и условиями осуществления правительственной власти, в особенности в вопросах, касающихся производства и над другими важными политическими мероприятиями правительства». В состав секретариата Высшего экономического совета должны были «входить генеральный секретарь кабинета, председатель Планового бюро, начальник департамента военных дел и начальник департамента военно-морских дел».

Совершенно ясно, что эти мероприятия представляли стремление централизовать управление экономикой страны. Так же ясно и то, что премьеру Тодзио ни в коей мере не удалось установить диктатуру военщины или правительства над крупными концернами. Президенты контрольных ассоциаций, т. е. ведущие японские монополисты, заняли более выигрышное положение. Они теперь закрепились на весьма выгодных позициях внутри самого кабинета. Они давали премьеру советы не только в отношении тех областей, к которым он мог применить свои новые полномочия, но и по вопросам осуществления «важнейших политических мероприятий правительства». Таким образом, брак между японской военщиной и крупным капиталом был заключен на совершенно новой основе разделения государственной власти и ответственности. Однако прошлый опыт в вопросах, касающихся промышленности в собственно Японии, оставлял мало сомнений в том, кто же будет старшим партнером в этом браке по расчету.

Могло бы показаться, что долгожданное «сотрудничество» теперь уже стало неизбежным, поскольку правительство и «народ» вместе сидели у горшка власти. Однако, вопреки ожиданиям, первым результатом был новый тупик. Со стороны Тодзио не последовало никаких чрезвычайных административных шагов, хотя было совершенно ясно, что простое включение в кабинет советников из деловых кругов не являлось разрешением проблемы управления. Задачи «наблюдения и контроля» легли главным образом на Гиндзио Фудзивара — со стороны деловых кругов и на председателя «Планового бюро» генерал-лейтенанта Судзуки — со стороны армии. Инспекционные поездки генерала начались значительно раньше и вначале привлекали к себе больше внимания, чем инспекции, проводившиеся Фудзивара, но значение последних неуклонно возрастало.

Прошло шесть месяцев, а Тодзио все еще не применял своих новых полномочий. Относительная бездеятельность этого периода была нарушена двумя второстепенными административными мероприятиями: программой конверсии промышленности, одобренной чрезвычайной сессией парламента в июне 1943 г., и децентрализацией военной экономики путем создания системы префектурных блоков. Однако, прежде чем перейти к этим административным мероприятиям, следует разобрать значение проведенных к концу апреля 1943 г. изменений в составе кабинета.

Реорганизация кабинета

Назначением 17 марта советников кабинета Тодзио сделал крупный шаг к умиротворению деловых кругов. Немного больше месяца спустя премьер протянул «оливковую ветвь» недовольным элементам в парламенте и в министерстве иностранных дел.

Проведенные 20 апреля изменения состава кабинета были непосредственно связаны с борьбой в парламенте, что явствует из сообщения, гласившего, что премьер со времени окончания сессии обсуждал возможности таких перемен. Лидеры партий не забыли нескольких обид, а именно: попытку Тодзио запугать их через «Политическую ассоциацию помощи трону», выдвижение Ассоциа-

цией помощи трону «рекомендуемых кандидатов» на всеобщих выборах 1942 г. и изгнание лидеров партий с министерских постов в кабинете Тодзио. Министерство иностранных дел все еще переживало обиды, нанесенные ему минувшей осенью при создании «министерства по делам великой Восточной Азии».

Тодзио сгладил одну из обид, когда он ясно отказался от намерения вновь восстановить систему «рекомендуемых кандидатов». Теперь он решил сгладить и другие. В этой связи наибольшее значение имел целый ряд перемен в «Ассоциации помощи трону» и в «Политической ассоциации помощи трону»¹. При режиме Тодзио эти органы, тесно связанные с одним из министерств, фактически составляли министерство для установления однопартийной системы. Тодзио вначале поручил главнейшие функции этого «министерства по партийным делам» своему старому сподвижнику по Маньчжурии генерал-лейтенанту Кисабуро Андо, назначенному в 1941 г. вице-президентом «Ассоциации помощи трону», а 9 июня 1942 г. получившему назначение на пост министра без портфеля².

Будучи твердым последователем школы Квантунской армии, Андо прекрасно понимал, какую функцию выполняла в Маньчжоу-Го организация фашистского типа «Кевакай» («Общество согласия»), и поэтому считался достаточно подготовленным для выполнения той же задачи в самой Японии. Но Япония — не Маньчжоу-Го, и события на сессии парламента показали, что Андо не удалось выполнить свою задачу.

Андо был теперь перемещен в министерство внутренних дел. Его пост министра без портфеля и вице-президента Ассоциации помощи трону занял Фумио Гото, гражданский чиновник — бюрократ, возглавлявший в то время бюро по коммерческим делам «Ассоциации помощи трону», а в предшествовавшие годы занимавший посты

¹ «Политическая ассоциация помощи трону», являясь ответвлением «Ассоциации помощи трону», была предназначена для руководства деятельностью депутатов парламента; но она никогда не имела большого значения. Она стремилась сделаться «клубом» депутатов парламента, руководимым консервативными, но не крайними, лидерами партий.

² Премьер был по положению президентом «Ассоциации помощи трону», а ее фактическим руководителем был вице-президент.

министра финансов и министра внутренних дел. В начале своей карьеры Гото склонялся к партии минсейто и к интересам деловых кругов. Вместе с ним вошел в кабинет еще один новый министр—Тадао Оаса, известный как политический деятель, советник партии минсейто.

Тадао Оаса избирался в нижнюю палату парламента семь раз. Он был особо деятельным членом «Политической ассоциации помощи трону». 26 марта он, как сообщалось, возглавлял совещание функционеров «Политической ассоциации помощи трону», созваннне в последний день парламентской сессии для обсуждения вопроса об «обновлении» этой ассоциации. В своем первом политическом выступлении Оаса следующим образом сформулировал свою задачу: «Я надеюсь так развернуть свою работу, чтобы отношения между правительством и «Политической ассоциацией помощи трону», которые и прежде были близкими, неуклонно становились бы еще более тесными». Благодаря своей прошлой деятельности Оаса идеально подходил для сглаживания натянутости, существовавшей в отношениях между лидерами партии и кабинетом. Таким образом, Тодзио в своих отношениях с членами парламента сменил свою прежнюю политику кнута на политику, направленную на то, чтобы добиться их сотрудничества.

Той же линии соответствовало и назначение Тацуносукэ Ямадзакки министром земледелия и лесов. Его считали «прирожденным партийным деятелем, игравшим активную роль в политическом мире в качестве организатора прекратившей свое существование партии сейюкай». Таким образом, обе, хотя и распущенные, партии — минсейто и сейюкай — были теперь представлены в реконструированном кабинете Тодзио. Ямадзакки занял место Хироясу Ино, человека чисто чиновничьей карьеры. Более того, прошлая служебная деятельность Ино, занимавшего в мае — сентябре 1937 г. пост вице-президента «Планового бюро», говорит о его старых связях с военными кругами. Поскольку лидеры партий были политическими союзниками дзайбацу, их возвращение в правительство свидетельствует о дальнейшей уступке деловым кругам.

Не менее знаменательно также явное стремление Тодзио умиротворить министерство иностранных дел путем на-

значения на пост министра иностранных дел Мамору Сигемицу, одного из виднейших дипломатов старой школы.

Назначение по выбору Тодзио в сентябре 1942 г. министром иностранных дел Масаюки Тани, сменившего ушедшего Сигенори Того, было в глазах кадровых японских дипломатов еще большей обидой, чем создание «министерства по делам великой Восточной Азии». Тани был белой вороной среди солидных консервативных кадровых чиновников министерства иностранных дел — одного из наиболее бюрократических органов в Японии. Он давно перешел на сторону военщины, льстил ей и добивался ее поддержки. До сентября 1942 г. высшим постом Тани был пост посланника в Австрии и Венгрии; Франция однажды отказалась принять его в качестве посла, считая его *persona non grata*. И этот человек был поставлен над всеми опытными дипломатами министерства.

Таким образом, назначение Сигемицу министром иностранных дел указывало на поворот Тодзио к политике восстановления сотрудничества с консервативными кругами министерства иностранных дел. Тани покинул также и второй свой пост — председателя информационного бюро кабинета министров, который был передан Эйдзи Амау, также являвшемуся одним из министров иностранных дел. Тодзио не пошел на исправление уже совершенных мероприятий. «Министерство по делам великой Восточной Азии» так и осталось центральным органом управления оккупированными территориями. Сам Масаюки Тани был назначен послом в Нанкин, заменив на этом посту Сигемицу. Но главой ведомства, министром иностранных дел теперь был старый дипломат Сигемицу.

Следует отметить еще одно назначение, более ярко указывающее на происходившие перемены. Представители деловых кругов, так же как и лидеры партий, не входили в состав первого кабинета Тодзио. Посты, обычно занимаемые ими, были переданы главным образом чиновникам-бюрократам, например министром финансов стал Окинобу Кая, министром торговли и промышленности Синсуке Киси. Изменением, хотя бы частичным, этой политики явилось назначение Ёсиаки Хатта министром железных дорог. Хатта, бывший президент Японской торгово-промышленной палаты, играл видную роль

в кампании за создание контрольных ассоциаций в промышленности, проводившейся в 1940—1941 гг., когда Тодзио был военным министром. Теперь же его назначение было новым подтверждением стремления Тодзио установить сотрудничество с деловыми кругами.

Проведенными в марте и апреле 1943 г. политическими изменениями Тодзио стремился отразить брошенные ему в парламенте обвинения в «диктаторстве». Правда, в его руках оставалось полное руководство реформированием кабинета. Он также, согласно сделанной им в парламенте декларации, сохранил за собой оба поста — премьера и военного министра. Плановое бюро продолжал возглавлять генерал-лейтенант Судзуки, а на посту министра внутренних дел генерал-лейтенант Кисабуро Андо сменил Митио Юдзава. Тем не менее произошли значительные изменения. Лидеры дзайбацу были введены в кабинет в качестве советников и там, безусловно, могли самым тщательным образом проверять любой и каждый шаг правительства, касающийся управления экономикой. Как лидеры партий, так и кадровые дипломаты получили министерские посты, которые они обычно занимали прежде. Японская правящая коалиция, после резких колебаний политического маятника, отыскивала путь к обычному равновесию, при котором каждая группировка осуществляла контроль в соответствующей сфере управления страной. Краткий период диктатуры Тодзио подходил к концу.

Программа реорганизации промышленности

Первые признаки практических шагов в сфере экономики, явившиеся результатом вхождения в кабинет экономических советников, выявились на чрезвычайной сессии парламента, состоявшейся 16—18 июня 1943 г. Появившиеся в печати до 16 июня официальные заявления указывали на то, что законопроект о «перестройке промышленности» являлся основным вопросом данной сессии. Одобренный 1 июня кабинетом законопроект, согласно сделанному по этому случаю заявлению, был предназначен для «осуществления коренного улучшения и реорганизации промышленности». 7—9 июня до начала сессии кабинет министров — в качестве необычного же-

ста вежливости — разъяснил положения нового законопроекта лидерам верхней и нижней палат. В сообщениях об этих совещаниях законопроект был назван новым именем — законопроектом о «реорганизации предприятий».

Хотя эти намеки были весьма интересны и указывали на нечто действительно важное, они были явно недостаточны в силу отсутствия в них конкретных подробностей. В середине сессии парламента одно радиосообщение дало единственную конкретную информацию о характере и целях этого законопроекта.

Это сообщение касалось ответа Синсукэ Киси на запрос члена парламентской комиссии, изучавшей законопроект о «перестройке промышленных предприятий». Киси заявил, что закон этот будет поощрять «коренную перестройку» в «технике и организации тяжелой промышленности», затем он добавил, что, согласно положениям законопроекта, вся японская промышленность будет подразделена на три категории. Основное внимание будет уделено второй из этих категорий, названной просто «тяжелой промышленностью». Эта категория, очевидно, охватывала важнейшие отрасли военной промышленности — авиастроение, судостроение, производство наземного оружия и смежные с ними отрасли тяжелой промышленности. Заводское оборудование и рабочая сила подлежали переброске в эти отрасли военной промышленности из отраслей первой категории, т. е. из текстильной, пищевой, металлической и химической промышленности. В третьей категории, которую составляли различные отрасли производства предметов широкого потребления, намечалась лишь небольшая реорганизация.

Таким образом, «перестройка промышленных предприятий» предусматривала широкую программу конверсии предприятий и переброски рабочей силы. Подлинную конверсию надлежало осуществить в текстильной, пищевой, рельсопрокатной и химической промышленности. Включение в этот список рельсопрокатной и химической промышленности говорило о том, что предполагается коренная реорганизация некоторых отраслей промышленности, непосредственно связанных с военным производством. Это было новое важное изменение. До 1943 г. расширение производства всегда намечалось по отношению

ко всей тяжелой промышленности в целом. Эти более ранние программы теперь нельзя было осуществить в предполагавшемся масштабе. Эти планы намечались еще в то время, когда считалось, что можно будет затратить больше времени на их осуществление и в более полной мере использовать ресурсы Юго-Восточной Азии. Теперь же возникла необходимость произвести сокращения и переброски материальных средств по всем линиям, в том числе и в некоторых отраслях тяжелой промышленности. Теперь были нужны те предметы военного производства, которые можно было немедленно пустить в дело, и в первую очередь — суда и самолеты.

С бюджетной стороны законопроект о реорганизации предприятий подкреплялся законопроектом о фондах на реорганизацию предприятий, принятым той же сессией парламента: данные о последнем также ограничены. Дополнительные законопроекты, бюджетные ассигнования различным министерствам на расходы, связанные с программой реорганизации промышленности, составляли всего около 150 млн. иен. Эти суммы выделялись дополнительно к парламентским ассигнованиям по законопроекту о фондах на реорганизацию промышленности. В одном из сообщений, видимо, касавшемся последнего законопроекта, упоминалось о затребовании министерством торговли и промышленности 1700 млн. иен. Затем следовала фраза: «Отсюда следует, что для перестройки промышленности, относящейся к министерству торговли и промышленности, требуется приблизительно 1800 млн. иен».

Но даже и эта сумма, вероятно, не составляет всего фонда одобренных парламентом ассигнований на конверсию промышленности. Радиопередача из Берлина от 18 июня, по всей вероятности, давала более полную картину происходивших за кулисами чрезвычайной сессии парламента событий:

«Токио. Подробные данные о мероприятиях, подлежащих осуществлению в силу нового закона о реорганизации японской экономической жизни, не предаются гласности, так как это могло бы дать противнику представление о военной экономике Японии. О всесторонней координации японской экономической си-

с т е м ы можно судить исходя из того, что новый законопроект предусматривает общие ассигнования, превышающие 4500 млн. иен. Вследствие этого, как данные, приведенные в обоснование этого закона, так и данные, сообщенные кабинетом министров во время дебатов, носят общий характер» (разрядка автора).

Эта программа «перестройки промышленности» была первым заметным плодом совещаний премьера Тодзио с советниками кабинета, которые проводились регулярно с конца марта 1943 г. Логично допустить, что соглашение было достигнуто, но какой ценой? Этой ценой была щедрая компенсация тем промышленникам, которых главным образом затрагивала предстоящая «реорганизация». Поэтому не следует удивляться, что здесь требовались суммы, исчисляемые миллиардами иен.

Эти фонды, очевидно, не были предоставлены для программы конверсии, подлежавшей завершению летом 1943 г. Они были предоставлены для широкой реорганизации промышленности, которая произошла после создания в октябре 1943 г. министерства вооружений. Следовательно, можно считать, что одобренные двумя чрезвычайными сессиями парламента (в июне и октябре) мероприятия были составными частями единой обширной программы, первоначально намеченной Тодзио и советниками кабинета весной 1943 г.,—и это имеет весьма большое значение для оценки последующего хода развития событий.

Дальнейшим доказательством этого служит сообщение от 28 июня 1943 г. об изменении системы органов местного управления Японии. Эти изменения по масштабам соответствуют осуществленной 1 октября перестройке центральных органов. Они по замыслу должны были также соответствовать общему плану осуществленной через три месяца реорганизации.

Окружные административные советы

Для обеспечения эффективности новых полномочий премьера в отношении военного производства было необходимым установить его непосредственный контроль над префектурными и местными органами управления. До сих пор существовал разрыв между местными органами

министерств и сорока семью префектурными управлениями. Дублирование функций и слабость централизованной власти мешали применению единых мер по контролю над производством. Согласно вошедшей в силу 1 июля 1943 г. новой административной системе, вся Япония была разделена на девять административных округов, каждый из которых охватывал от двух до восьми префектур, что видно из следующей таблицы:

Округ	Окружной центр	Префектура
1. Хоккайдо	Хакодате	Хоккайдо, Карафуто (Южный Сахалин)
2. Тохоку	Сэндай	Аомори, Иватэ, Мияги, Акита, Ямагата, Фукусима
3. Хокурику	Ниигата	Ниигата, Нагано, Тояма, Иси-кава, Фукуи
4. Канто	Токио	Ибараки, Тотиги, Гумма, Сайтама, Тиба, Токио-столичная, Канагава, Яманаси
5. Токайдо	Нагоя	Гифу, Сидзуока, Айти, Миэ
6. Кинки	Осака	Сиге, Киото, Осака, Хёго, Нара, Вакаяма
7. Тюгоку	Хиросима	Тоттори, Симанэ, Окаяма, Хиросима, Ямагути
8. Сикоку	Мацуяма	Токусима, Кагава, Эхимэ, Коти
9. Кюсю	Фукуока	Фукуока, Сага, Нагасаки, Кумамото, Оита, Миядзак, Кагосима, Окинава

Во всех девяти окружных центрах были учреждены административные советы. После октября 1943 г. в состав этих советов входили: 1) губернаторы вошедших в данный округ префектур; 2) начальники местных управлений инспекции министерства вооружений и 3) начальники местных органов других министерств. Одно лишь перечисление местных органов различных министерств и ведомств, поставленных под контроль административных советов, может дать представление о масштабе координации, которую хотели таким образом достигнуть¹.

¹ Работа этих местных органов частично уже координировалась созданными в ноябре 1942 г. местными совещательными советами.

В число этих органов входили бюро внутренних дел, налоговое бюро, районные бюро монополий, бюро земледелия и лесов, бюро по руководству молодежью, бюро гражданских дел, бюро путей сообщения и связи, железнодорожное бюро, морское бюро, бюро горной инспекции, таможенное бюро и почтовое бюро.

Административные советы находились в непосредственном подчинении центральному правительству. Они получали приказы от кабинета и несли ответственность за выполнение таковых. Для выполнения возложенных на них задач им было предоставлено право полного контроля над всеми функциями местного управления, относящимися к осуществлению государственной военной политики, и, в особенности, в отношении экономических моментов этой политики. Фактически по отношению к префектурным управлениям и местным органам различных ведомств эти административные советы являлись «сверхадминистративными директорами». По вопросам, касающимся общей экономической политики правительства, они подчинялись премьер-министру, а в отношении оперативной координации с префектурной системой — министру внутренних дел.

Во главе каждого административного совета были поставлены два лица — президент совета и советник. Заседания советов происходили под председательством президентов. Последние назначались премьером из числа губернаторов входящих в данный округ префектур. Президенты были непосредственно подчинены премьеру и ежемесячно собирались на совещания в официальной резиденции последнего. По существу они являлись офицерами связи между кабинетом и административными советами. Они могли просить различные министерства издавать «необходимые инструкции», в особенности по экономическим вопросам, и сами имели право отдавать местные распоряжения губернаторам префектур, которые входили в число членов административных советов. В пределах своих округов президенты административных советов сосредотачивали в себе полномочия центральной, префектурных и местных властей. Такая невиданная концентрация полномочий означала в действительности еще большее расширение полномочий премьера, который

таким образом мог распространить свою власть на местные органы управления.

Окружной советник обладал исполнительными функциями и нес ответственность за выполнение решений административного совета на местах. Поскольку префектурные управления были органами министерства внутренних дел, окружные советники подчинялись министру внутренних дел. Они проводили с министром ежемесячные совещания, в то время как премьер проводил совещания с президентами административных советов. Главнейшей функцией окружного советника — как и всей системы окружных административных советов — было осуществление всесторонней координации всего военного производства. Он работал в тесном контакте с начальником местного бюро инспекции министерства вооружений, тоже входившим в число членов совета. Его заместители, или помощники советника, выделялись из числа чиновников инспекции министерства вооружений.

Эта новая система прежде всего способствовала более эффективному выполнению решений административного совета на местах. Поскольку префектурные управления были органами министерства внутренних дел, окружные советники подчинялись министру внутренних дел. Они проводили с министром ежемесячные совещания, в то время как премьер проводил совещания с президентами административных советов. Главнейшей функцией окружного советника — как и всей системы окружных административных советов — было осуществление всесторонней координации всего военного производства. Он работал в тесном контакте с начальником местного бюро инспекции министерства вооружений, тоже входившим в число членов совета. Его заместители, или помощники советника, выделялись из числа чиновников инспекции министерства вооружений.

Эта новая система прежде всего способствовала более эффективному выполнению административных функций. Она очистила каналы административного управления от препятствий, создаваемых взаимно переплетающейся юрисдикцией ведомств, и открыла широкий путь, по которому премьер мог быстро передавать срочные директивы.

Однако эта реорганизация не была только административным мероприятием; это был также шаг к районированию всей японской военной экономики. Новые административные округа в значительной степени соответствовали системе «экономических районов», идею разграничения и развития которых с конца 30-х годов всячески выдвигали лидеры армии. В проекте армии предусматривалось всестороннее развитие каждого из таких округов, а также размещение новых военных заводов и предприятий, потребляющих стратегическое сырье, с расчетом на рассредоточение промышленности и усиление экономической независимости каждого округа. Идеально развитый на этой основе округ обладал бы не только различными военными заводами, но также был бы обеспечен и рабочей силой, энергией, сырьем, важнейшими материалами и продовольствием.

Программа конверсии промышленности и создание окружных административных советов — таковы были главнейшие мероприятия последних месяцев второго года пребывания Тодзио у власти. До середины сентября 1943 г. не было никаких указаний на дальнейшие намерения Тодзио применить свои чрезвычайные полномочия. Наиболее широкая и наиболее важная административная реорганизация, осуществленная Тодзио, была отнесена на начало третьего года его пребывания у власти.

Глава VIII

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОРГАНОВ

Возникновение министерства вооружений, так же как и сопровождавшая создание этого нового органа коренная реорганизация старых министерств, было вызвано всем комплексом административных затруднений, принимавших все более острый характер в течение 1942—1943 гг. О том, как было достигнуто соглашение между входящими в коалицию группировками — в основном между деловыми кругами и армией — по вопросу о коренной перестройке административных органов Японии, имеются только отрывочные данные. Однако и этих данных вполне достаточно, чтобы установить очевидность того, что крупные уступки были сделаны не дзайбацу, а премьером.

В течение всего 1943 г. непрерывно возрастали масштабы тех административных реформ, которые были необходимы для разрешения задач повышения военного производства. В начале этого года часто сообщалось, что предполагаемая реорганизация, вероятно, охватит пять важнейших отраслей промышленности. Не приходилось сомневаться, что целью этой реорганизации было увеличение выпуска самолетов и судов, для достижения чего необходимо было увеличить производство железа и стали, угля и легких металлов. При этом бросалось в глаза почти полное отсутствие сведений о конкретных подробностях применявшихся мероприятий. Отсутствие информации, возможно, указывает на то, что Тодзио предварительно пытался применить свои чрезвычайные полномочия к так называемым «важнейшим» отраслям промышленности в рамках существующей административной системы, но его попытка или оказалась недостаточно эффективной, или, что более вероятно, встретила противодействие со стороны деловых кругов, и в конце концов было достигнуто соглашение об осуществлении более ра-

дикальных изменений. Эти изменения в конечном счете вылились в форму программы конверсии промышленности (июль 1943 г.) и в коренную реорганизацию высших органов управления Японии (октябрь 1943 г.).

Для оценки политического значения этих двух важнейших решений чрезвычайно важно было бы выяснить, когда именно они были приняты. В частности, особо важно было бы знать, когда было принято второе, наиболее важное решение. Хотя сведения об этом сравнительно скудны, они все же достаточно убедительно говорят о том, что после принятия решения последовал период длительной подготовительной работы.

Борьба за направление политики

После 17 марта 1943 г. решающий голос в области важнейших политических вопросов принадлежал Высшему экономическому совету, на заседаниях которого советники со стороны деловых кругов встречались с членами кабинета. До 29 марта советники провели три совещания с премьером и членами кабинета. На всех совещаниях присутствовали министры торговли и промышленности, путей сообщения и связи, железных дорог, финансов, земледелия и лесов, т. е. министры, возглавляющие экономические ведомства. Упоминается о присутствии на некоторых из этих совещаний морского министра и министра внутренних дел. К сожалению, об обсуждавшихся на этих предварительных совещаниях вопросах ничего даже в общих чертах не известно. Высший экономический совет продолжал свои заседания в течение весны и лета 1943 г., но тайна происходивших там обсуждений соблюдалось строго. Кроме одного случая просачивания информации косвенного порядка, выводы о содержании и времени принятия решений совета приходится делать в основном из самого хода событий.

Одобренное чрезвычайной сессией парламента 16—18 июля 1943 г. решение приступить к осуществлению программы конверсии промышленности было, вероятно, принято в апреле или мае. В эти месяцы не было никаких признаков того, что в области управления

экономикой происходят какие-либо новые существенные изменения. Программа «планового производства» открыто применялась в пяти «основных» отраслях промышленности. Можно допустить, что премьер Тодзио, в силу своих новых полномочий, поставил эти отрасли промышленности под свой непосредственный контроль. Обладая всей полнотой власти над соответствующими министерствами, Тодзио мог теперь — по крайней мере, теоретически — направить поток сырья, рабочей силы, оборудования, энергии и денежных средств на важнейшие предприятия военной промышленности¹. Однако, как уже указывалось, весьма сомнительно, насколько такие намерения могли быть реально претворены в жизнь. Тодзио во многом был связан необходимостью одобрения действий правительства приданными теперь кабинету представителями дзайбацу. Их согласие зависело от решения в их пользу, по существу — политического, вопроса о контроле, который именно в этот период и обсуждался. Это положение, как видно, подтверждает мысль, что осуществленные весной 1943 г. изменения в организации промышленности были скорее поверхностного, а не кардинального порядка. Радикальные изменения задерживались до выяснения итогов дебатов, происходивших в Высшем экономическом совете.

Значительно важнее вопрос о взаимозависимости между программой конверсии промышленности, принятой чрезвычайной сессией парламента в июне 1943 г., и проектом реорганизации административных органов, одобренным второй чрезвычайной сессией парламента

¹ В течение этих месяцев «Плановое бюро» также проявляло значительную активность. Президент «Планового бюро» генерал-лейтенант Судзуки провел первую серию своих инспекционных поездок по военным заводам, что входило в его новые функции «контроля», предусмотренные положением о Высшем экономическом совете. Годовые «мобилизационные планы», представленные «Плановым бюро» на обсуждение кабинета (30 апреля, 3 и 11 мая), были разработаны более детально и тщательнее, чем обычно. Эти планы охватывали вопросы о материалах, их транспортировке и обработке, об электроэнергии, рабочей силе, финансах и гражданском потреблении; это перечисление говорит об охвате всех основных областей японской военной экономики. Однако в целом все эти события в административной области не содержали в себе никаких необычных отклонений.

в октябре. Учитывал ли Высший экономический совет второй план, когда первый был представлен в июне парламенту? Или же более широкая реорганизация сделалась неизбежной после того, как была принята программа конверсии? Сообщение агентства «Домей», появившееся 23 июня, бросает свет на этот вопрос. Оно гласило, что на первой чрезвычайной сессии парламента министр торговли и промышленности Киси «подчеркнул необходимость осуществления жесткого контроля над различными отраслями промышленности, что вызвало возбуждение среди лидеров промышленных кругов». Сообщение заканчивается еще более конкретным заявлением. Ввиду необходимости улучшить работу системы контрольных ассоциаций, говорилось в сообщении, «министерство торговли и промышленности деятельно подготавливает конкретный план, имеющий целью обязать контрольные компании (т. е. контрольные ассоциации) функционировать в качестве частных компаний, наделенных государственными правами. В связи с этим стало известно, что министерство намерено в соответствии с законом о всеобщей мобилизации нации провести новый закон о контрольных компаниях».

Из этого сообщения можно сделать по меньшей мере три весьма важных вывода. Во-первых, оно, как видно, дает исчерпывающий ответ на вопрос о том, когда были приняты решения, имеющие важное политическое значение. 23 июня, т. е. через пять дней после перерыва работы сессии парламента, японское официозное агентство уже предсказывало проведение закона о военно-промышленных компаниях¹, того закона, который воплощал в себе основной экономический смысл всей осуществленной в октябре реорганизации органов управления. Если такое сообщение могло появиться 23 июня, то едва ли можно сомневаться в том, что Высший экономический

¹ Можно было предполагать, что агентство «Домей» имело какие-то секретные сведения, когда оно сообщало о предстоящем издании эдикта о контрольных компаниях, но оно ошибалось в своих предсказаниях о методе, посредством которого контрольные ассоциации будут превращены в государственные компании. Как оказалось, закон о компаниях в военной промышленности, в отличие от громоздких контрольных ассоциаций, применялся к отдельным, специально одобренным компаниям.

совет принял решение по этому вопросу значительно раньше начала первой сессии парламента, начавшейся 16 июня. В таком случае можно с уверенностью считать, что конверсия промышленности и последующая административная реформа составляют два элемента единой программы, задуманной — хотя бы в общих чертах — еще весной 1943 г.

Во-вторых, это сообщение указывало, на какой правительственный орган возлагались задачи сформулировать положения, которые должны были затем вылиться в закон о военно-промышленных компаниях. Ходившие вокруг этого мероприятия слухи единодушно приписывали его инициативу армии; поэтому явилось полной неожиданностью, когда оказалось, что этот законопроект разрабатывался министерством торговли и промышленности. Эта традиционная цитадель деловых кругов даже в 1942—1943 гг. была далека от подчинения военным кругам. Конечно, и «Плановое бюро» оказало некоторое влияние на окончательную формулировку положений закона о военно-промышленных компаниях, но сообщение агентства «Домей» может считаться достоверным указанием на то, что министерство торговли и промышленности взяло на себя основную задачу по разработке данного мероприятия.

В-третьих, это сообщение ясно указывало на одно официальное лицо, как на центральную фигуру, занятую подготовкой данного мероприятия. Выступления министра торговли и промышленности Киси на сессии парламента красноречиво свидетельствовали о том, что предполагаемые новые мероприятия по контролю над промышленностью были ему в то время уже известны¹. В свете последующих событий этот пункт принимает особо важное значение. При проведении реорганизации в октябре 1943 г. министерство торговли и промышленности, как таковое, было ликвидировано. Однако при перераспределении министерских постов сам Киси ничего не потерял.

¹ Этот факт подтверждает первый вывод, так как показывает, что уже 16—18 июня были известны некоторые детали тех коренных мероприятий, которые были одобрены на сессии парламента в октябре.

Более того, он был назначен вице-министром вооружений в ранге государственного министра. Портфель министерства вооружений Тодзио взял себе. Однако официальное радиосообщение от 9 октября указывало, что премьер Тодзио «фактически не будет осуществлять функций оперативного контроля над деятельностью вице-министра Киси», но что «его более высокое положение будет выражаться лишь административно». Эти факты — при сопоставлении — наводят на размышления. Можно ли считать, что в середине июня, если не раньше, Высший экономический совет уже пришел к компромиссу, удовлетворяющему точки зрения его членов как из среды военных, так и из среды деловых кругов? Номинальным руководителем будущего министерства вооружений должен был стать Тодзио, но фактически главой министерства должен быть Киси. Если такое толкование правильно, то мы подошли к самой сущности политической перестановки сил, лежавшей в основе осуществленной в октябре 1943 г. реорганизации системы экономического контроля.

Можно было заранее с полным основанием ожидать, что эта проблема будет разрешена на условиях, благоприятных для деловых кругов. С 1940 г. все течение событий в области экономического контроля заставляет отвергнуть то предположение, что монополисты могли бы передать управление своими предприятиями в руки государственного органа, находящегося под господством армии. Весной 1943 г. меньше чем когда-либо были основания предполагать, что такая передача может осуществиться. Поскольку военные успехи Тодзио отходили в прошлое, политическое соотношение сил складывалось не в его пользу. Ему пришлось начать отступление еще в марте 1943 г.¹, когда он дал согласие на назначение советников кабинета. Ему пришлось еще раз отступить в апреле, когда он провел перераспределение портфелей в кабинете. Во всяком случае, как уже указывалось, политика Тодзио по экономическим вопросам² была —

¹ Возможно, что он начал отступать даже много раньше, еще 21—28 января, когда возобновление сессии парламента было отложено на неделю.

самое большое — виляющей. Более чем вероятно, что общепринятое представление о Тодзио, как о заядлом противнике деловых кругов, является совершенно ошибочным¹. И последний факт, который является самым важным: ведущие представители дзайбацу стали членами Высшего экономического совета, который разработал все детали административных мероприятий, представленных на утверждение октябрьской сессии парламента.

Перестройка министерств, ведущих экономическими вопросами

Первые публичные заявления о предстоящей реорганизации управления экономикой были сделаны во второй половине сентября 1943 г. На чрезвычайных заседаниях кабинета 22 и 28 сентября были утверждены последние детали запроектированных законопроектов, и открытие третьей за этот год сессии парламента было назначено на 25 октября 1943 г.

Реорганизация охватывала две ясно разграниченные, но взаимно связанные сферы. Перестройка контрольных ассоциаций осуществлялась через новое министерство вооружений, облеченное чрезвычайными полномочиями, зафиксированными в законе о компаниях военной промышленности. К министерству вооружений переходили различные функции, до сих пор выполнявшиеся целым рядом других органов правительства, что приводило в конечном счете к беспрецедентному изменению структуры японского кабинета.

Первоначальные отклики ограничивались по существу узко экономическими аспектами этой реорганизации. Высказывались упорно предположения, что обра-

¹ Один авторитетный источник, перечисляя умеренных лидеров армии, включает в их число Тэраути, Абэ, Сугияма, Итагаки и Тодзио, причем приводит выдержку из японской газеты, где Тодзио назван «одним из наиболее ярых консерваторов в армейской клике» (*Economic Problems of War*, под ред. George A. Steiner, N. Y., 1942 г., гл. V, стр. 13). Итагаки и Тодзио, в начале своей карьеры считавшиеся «радикалами», были в числе тех офицеров, которые по мере повышения в чинах подходили к примирению с деловыми кругами.

зование министерства вооружений имело главной целью «достижение резкого увеличения продукции авиапромышленности». Это утверждение заслуживало внимания, так как позднейшие сведения подтвердили, что основной миссией министерства вооружений была задача увеличения производства самолетов. Сообщение агентства «Домей» от 22 сентября перечисляло предстоящие задачи, заключавшиеся в «ускорении перестройки гражданских предприятий... более четком выявлении государственного характера управления ведущими предприятиями и в установлении системы ответственности за выпуск продукции».

Реорганизация структуры кабинета была осуществлена с помощью целой серии императорских эдиктов, общим числом 61¹. Эти эдикты получили утверждение на чрезвычайном заседании кабинета 31 октября и на следующий день вступили в силу. 1 ноября родилось три новых министерства: министерство вооружений, министерство транспорта и связи и министерство земледелия и торговли. Были ликвидированы «Плановое бюро» и четыре старых министерства: министерство торговли и промышленности, министерство земледелия и лесов, министерство путей сообщения и связи и министерство железных дорог. Ликвидация тринадцати бюро и шести управлений балансировалась созданием двух новых департаментов, четырех бюро и двух управлений, а одно бюро перешло в другое министерство. Первоначальное уменьшение штата чиновников коснулось 43 229 человек.

¹ Никаких сведений об одобрении этих эдиктов тайным советом и Комитетом по всеобщей мобилизации нации оглашено не было, что показывает, насколько строгой была цензура. Громадное число этих эдиктов, свидетельствуя о чрезвычайной сложности реорганизации управления, является вместе с тем еще одним доказательством длительности затраченного на подготовку этой реорганизации периода. Следует также заметить, что для такого резкого изменения структуры кабинета не потребовалось утверждения парламента. В связи с этой коренной перестройкой на рассмотрение парламента был представлен только законопроект о военно-промышленных компаниях. В этом случае не было нужды обращаться к парламенту, бывшему по существу вспомогательным органом деловых кругов, так как дзайбацу и военные круги достигли соглашения путем прямого контакта в Высшем экономическом совете.

Следующим по значению, после создания министерства вооружений, было образование министерства транспорта и связи, юрисдикция которого охватывала наземный, морской и воздушный транспорт. Главнейшие функции министерства железных дорог перешли к этому новому министерству, созданному главным образом для того, чтобы «объединить под единым руководством всю систему сухопутного и морского транспорта Японии, Маньчжоу-Го и Китая». В ведении этого министерства были теперь все виды связи — почта, телеграф, телефон и радио. В его ведение перешли все порты и гавани, до сих пор находившиеся в ведении министерства внутренних дел и некоторых других ведомств. Из ведения этого министерства были изъяты все вопросы, касающиеся промышленной деятельности, за исключением производства подвижного состава. Особо указывалось, что в его ведение не входят вопросы производства мототранспорта, самолетов и судов. Вопросы, касающиеся судостроения, были переданы в ведение девяти окружных административных советов. Кроме того, что это новое министерство объединяло под одной крышей все, относящееся к транспорту в самом широком толковании, считалось, что на его обязанности лежит задача ускорения погрузочных и разгрузочных работ в портах и повышения эффективности использования торговых судов, подвижного состава и рабочей силы. Оно должно было стать крупнейшим гражданским правительственным органом с общим числом лиц, занятых в его системе, достигавшим почти 300 000 человек. Первым, занявшим новый министерский пост был Ёсиаки Хатта, один из лидеров деловых кругов, получивший от Тодзио в апреле 1943 г. пост министра железных дорог.

На новое министерство земледелия и торговли¹, функционировавшее по существу как отрасль министерства вооружений, была возложена ответственность за изыскание мероприятий «по поддержанию жизненного уровня», необходимого для обеспечения максимальной производи-

¹ Оно носило то же название, что и министерство, созданное в 1885 г., которое было в 1925 г. разделено на два министерства, ликвидированных в 1943 г.

тельности ускорения выпуска продукции. Кроме административных вопросов, касающихся производства и поставок продуктов земледелия, скотоводства и лесного хозяйства, оно должно было также регулировать распределение текстильных изделий, продуктов рыболовства и предметов первой необходимости и контролировать розничную торговлю и цены для гражданского потребления. Министром был назначен Тацуносукэ Ямадзаки, партийный лидер, вошедший в апреле 1943 г. в кабинет Тодзио в качестве министра земледелия и лесов. Образование этого министерства привело к слиянию целого ряда конкурировавших между собой бюро, входивших в прежние министерства торговли и промышленности, земледелия и лесов.

Общая перестройка в той или иной мере задела и другие министерства: внутренних дел, финансов, юстиции, народного просвещения, иностранных дел, труда и «министерства по делам великой Восточной Азии». От этих изменений больше всего выиграло «министерство по делам великой Восточной Азии». В него теперь вошли бюро торговли, существовавшие в системах министерства торговли и министерства иностранных дел, и на него теперь возлагалась задача ускорить поступление из оккупированных областей сырья, необходимого для производства вооружений. Теперь оно должно было принять на себя всю ответственность за подготовку административного персонала для южных районов, взяв на себя функции, аналогичные осуществлявшимся прежде «Плановым бюро». Во главе «министерства по делам великой Восточной Азии» остался Кадзуо Аоки. В министерстве иностранных дел был создан департамент экономической войны, предназначенный для изучения экономических условий в странах противника и укрепления и развития экономических отношений между странами оси.

Эти основные черты проведенной реорганизации указывают на стремление решительно покончить с дублированием функций и столкновениями ведомственных интересов, имевшими место в главнейших органах управления экономикой Японии. Вся ответственность за транспорт была сосредоточена теперь в министерстве транспорта и связи; за мероприятия, относящиеся к

гражданскому потреблению, — в министерстве земледелия и торговли; за внешнюю торговлю — в «министерстве по делам великой Восточной Азии». За малыми исключениями, важнейшими из которых была проблема железнодорожного оборудования, эти министерства были лишены права административного контроля над выпуском продукции. Вся ответственность за него сосредоточилась в министерстве вооружений — в этом основная черта всей реорганизации.

Министерство вооружений

О новом министерстве вооружений следует прежде всего сказать, что, вопреки общему мнению и распространенному толкованию, ему не был передан полный ведомственный контроль над всеми фазами военного производства. Административный контроль над судостроением (как военного, так и торгового флота) и над производством вооружения для флота остался в руках морского министерства, а над производством сухопутных вооружений — в руках военного министерства. Министерству вооружений было передано общее руководство всеми иными отраслями военной промышленности и относящимися к ним видам сырья, как промышленного, так и сельскохозяйственного, в его же ведении было и регулирование цен. В его функции входил также важнейший вопрос о приоритете, в отношении которого до сих пор царила доходившая до анархии ведомственная неразбериха.

В интересах производства вооружений, в самом широком смысле слова, новое министерство получило юридическую власть по всем вопросам, «имеющим значение для дела контроля», — в отношении наблюдения, управления и использования «оборудования гражданских предприятий». Однако такой грозный мандат был весьма тщательно ограничен в некоторых существенно важных отношениях. Практически применение этого мандата ограничивалось «выделенными предприятиями» в соответствии с положением, установленным законом о военно-промышленных компаниях. Но и в отношении этих выделенных военных предприятий руководство вопросами

труда, установления заработной платы и предоставления капиталов осуществлялось, в соответствии с существующими законами, соответственными министерствами, т. е. министерством труда и министерством финансов. Такая система разделения функций себя не оправдывала и в силу необходимости была впоследствии несколько раз пересмотрена. Непосредственная связь министерства вооружений с выделенными компаниями влекла за собой фактическую ответственность и за вопросы, не включенные в его юрисдикцию, вызывая необходимость особого урегулирования в каждом отдельном случае¹.

В состав министерства вооружений входило девять бюро. «Бюро тотальной мобилизации» выполняло большинство функций, прежде лежавших на «Плановом бюро». В эти функции входили разработка планов мобилизации сырья, исследование и изучение проблем управления и статистики. Кроме того, «Бюро тотальной мобилизации» руководило всей общегосударственной деятельностью министерства, включая сюда и руководство выделенными под его ведение предприятиями. Остальные бюро ведали авиационным вооружением, машинным оборудованием, железом и сталью, легкими металлами, цветными металлами, химическими продуктами, топливом и электроэнергией. Изучение этого списка ясно говорит, что главной задачей министерства было ускорение производства самолетов. Порученное министерству общее руководство горной промышленностью предусматривало главным образом увеличение производства металлов, в особенности легких, для производства самолетов. С этой же целью под контроль этого министерства было передано также производство электроэнергии, машинного оборудования, химических продуктов и топлива (нефть только частично), а также газа и кокса, азотной кислоты и соды, смолы и соли. После того как в его ведение была выделена первая группа предприятий, министерство вооружений, выполняя и другие, более общие функции, быстро превратилось фактически в управление по авиапромышленности.

¹ Таким образом, министерство вооружений по финансовым вопросам вступало в соглашение с Японским банком, хотя финансовая сфера оставалась в ведении министерства финансов.

Закон о военно-промышленных компаниях

Выделение предприятий, как уже было отмечено, производилось на основе закона о военно-промышленных компаниях. Следует помнить, что основная ответственность за разработку этого мероприятия лежала, как уже указывалось, на министерстве торговли, или, точнее, на министре торговли — Синсукэ Киси. Содержание этого закона имеет большое значение, так как оно позволяет судить о том, в какой степени затрагивались интересы владельцев выделенных предприятий.

Как и всегда, характер руководства зависел от метода выбора администратора. В этом вопросе положения закона были вполне ясны. Согласно ст. 5, выделенная военно-промышленная компания должна «выделить ответственное за производство лицо из числа своих должностных лиц».

Правительство имело право «произвести назначение» только в том случае, если сама компания не могла выделить такого лица, но и в этом случае назначенное правительством лицо «становилось должностным лицом компании». Рабочие и служащие компании «подчиняются ответственному за производство лицу» или же лицу, «назначенному руководить производством» (ст. 14). Если же таковые лица «не выполняют своих обязанностей» или если рабочие и служащие не будут выполнять распоряжения указанных лиц, то правительство «изыщет меры для наложения соответствующих наказаний» (ст. 17) и будут введены «необходимые положения о наказаниях» (ст. 18).

Чтобы подчеркнуть «государственный характер» этих компаний, правительству — практически это означало министерству вооружений — были присвоены широкие и чрезвычайные полномочия для осуществления руководства и управления этими компаниями. В отношении производственных заданий правительство могло определять «сроки, планы, количественные показатели и другие необходимые меры» (ст. 6). Оно могло отдавать приказы, касающиеся «предупредительных мероприятий»: «приобретения, хранения и движения основных материалов», а также «касающиеся усовершенствования техники и

осуществления надзора... за рабочими» и «иных необходимых для ведения предприятий вопросов» (ст. 7). Правительство могло запрещать военно-промышленным компаниям заниматься какими-либо иными, кроме порученных им, работами (ст. 10). Правительство могло издавать необходимые приказы «в отношении слияния или ликвидации компаний военной промышленности» (ст. 11), оно могло «отдавать компаниям военной промышленности необходимые приказы в отношении использования капиталов» (ст. 12). Наконец, правительство могло издавать приказы и принимать необходимые меры для надзора за компаниями военной промышленности (ст. 15), а также — собирать, рассматривать и проверять отчет «по вопросам ведения дел компаниями военной промышленности» (ст. 16).

Привилегии, которыми пользовались эти выделенные компании военной промышленности, компенсировались обязательствами, вытекавшими из их «государственного характера». Во многих особо важных вопросах правительство с готовностью распространяло на них весьма существенные преимущества. Оно могло отменять «запрещения и ограничения, налагаемые законами», освобождать от «обязательств», вводить специальные положения в отношении «процедуры получения разрешений и т. д.» (ст. 3). Следует заметить, что это положение давало возможность выделенным компаниям военной промышленности «пользоваться особым приоритетом в отношении материалов, оборудования и денежных фондов». Компаниям было предоставлено «право вербовать рабочих в порядке закона о всеобщей мобилизации нации» (ст. 13). Правительство в порядке применения ст. 3 могло, когда считало это необходимым, «гарантировать компаниям военной промышленности как оказание помощи, так и получение прибылей» (ст. 4). Не меньшее значение имели также ст. 8 и 9, обеспечивавшие всей полнотой государственной власти поглощение одного предприятия другим. Согласно ст. 8, правительство могло «издавать необходимые приказы о сотрудничестве между компанией по производству вооружений и компаниями (или лицами), связанными с ведением работы смежных предприятий, подсобных предприятий или

иных предприятий, которыми руководят компаний военной промышленности.

Согласно ст. 9, правительство могло «отдавать военно-промышленным компаниям необходимые приказы, касающиеся передачи или взятия в опеку предприятий, разъяснения (условий опеки) или изменения устава корпорации, перепоручения, передачи или прекращения или перерыва работ и передачи оборудования или патентных прав, принадлежащих предприятию».

Совершенно очевидно, что осуществление этого мероприятия в громадной степени зависело от той позиции, которую занимали проводившие его в жизнь лица. Но, вне зависимости от этого фактора, который будет в надлежащее время рассмотрен, были весьма веские причины, заставлявшие промышленников добиваться включения своих фирм в список выделенных военно-промышленных компаний. Сфера производства, в которой предстояло действовать этим компаниям, неуклонно расширялась. Приоритет — этот фактор жизни и смерти для предприятий в условиях контролируемой экономики — был наиболее доступен для отраслей промышленности, занятых в этом секторе национальной экономики. В эту область вели каналы, по которым направлялось сырье, машинное оборудование, рабочая сила, энергия и капиталы. Мало того, для крупных компаний именно здесь широко открывалась дверь для самого ненасытного поглощения более мелких конкурирующих или зависимых от них фирм. Чем крупнее был концерн, тем больше перед ним открывались в этом отношении возможности. Самый факт вхождения в число выделенных военно-промышленных компаний такого промышленного гиганта, как концерн тяжелой промышленности Мицубиси, красноречиво свидетельствует о том, что привилегии закона о военно-промышленных компаниях превосходили возлагавшиеся на них «обязательства».

Политические моменты реорганизации

Теперь необходимо в новой связи указать и подчеркнуть уже отмеченные факты, касающиеся наиболее важного вопроса: какой группировке — деловым или воен-

ным кругам — предстояло руководить осуществлением закона о компаниях военной промышленности. В октябре 1943 г. Тодзио стал министром вооружений, а Киси стал государственным министром и одновременно вице-министром вооружений. Однако, согласно японским сообщениям, премьер Тодзио «фактически не будет осуществлять функций оперативного контроля над деятельностью вице-министра Киси; его более высокое положение будет выражаться лишь административно». Последующие восемь месяцев, прошедшие до ухода Тодзио со сцены в июле 1944 г., показали, что это положение было определенным политическим обязательством, которое премьер выполнял весьма точно. Он созывал начальников бюро во главе с Киси на формальные совещания, где разъяснял их обязанности. Он эпизодически посещал военные заводы, он выступил с речью в Промышленном клубе перед лидерами Японской экономической федерации. Но оперативное руководство министерством вооружений было в руках Киси. Фигура Киси, быть может, не вполне устраивала лидеров деловых кругов: он, в конце концов, был чиновником, сделавшим карьеру в Маньчжоу-Го. Но на чрезвычайной сессии парламента в октябре 1943 г. он горячо защищал контрольные ассоциации, переживавшие непосредственно до и после образования министерства вооружений критический период своего существования. При существовавшем тогда политическом равновесии, когда влияние Тодзио падало с каждым новым поражением Японии на Тихом океане, Киси в роли полновластного распорядителя японской экономики был безусловно приемлемым лицом для обеих сторон.

Во всяком случае, у лидеров деловых кругов был другой — и несравнимо более сильный — кандидат. Не следует забывать, что в составе советников кабинета был старый промышленник Гиндзиро Фудзивара, тесно связанный с концерном Мицуи. Его назначение в число советников кабинета имело особое значение, так как известно, что во время проходившей в 1942 г. борьбы вокруг экономических проблем Фудзивара яростно нападал на правительство. 4 января 1943 г. в радиосообщении о статье «известного финансиста-промышленника»

Гиндзио Фудзивара, написанной им для «Ёмиури-Хоци», были приведены следующие слова:

«Я прекрасно знаю, что в качестве президента Корпорации промышленного оборудования я работаю как на боевой линии фронта войны, так и на внутреннем фронте обороны... Раз положение таково, мой долг — не просто вести свои дела, как их ведут обычно. Когда я бываю уверен в том, что мои собственные методы более соответствуют положению, я излагаю свое особое мнение по поводу определенных распоряжений правительства. Правительство охотно принимает мои замечания, если они приемлемы в условиях военного времени... Я даже вступаю в горячие споры и пререкания, чтобы добиться принятия своих взглядов, когда считаю их ценными для разрешения производственных задач. Проведенное лично мною в 1942 г. обследование целого ряда предприятий во многих частях Японии убедило меня в том, что есть еще достаточно возможностей для расширения производства внутри страны. Я не отрицаю того, что Японии еще предстоит пройти много политических и экономических трудностей, но их можно преодолеть, если и правительственные чиновники, и финансисты, и промышленники, а также и широкие слои населения приложат к тому соответствующие чрезвычайные усилия».

Вскоре после чрезвычайной сессии парламента, проведенной в июле 1943 г., события, связанные с деятельностью Фудзивара, получили значительное развитие: в июле — сентябре 1943 г. он провел правительственное обследование промышленных предприятий, в ноябре 1943 г. он был назначен министром без портфеля в кабинете Тодзио, в июле 1944 г. — министром вооружений в кабинете Койсо. Невозможно точно установить, наметили ли советники кабинета такое развитие событий заранее, но изучение их представляет некоторый интерес.

Здесь вновь решающее значение принимает распределение происшедших событий во времени. 20 апреля президент «Планового бюро» генерал-лейтенант Судзуки был назначен первым правительственным инспектором, согласно положению о созданной внутри Высшего эконо-

мического совета системе правительственной инспекции. 13—21 мая он провел первое правительственное обследование, сосредоточив его «на важнейших предприятиях Иокогамы и Кавасаки». В качестве доказательства той важности, которая придавалась этим обследованиям, следует заметить, что 12 июня премьер лично докладывал императору о результатах инспекционной поездки Судзуки. Таким образом, генерал-лейтенант Судзуки в начале игры забил первый мяч в пользу армии.

25 июня информационное бюро сообщило, что советник кабинета Гиндзио Фудзивара назначен вторым правительственным инспектором и вскоре предпримет второе правительственное обследование, на этот раз «металлургических заводов на Хоккайдо и в северо-восточной Японии, а также и прилегающих к ним железнорудных бассейнов». Фудзивара провел свое обследование во второй половине июня и 21 августа представил кабинету доклад, касавшийся главным образом значения каменно-угольных копей Хоккайдо для производства железа. 29 августа ему было поручено произвести третье обследование — на сей раз авиапромышленности. К этому времени у членов кабинета и их экономических советников уже сложилось ясное представление о проектируемом министерстве вооружений, которому предстояло разрешить задачу увеличения выпуска продукции авиапромышленностью. Представленный в сентябре доклад Фудзивара об обследовании авиазаводов был приурочен по времени к первой вспышке яростной борьбы вокруг создания министерства вооружений. Проведенная им подготовка была закончена.

Следующий ход был гораздо более показателен и, очевидно, был тщательно подготовлен политическими сторонниками Фудзивара. 17 ноября тайный совет одобрил получившее затем санкцию кабинета изменение, внесенное в императорский эдикт, предусматривавшее пересмотр ст. 10 положения об организации кабинета с тем, чтобы можно было назначить четвертого министра без портфеля. Одновременно было объявлено о назначении на этот пост Гиндзио Фудзивара. Его назначение было предварительно «секретно представлено трону» и

получило императорскую санкцию. Доводы, которые приводились в объяснение этого изменения состава кабинета, с полной очевидностью обнаруживали падение престижа и авторитета Тодзио. В первом доводе подчеркивалось, что назначение нового государственного министра было выражением проводимой политики «усиления власти премьера во исполнение эдикта о чрезвычайных полномочиях правительства в военное время». Во втором доводе указывалось, что такое назначение усилит политическую силу кабинета «для борьбы за увеличение боеспособности, являющейся важнейшей задачей в создавшейся обстановке». 17 ноября — непосредственно после своего назначения — Фудзивара сделал заявление, в котором обещал уделить «максимальное внимание увеличению производства самолетов».

С назначением Фудзивара на его новый пост лидеры деловых кругов значительно укрепили свои позиции в отношении руководства деятельностью министерства вооружений. И действительно, старый промышленник, достигший уже 75-тилетнего возраста, был поставлен на пост, дававший ему возможность контролировать деятельность Киси и обеспечивать, таким образом, направление политики нового, обладавшего широкими полномочиями органа экономического контроля — министерства вооружений. В одном из наиболее откровенных и, весьма вероятно, инспирированном деловыми кругами обзоров положение, которое предстояло занять Фудзивара, определялось настолько ясно, что на этот счет не оставалось никаких сомнений. Для воплощения в жизнь закона о военно-промышленных компаниях, говорилось в этом обзоре, «необходимы полное понимание и напряженные добровольные усилия со стороны гражданских лиц... Совершенно ясно, что необходимо также принять и прямую ответственность за выполнение программы военного производства... Целью правительственного обследования является не только выявление недостатков, но и изучение соответствующих мероприятий и осуществление руководства в целях улучшения положения; желательно, чтобы такое наблюдение велось регулярно изо дня в день и по всей стране. Мы горячо надеемся, что обладающий авторитетом в этих вопросах

министр без портфеля Фудзивара примет к этому позитивные меры»¹.

Назначение Фудзивара было последним из крупных событий, связанных с кардинальной реорганизацией высших органов управления экономикой Японии, произведенной в октябре и ноябре 1943 г. Ее масштабы и характер вновь свидетельствовали о работе Наоки Хосино, уже два года занимавшего пост генерального секретаря кабинета. Хосино, Тодзио и Судзуки были главными творцами этой реорганизации со стороны армии. Однако окончательную форму придали реформе Киси и лидеры деловых кругов — в особенности в ее экономическом значении, воплощенном в законе о военно-промышленных компаниях.

И та и другая стороны лишились своих особых экономических органов: армия — «Планового бюро», а деловые круги — своего традиционного оплота в лице министерства торговли и промышленности. При поверхностном взгляде может показаться, что был достигнут взаимный компромисс, интересы обеих сторон слились в новом министерстве вооружений, о чем свидетельствовало назначение в состав девяти бюро министерства и офицеров действительной службы, и бюрократов-чиновников, и представителей деловых кругов. Но это «равенство» было чисто номинальным. «Плановое бюро» совершенно исчезло со сцены, и восстановить его в качестве органа армии было далеко не легким делом. Министерство вооружений, главную роль в котором с самого момента его возникновения играли представители деловых кругов,

¹ Когда Фудзивара был назначен министром без портфеля, он покинул пост советника кабинета. 17 ноября было объявлено о назначении трех новых советников и увеличении их числа до 10. Одним из новых советников был генерал-лейтенант Судзуки, введенный 1 ноября, после ликвидации «Планового бюро», в число членов верхней палаты. Вторым был Ёсисуге Аюкава, возглавлявший компанию «Ниссан», и тоже назначенный в конце 1942 г., после ухода с поста президента Компании по промышленному развитию Маньчжурии, членом верхней палаты. Третьим новым советником был Кейто Гото, президент Токийской компании электроэкспрессов, Японской компании по добыче газа, вице-президент Токийской ассоциации торговли и промышленности, связанный со многими, главным образом транспортными, компаниями.

занимавшие высокие политические посты, становилось органом только деловых кругов. Важнейшим преимуществом реорганизации в целом было значительно более ясное разграничение юрисдикции отдельных ведомств в области транспорта, гражданской экономики и военного производства. Наибольшее значение имели унификация в деле предоставления преимуществ — приоритет — и размещение заказов, в особенности для авиационной промышленности и смежных с ней отраслей промышленности. Но, поскольку военное и морское министерства сохранили в своих руках ведомственный контроль над судостроительной и артиллерийской промышленностью, составлявшими немалую часть всей военной промышленности, — объединение всей сферы производства никак нельзя назвать полным. Мало того, ведомственный контроль над нефтью осуществлялся тремя министерствами — военным, морским и вооружений. Этим сохранившимся элементам раздробленности в управлении экономикой предстояло сделаться причиной затруднений в следующем году.

МИНИСТЕРСТВО ВООРУЖЕНИЙ ПРИ ТРЕХ КАБИНЕТАХ

(1944—1949 гг.)

Глава IX

ПЕРЕДАЧА КОНТРОЛЯ НАД ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ МИНИСТЕРСТВУ ВООРУЖЕНИЙ

В конце ноября 1943 г. агентство «Домей» в своем обзоре указывало, что реорганизация кабинета способствует устранению «главнейших препятствий в производстве вооружений», каковыми являлись «разнобой в размещении заказов и недостаток необходимых транспортных возможностей». «Однако, — говорилось далее в обзоре, — следует считать, что остаются нерешенными еще многие вопросы, касающиеся укрепления и действительного осуществления системы приоритета, унификации системы размещения заказов, дальнейшей реорганизации промышленности, реформы управления транспортом и реорганизации системы распределения». Делая основной упор на систему приоритета и унификацию системы размещения заказов, это сообщение действительно указывало на главнейшие недостатки управления военной экономикой Японии в 1942—1943 гг. Целый ряд «неразрешенных» проблем 1943 г. не был разрешен и в 1944—1945 гг., и вокруг них вращались все мероприятия, направленные к поднятию эффективности системы управления военного времени.

Не следует думать, что министерство вооружений добилось в этом отношении каких-либо существенных улучшений, хотя бы подобных тем, которые имели место в ноябре 1943 г. Приступая к своей практической деятельности, министерство проявляло чрезмерную осторожность. Несмотря на неотложность задачи, для выполнения которой оно было создано, новое министерство взяло в свои руки рычаги управления промышленностью

лишь после длительной проволочки. Бóльшая часть 1943 г. была потрачена на борьбу, развернувшуюся в основном вокруг вопроса об условиях, на которых можно было создать министерство вооружений. Борьба за создание этого органа в конце концов завершилась императорским эдиктом, датированным 1 ноября. Но последний акт еще не был сыгран. Фактически новое министерство не начинало своей деятельности в области промышленности до 15 января 1944 г., когда в его ведение была выделена — в порядке закона о военно-промышленных компаниях — первая группа промышленных концернов. И только тогда стало ясно, что до передачи министерству вооружений административного управления авиапромышленностью военное и морское министерства не прекращали вести закулисную борьбу.

В течение этих двух с половиной месяцев внешне все текло спокойно и неторопливо. 23 ноября в резиденции премьера было созвано первое совещание руководящих работников министерства вооружений. Тодзио выступил перед начальниками бюро с «инструктивной речью», с ответной речью выступил вице-министр Киси. 10 декабря на заседании кабинета были утверждены общие бюджетные ассигнования на 1944/45 финансовый год в сумме 15 243 млн. иен. Министерству вооружений было предоставлено около 1 млрд. иен, причем половина этой суммы предназначалась на закупку материалов для авиационной промышленности — железа, угля и других важнейших материалов и машинного оборудования. Ассигнование этой суммы представляло еще одну попытку преодолеть затруднения системы приоритета, поскольку оно обеспечивало министерство вооружений средствами, которые оно могло распределить между важнейшими военными заводами.

17 декабря министерство издало правила, которыми должны были руководствоваться предприятия, выделенные в его ведение в порядке закона о военно-промышленных компаниях. Однако проходили недели, но ни одна компания не была выделена. Затем, в первой половине января, последовало разъяснение, что такая задержка вызывается «нежеланием со стороны военных властей допустить передачу» их административных

функций. 15 января «в установленный для передачи административных функций срок», как гласило заявление, министерство вооружений, «наконец, примет полную ответственность за то, что всегда было его важнейшей задачей — за авиапромышленность». Указывалось, что «причина, в силу которой передача не последовала непосредственно за созданием министерства вооружений, заключалась в том, что нельзя было допустить даже малейшей задержки в производстве самолетов». Агентство «Домей» следующим образом «разъясняло» эту задержку: «Штабы воздушных сил армии и флота, обеспокоенные возможным снижением производства самолетов в период передачи предприятий, продолжают осуществлять свою юрисдикцию над авиапромышленностью».

Эти заявления объясняют основной политический спор, разгоревшийся вокруг создания министерства вооружений, и доказывают, что победу в этой борьбе одержали деловые круги. В начале борьбы морское и военное министерства занимали сильную позицию благодаря тому, что авиационная промышленность была в их ведении. Однако основным камнем преткновения являлось то, что для увеличения производительности авиапромышленности эти два министерства должны были подчинить своему полному контролю мобилизованные в 1944 г. для выполнения этой задачи крупнейшие секторы промышленности. Величина привлеченных к этой задаче корпораций, в число которых входили промышленные гиганты Японии, и громадная политическая и экономическая мощь этих концернов делали их слишком крупным куском, проглотить который было не под силу военным и морским лидерам. И для выполнения стоявшей перед ними задачи последние волей-неволей должны были согласиться на создание министерства вооружений, в котором интересы деловых кругов охраняли Киси и Фудзивара. Ирония «нежелания» лидеров военины усугублялась тем, что Тодзио, упорно выставлявший себя «военным диктатором» Японии, был не только премьером, но также и военным министром. Но ни в качестве одного и ни в качестве другого и даже ни в качестве и того и другого вместе он не смог заставить финансово-промышленную олигархию Японии подчи-

ниться воле армии. А поскольку для дальнейшего ведения войны необходимо было увеличить продукцию авиапромышленности, армии пришлось, хотя и неохотно, уступить. Если вспомнить, что борьба за достижение этой цели заняла целый год, то станет понятным все военное значение борьбы за контроль над управлением японской экономикой в 1943 г. В этой борьбе деловые круги Японии ни в малейшей степени не дали запугать себя даже тем, что их страна стояла перед величайшим военным кризисом в ее истории.

Окончательное соглашение о передаче юридической власти было, как видно, достигнуто в последние десять дней декабря. В соглашении были сделаны «уступки» в отношении «специализации генерального бюро авиационного вооружения», что служило явным намеком на то, что некоторые разделы производства передавались неполностью. Дальнейшее развитие событий показало, что одним из таких разделов была переработка нефти, а также судостроение и морская артиллерия. На генеральное бюро авиационного вооружения¹ министерства вооружений возлагалась задача планирования и распределения основных материалов для широкого развертывания авиапромышленности. Это планируемое распределение охватывало важнейшие виды материалов, электроэнергию, транспорт и рабочую силу. Главнейшая задача министерства вооружений лежала именно в этой области, хотя оно постепенно установило свой контроль и над производством целого ряда других предметов вооружения. Свои наиболее важные права министерство осуществляло в отношении выделенных военно-промышленных компаний, в число которых входили крупнейшие в Японии промышленные предприятия дзайбацу.

В половине января 1943 г. с передачей авиапромышленности в ведение министерства вооружений был осуществлен целый ряд тщательно подготовленных мероприятий. 12 января на заседании кабинета были утверждены опубликованные еще 17 декабря обязательные

¹ Этот термин не означает «вооружение» в узком смысле авиационного «оружия», но охватывает все, касающееся авиационного производства.

правила, предусматривающие применение положения о выделенных военно-промышленных компаниях. 15 января были выделены первые 150 таких компаний. 16 января в Токио была формально создана Ассоциация авиационной промышленности.

Новая ассоциация была подчинена руководству министерства вооружений и охватывала всю гражданскую авиационную промышленность Японии. Она была создана путем слияния двух ассоциаций авиационной промышленности, прежде подведомственных соответственно военному и морскому министерствам. Цель ассоциации определялась следующим образом: «Действуя в качестве одного из трех органов, в число которых, кроме ассоциации, входят министерство вооружений и генеральный штаб сухопутных и морских воздушных сил, — содействовать увеличению продукции авиапромышленности». Ассоциация должна была содействовать увеличению производительности, повышению технической квалификации и улучшению использования рабочего времени. Последнее, безусловно, относилось к осуществленной несколько позже «реформе» 24-часового рабочего дня, вначале построенного на 12-часовых сменах. Новая ассоциация должна была также действовать в качестве «связующего звена» с генеральным бюро авиационного вооружения министерства вооружений в целях координации проблем транспорта, электроэнергии и сырья. Таким образом, была введена новая форма промышленной координации. В отличие от обычных контрольных ассоциаций, эта Ассоциация авиационной промышленности не имела отношения к предоставлению приоритетных лицензий, которое осуществлялось министерствами через выделенные военно-промышленные компании. Однако, прежде всего, новая ассоциация открывала промышленникам широкий путь для осуществления своего влияния на политику министерства вооружений.

В министерстве вооружений наибольшее значение имели три должностных лица: министр, вице-министр и начальник бюро тотальной мобилизации. Бюро тотальной мобилизации приняло на себя большинство функций, которые прежде выполнялись «Плановым бюро», находившимся под господством армии. Его последова-

тельно возглавляли два гражданских лица — Цутия и Сиина. В число функций этого бюро, кроме разработки общегосударственных планов «мобилизации материалов», входила и новая задача — осуществление общего наблюдения за военно-промышленными компаниями. Генеральное бюро авиационного вооружения, ведавшее технической стороной самолетостроения¹, возглавлял армейский офицер, генерал-лейтенант Сабуро Эндо. В штабе этого бюро было много армейских и морских офицеров, что не должно вызывать изумления, поскольку до образования министерства вооружений контроль над авиапромышленностью осуществлял объединенный генеральный штаб сухопутных и морских воздушных сил.

Агентство «Домей» 30 декабря 1943 г. сообщило, что «большинство должностных лиц» генерального бюро авиационного вооружения «составят офицеры армии и флота». «Более того, — продолжало агентство, — часть этих офицеров сохранит свои посты в соответствующих бюро и управлениях армии, флота и министерства вооружений. В отношении производства авиационного вооружения армия, флот и министерство вооружений будут совершенно единодушны и будут осуществлять свои функции в самом тесном сотрудничестве». К этому сообщению следует относиться с известной осторожностью, поскольку оно относится к тому периоду, когда было необходимо объяснить задержку в передаче министерству вооружений «некоторых военных проблем» от генерального штаба сухопутных и морских воздушных сил.

В качестве начальника генерального бюро авиационного вооружения генерал-лейтенант Сабуро Эндо занимал

¹ Это бюро состояло из секретариата, пяти отделов и 21 секции. Общий отдел состоял из секций общих дел, административной, технической, труда, транспорта и повышения производительности. Остальные отделы состояли: первый отдел — секции фюзеляжей и моторов; второй отдел — секции запасных частей, измерительных приборов, оптики, электрооборудования, огнестрельного и бомбового вооружения; третий отдел — секции материалов, машинного оборудования, железа, сплавов и деревянных частей; четвертый отдел — секции учета: первая секция договоров и вторая секция договоров. В 1944 г. министерство вооружений образовало отдельное бюро оружия, которое ведало вооружением самолетов.

в министерстве вооружений самый важный из всех предоставленных военным постов. Он сохранял этот пост во время пребывания у власти трех кабинетов, в период, когда деловые круги усиливали свое влияние на правительство, — это свидетельствует о том, что он был лицом, приемлемым для дзайбацу. 22 декабря 1943 г., в самом начале своей работы в министерстве, он заявил на конференции губернаторов, что «победа или поражение» зависят «от немедленного выпуска самолетов в массовом масштабе» и, заканчивая свое выступление, заявил, что соответствующего увеличения выпуска самолетов можно достигнуть, только «начав с энергичных усилий в финансовой сфере и путем тотальной мобилизации сырья и рабочей силы». Как следует из выступления Эндо, армия, как видно, не меньше, чем промышленники, одобряла политику обеспечения заинтересованности предпринимателей путем предоставления крупных фондов промышленным предприятиям, — политику, проводившуюся с таким размахом, что вскоре она вызвала крики о расточительности.

По имеющимся отдельным неполным данным можно заключить, что положение Эндо представляло исключение из общего правила. Не только «Бюро тотальной мобилизации», но и большинство других бюро возглавлялись гражданскими лицами из числа чиновников или представителей деловых кругов. В ноябре 1943 г. начальником Бюро цветных металлов был назначен Хадзимо Кагаяма, бывший вице-президент Северо-Китайской горнопромышленной компании Сумитомо. Первым начальником Бюро электроэнергии был Токусабуро Сёбара, чиновник, получивший 11 апреля 1944 г. назначение на пост президента Бюро связи. На его место 18 апреля был назначен Мацуо Араки, чиновник, тоже служивший в министерстве связи. Весной 1944 г. Топливное бюро министерства вооружений возглавлял Итаро Хасанума, тоже, очевидно, из рядов бюрократии. На главнейших постах в других бюро — химических продуктов и машинного оборудования — также преобладали кадровые чиновники или представители деловых кругов. Однако армейские офицеры занимали важнейшие посты в управлении инспекции министерства вооружений,

местные представители которого в окружных административных советах осуществляли всесторонний надзор за выделенными военно-промышленными компаниями.

Созданная 4 апреля 1944 г. Консультативная ассоциация предприятий по производству вооружения символизировала «новую эру», которая открылась с созданием министерства вооружений, когда «народ» стал сотрудничать с правительством в стремлении поставить японскую военную экономику на базу массового производства. На учредительном собрании ассоциации присутствовало 103 руководителя выделенных военно-промышленных компаний, в качестве почетного гостя был приглашен начальник Бюро тотальной мобилизации министерства вооружений Эцусабуро Сиина. В число членов консультативной ассоциации было избрано 35 предпринимателей, в том числе такие лица, как Рёдзо Асано, президент Японской стальной компании. Президентом этой новой ассоциации был адмирал Тэйдзиро Тоёда, советник кабинета, о деятельности которого в различные периоды мы уже упоминали. Ассоциация должна была проводить ежемесячные совещания с целью «обмена мнениями» по вопросам о руководстве военно-промышленными компаниями и по общим вопросам, касающимся входящих в ассоциацию предприятий. Считалось, что она «возглавит» тех промышленников, которые поддерживают принципы закона о военно-промышленных компаниях, и таким образом «обеспечит выполнение» положения этого закона.

Первый период деятельности министерства вооружений закончился 25 апреля 1944 г., когда ему были переданы еще 424 военно-промышленные компании. В первую группу из 150 компаний были отобраны главным образом предприятия по выплавке и обработке легких и цветных металлов, железа и стали, по выработке химических продуктов, а также и машиностроительные, во второй список вошли предприятия каменноугольной промышленности, электростанции и газовые заводы. Для быстрого увеличения выпуска продукции этим выделенным компаниям предоставлялись все возможности. Им предоставлялся приоритет в отношении материалов и рабочей силы, а также и щедрая финансовая поддержка.

Некоторые отрывочные данные указывают на то, что для обеспечения максимального стимула прибыли для всех входящих в списки выделенных компаний было проведено значительное изменение цен.

Высокие прибыли для дзайбацу были одним из основных пунктов в борьбе вокруг министерства вооружений. С самого начала своей деятельности новое министерство распоряжалось размещением заказов и установлением цен для выделенных предприятий. Контроль над распределением рабочей силы и установлением заработной платы даже для выделенных предприятий первоначально принадлежал министерству труда, но 27 марта 1944 г. было сочтено необходимым возложить обеспечение этих предприятий рабочей силой на министерство вооружений¹. Министерство финансов сохранило полный контроль над финансированием военно-промышленных компаний. Но фактически в руководстве финансированием министерство вооружений тесно сотрудничало с Японским банком, и финансирование осуществлялось через организованные правительством и частными банками «выделенные» группы банков. Эти группы пользовались средствами более мелких банков, «концентрируя, таким образом, все финансовые возможности страны на производство вооружений». Эта система имела большие преимущества, так как она обеспечивала делу увеличения продукции военной промышленности полную поддержку как со стороны банкиров, так и со стороны промышленников: первых правительство гарантировало от убытков, а вторые обеспечивались неограниченными кредитами². Увеличение выпуска продукции было столь настоятельной необходимостью, что финансовая стабильность была принесена в жертву. К весне 1945 г. инфляция стала достигать таких масштабов, что это породило серьезную тревогу в правящих кругах Японии.

¹ Установление заработной платы все еще оставалось за министерством труда.

² Крупнейшие концерны дзайбацу — Мицун, Мицубиси, Ясуда и Сумитомо были и крупнейшими промышленниками и крупнейшими банками страны. В операциях с военно-промышленными компаниями они получали прибыли из обоих каналов.

Глава X

АПОГЕЙ МИНИСТЕРСТВА ВООРУЖЕНИЙ

Падение кабинета Тодзио в июле 1944 г. означало для Японии конец целого периода. Во время пребывания этого кабинета у власти японцам одно время казалось, что Восточная Азия уже лежит у них в кармане, а победа обеспечена. Когда же этот кабинет пал, война приближалась уже к берегам Японии, а впереди стали ясно вырисовываться грозные контуры тяжелой борьбы.

Напряженность момента особенно ясно отражалась в экономической области. С июля по декабрь 1944 г. министерство вооружений возглавлял Фудзивара, более года до этого руководивший этим министерством, скрываясь за кулисами. В указанные месяцы министерство вооружений достигло зенита своего могущества. Подгоняемая нависшей военной угрозой, продукция военной промышленности резко возросла, развивая темпы, резко отличные от летаргии минувшего лета. Поступавшие в изобилии денежные средства, казалось, достигали своей цели, хотя сообщения с фронтов войны умеряли оптимизм, по временам проявлявшийся в сообщениях о производственных успехах.

О предстоящем уходе Тодзио с политической арены говорил целый ряд компромиссов, каждый из которых был новым отступлением военщины перед деловыми кругами и лидерами партий. С весны 1943 г., как только наступил период поражений, престиж Тодзио стал неуклонно падать, и его политический статус оказался безнадежно скомпрометированным его ответственностью за военные неудачи. Это падение влияния в 1943—1944 гг. прошло через четыре стадии: создание института экономических советников кабинета (17 марта 1943 г.); переформирование кабинета в угоду парламентским лидерам и кадровому персоналу министерства иностранных дел (20 апреля 1943 г.); назначение Фудзивара министром

без портфеля (17 ноября 1943 г.); реорганизация кабинета и перемещения в составе верховного командования (19—20 февраля 1944 г.).

В последнем случае речь идет о назначении трех новых министров: Сотаро Исивата, кадровый чиновник-бюрократ, был назначен министром финансов; Кейта Гото, лидер деловых кругов, — министром транспорта и связи; Синъя Уида, кадровый чиновник-бюрократ и бывший член парламента, — министром земледелия и торговли¹. На следующий день, 20 февраля, начальники генеральных штабов армии и флота были освобождены от своих обязанностей, их посты были соответственно переданы премьеру Тодзио и его морскому министру адмиралу Сигетаро Симада. Эти изменения в составе верховного командования были связаны с потерей Кавад-жалейна на Маршалских островах и с разрушительными налетами на о. Трук, выведшими из строя этот японский оплот в южной части Тихого океана. Но еще большая концентрация власти в руках Тодзио — он был теперь премьером, военным министром, начальником генерального штаба сухопутной армии, министром вооружений — делала его политически более уязвимым. Потеря Сайпана и первые налеты бомбардировщиков В-29 на собственно Японию привели к отставке кабинета Тодзио, последовавшей 18 июля 1944 г. после 33-месячного пребывания у власти — срок достаточно долгий для кабинета в Японии.

Возглавляемый генералом Куниаки Койсо, новый кабинет символизировал политическую перемену, происшедшую со времени начала падения влияния Тодзио весной 1943 г. Премьер Койсо, в прошлом один из экстремистских армейских лидеров, впоследствии пришедший

¹ Указывалось, что новые министры являются «специалистами», могущими более эффективно справиться с экономическими затруднениями, но действительной причиной их назначения, очевидно, была необходимость для Тодзио сделать некоторый жест в ответ на парламентскую критику. Реорганизация не принесла никаких изменений политического лица кабинета. Новые министры заняли места, которые до того занимали Окинобу Кая (кадровый чиновник-бюрократ), Ёсиаки Хатта (лидер деловых кругов) и Тацуносукэ Ямадзак (член парламента — кадровый чиновник).

к соглашению с деловыми кругами, занимал только один пост. Придерживавшийся консервативных взглядов в политике морской министр адмирал Мицумаса Ёнай в качестве «заместителя» премьера помогал сформировать кабинет. Шесть членов возглавлявшегося Ёнай в 1940 г. консервативного кабинета получили портфели в кабинете Койсо¹. Министр иностранных дел Сигемицу не только остался в составе кабинета, но занял одновременно также и пост «министра по делам великой Восточной Азии». Таким образом, одним ударом были устранены все политические затруднения, связанные с «министерством по делам великой Восточной Азии». Министерские посты получили три лидера старых партий: Ёнэдзо Маэда (министерство транспорта и связи), Тосио Симада (министерство земледелия и торговли) и Тюдзи Мациды (министр без портфеля), а граф Хидэо Кодاما, член фракции Кенкюкай верхней палаты, был также назначен министром без портфеля. Кадровые чиновники-бюрократы получили посты министров внутренних дел, финансов и юстиции.

При помощи этих изменений было восстановлено политическое равновесие, и каждая группировка в правящей коалиции получила соответствующее количество министерских постов. Назначение Гиндзиро Фудзивара министром вооружений завершало «возврат к нормальному положению». В качестве советника кабинета Фудзивара много способствовал созданию этого министерства. В качестве министра он выполнял для лидеров деловых кругов ценнейшие функции связи, хотя официально только проводил обследования и докладывал кабинету свои соображения. Теперь он полностью взял в свои руки всю деятельность министерства вооружений.

Фудзивара сам был живым опровержением опасного мифа, будто лидеры деловых кругов Японии не стремятся создать империю силой меча. Его явно экспансионистские взгляды были выражены в сборнике переводов его

¹ Пятеро из них были вице-министрами в таком же консервативном кабинете Хиракумы в 1939 г. Койсо был министром колоний в обоих кабинетах. Группа Койсо — Ёнай была создана для преодоления возникших при Тодзио разногласий между армией и флотом.

лекций¹. Эти взгляды полностью разделяли другие представители его класса. Именно этот класс, а не военные, был главной политической силой в Японии. Репутация, опыт и выдающиеся административные способности Фудзивара заставили промышленников остановить на нем свой выбор для первоначального закрепления победы, достигнутой в борьбе за создание министерства вооружений.

Лихорадочное увеличение продукции военной промышленности

В течение 1944 г. министерство вооружений прилагало все силы для разрешения сложной задачи ускорения выпуска самолетов. Поскольку оно не смогло обеспечить выпуск такого количества самолетов, которое было бы равным воздушным силам, брошенным против Японии, оно неизбежно оказывалось уязвимым для критики, и в конечном счете ему и была приписана вина за неудачу. Но при объективной оценке его деятельности необходимо учитывать ограниченность возможностей, в рамках которой протекала его деятельность. Слова генерал-лейтенанта Сабуро Эндо, заявившего, что массовое производство является «чем-то новым для прежней экономической системы Японии» и что его достижение является «новой победой», были сами по себе убедительным признанием этой ограниченности возможностей.

Достигнутые результаты никак нельзя было назвать незначительными. Уже в июне 1945 г., во время налетов на Кюсю, «Нью-Йорк таймс» сообщала, что летчики с американского авианосца сообщали об упорном сопро-

¹ Ginjiro Fujihara, *The Spirit of Japanese Industry*, Tokyo, 1936. На 134 стр. этой книги Фудзивара высказывает следующие соображения: «Дипломатия, не подкреплённая силой, ничего не стоит. Теперь величайшей силой является военная готовность, опирающаяся на армию и флот. Если у нас есть уверенность в защите, мы можем спокойно распространять свою деятельность вне наших границ, создавать там различные предприятия. В этом смысле любые издержки на вооружения являются одним из видов инвестиций. Надеюсь, что меня не поймут превратно, но, по моему мнению, подготовленность является инвестицией, имеющей целью обеспечить необходимую силу для осуществления национальной экспансии, которая при ином положении невозможна».

тивлении, оказанном опытными японскими летчиками, летавшими на самолетах нового типа, превосходящих по своим качествам «корсары»¹. Ссылка на «опытных летчиков» указывает еще на один источник слабости. Неспособность японского командования обеспечить достаточную подготовку личного состава для замещения убыли опытных летчиков являлась серьезным фактором слабости Японии в воздухе. Однако проблема количества выпускаемых самолетов была той основной проблемой, которая так и осталась неразрешенной. В распоряжении японских промышленников не было средств для подъема производственных мощностей на необходимую высоту, чтобы сравнять японскую авиацию с сосредоточенными против Японии воздушными силами союзников². И разрешению именно этой проблемы количества Фудзивара и уделил свое основное внимание.

В течение 1944 г. министерство вооружений прилагало энергичные усилия для увеличения производства легких металлов, станков, стали и цветных металлов. Энергичная деятельность в этой сфере отражала растущую нехватку коммерческого тоннажа и связанные с этим трудности доставки необходимых материалов из Индонезии и других южных районов. Эти усилия являлись при этом мерами предосторожности, исходившими из признания угрозы потери южных районов. Всячески поощрялось увеличение производства алюминия в самой Японии путем интенсивной разработки относительно бедных, неэкономичных бокситов во внутренней зоне — в самой Японии, Маньчжурии и Корее. Увеличение выработки гидроэлектроэнергии в Корее и Маньчжурии путем использования новых плотин на Ялу и Сунгари частично предназначалось для увеличения металлического выпуска магнезии.

¹ *New York Times*, 5 июня 1945 г.

² Согласно сообщению американского Бюро военной информации от 6 июля 1945 г., воздушные силы Японии составляли всего около 4 тысяч боевых самолетов и 600 тысяч человек летного и наземного персонала, включая как армейскую, так и морскую авиацию. Это являлось явно недостаточной силой для обеспечения всех важнейших пунктов системы ее обороны. Япония выпускала от 1250 до 1500 самолетов в месяц (там же, 7 июня 1945 г.).

Производство смол, кокса, газа и соды, необходимых для обработки легких металлов, было значительно увеличено. Особое внимание уделялось увеличению выплавки специальных сталей. Непрерывные усилия, направленные на реорганизацию и укрепление станкостроения, проявлялись в проведенных в течение лета кампаниях по закупке принадлежащих частным лицам алмазов, платины и серебра. Были приняты чрезвычайные меры для увеличения выпуска продуктов нефтяной промышленности, часть предприятий которой находилась в ведении министерства вооружений, а другая часть — в ведении военного и морского министерств. Производство синтетического горючего, и ранее развивавшееся весьма интенсивно, было вновь резко увеличено, что служило еще одним доказательством недостатка тоннажа и опасения потерять южные районы. Авиационная промышленность была переключена на круглосуточную работу, сначала на базе двухсменной, а впоследствии трехсменной работы. А в центре всей этой деятельности лежала осуществленная в порядке закона о военно-промышленных компаниях широкая реорганизация предприятий, выделенных в ведение министерства вооружений.

«Объединение» управления производством вооружений

29 июля 1944 г. на первой после своего назначения пресс-конференции Фудзивара с необычной прямотой заявил о существовании расхождений между армией и деловыми кругами в отношении управления экономикой. В своем выступлении он обратил внимание на весьма существенные препятствия, все еще мешающие объединению руководства военной экономикой, и подчеркнул необходимость полной передачи руководства в руки деловых кругов. «В своем настоящем виде, — сказал Фудзивара, — министерство вооружений является предприятием, выпускающим самолеты, так как производство сухопутных вооружений находится в руках управления артиллерийского и технического снабжения армии, а судостроение — в руках управления военного кораблестроения. Чтобы руководство военной промышленностью было более эффективным, эти два управления должны

установить тесные взаимоотношения с министерством вооружений. Только когда авиационная промышленность, судостроение и производство сухопутных вооружений будут переданы под единый контроль, только когда можно будет планировать типы и стандарты военной продукции в соответствии с военными операциями, только тогда будет возможна унификация и — что еще важнее — будут урегулированы цены»¹.

Эта тройственность руководства, на которую ссылался Фудзивара, была тем спорным вопросом, который в том или ином виде постоянно возникал в течение лета 1944 г. Интерпеляции на чрезвычайной сессии парламента 6—12 сентября неоднократно касались вопросов нефти и судостроения, которые не подлежали «единому управлению». Морской министр Ионай заявил, что он «в настоящее время не предполагает передать бюро военного кораблестроения министерству вооружений, потому что такой шаг скорее затруднит производство, чем будет содействовать ему». На заданный в верхней палате вице-адмиралом Масадзо Сакондзи вопрос об «объединении управления нефтяной промышленностью» Фудзивара ответил, что такое объединение «желательно», но немедленные изменения весьма затруднительны и он изыскивает пути улучшения «управления гражданскими предприятиями и предприятиями военного и морского ведомства и распределения нефти для военных нужд»².

Наконец, Такуо Годо, еще один вице-адмирал, ставший коммерсантом, затронул более обширную проблему, спросив премьера, намеревается ли он создать орган «для координации военной стратегии, мобилизации ресурсов и производства». Койсо ответил, что кабинет «изучает такой план». Дебаты закончились заявлением морского

¹ Несколько некстати сделанное в конце заявления упоминание о ценах невольно раскрывает одну из причин, вызывавших особые заботы Фудзивара.

² Интерпеляции Сакондзи — всего их было три — вызывались вполне корыстными соображениями. Со времени ухода с действительной службы в военно-морском флоте в 1934 г., он был президентом Северо-Сахалинской нефтяной компании, которая была вынуждена свернуть свою деятельность, когда Советский Союз закрыл японские концессии на этой территории. Сакондзи входил в третий кабинет Коноэ и в дальнейшем вошел в кабинет Судзуки.

министра Ёнай, указавшего, что эти проблемы входят в компетенцию Высшего совета по руководству войной¹, где и «будут разрабатываться детали единой системы производства».

Среди многочисленных правительственных органов с «высшими политическими функциями», которые создавались правительством Койсо почти каждый месяц, довольно трудно найти орган, выполнявший задачи, вокруг которых развернулась парламентская дискуссия. Созданный 29 ноября Совет обеспечения важнейших политических мероприятий более всего соответствовал требованиям, перечисленным вице-адмиралом Годо. Однако этот совет должен был координировать свои функции по унификации «управления, военной политики и производства» с третьим бюро нового правительственного «Планового бюро» при кабинете министров, которое было создано 27 октября 1944 г. Точно разграничить функции и взаимоотношения между этими двумя органами и созданным 5 августа Высшим советом по руководству войной — задача утомительная и бесполезная, потому что вообще сомнительно, сделали ли все эти три органа что-нибудь реальное в области руководства военной экономикой. Они скорее служили определенным политическим целям, так как включали в свой состав представителей всех группировок олигархии в отличие от существовавшего при предыдущем кабинете резкого выделения группировки крупных предпринимателей (советники кабинета) и самого Тодзио (военный министр и представитель в императорской ставке). Более того, в органах, созданных Койсо, число мест, предоставленных гражданским лицам и членам парламента, было бóльшим, чем при Тодзио, — весьма показательный знак общего направления политики.

Иллюстрацией распределения ответственности между различными группировками внутри правящей коалиции

¹ Высший совещательный орган по координации военных и политических проблем был создан в августе 1944 г. на базе широкого представительства всех группировок правящей коалиции. Он заменил собой созданный при Тодзио более узкий и ограниченный орган, включавший в себя только представителей касты армейского и морского офицества.

служит обновленный состав советников кабинета¹, в число которых теперь входили три лидера промышленников (Ямасита, Аюкава, Фурута), один адмирал-промышленник (Тоёда), один финансист (Юки), один партийный лидер (Коидзуми), входивший в 1929—1931 гг. в состав кабинета минсейто, один издатель газеты — член верхней палаты, один президент университета, один специалист по сельскому хозяйству, один генерал и один адмирал. Еще одним доказательством консервативности политической линии Койсо было восстановление (1 сентября) отмершей системы парламентских вице-министров и советников. Эти парламентские представители были определенной силой в те дни, когда правительство формировалось из представителей политических партий, но они сошли со сцены в феврале 1937 г., когда кабинет Хаяси отказался назначить таких вице-министров и советников². 13 октября 1944 г. Койсо создал еще один орган, выделив кабинет вице-министра, получивший в обиходе название «малого кабинета», на который была возложена ответственность за внутривластные проблемы.

В отношении «объединения» управления военной промышленностью Фудзивара не смог достичь целей, намеченных им на первой пресс-конференции после его назначения министром вооружений. Почти четыре месяца спустя, 18 ноября, министерство вооружений объявило о введении новой техники, «обсужденной» для «усиления

¹ Назначенная 27 сентября — одновременно с созданием «Планового бюро» — новая группа советников заменила собой советников 1943 г. Хотя они тоже обладали рангом «синнин» (министра) и считалось, что они будут излагать свои взгляды непосредственно кабинету, следует обратить внимание на то, что в обзоре агентства «Домей» от 25 апреля 1945 г. выражалось сомнение в том, насколько «их взгляды оказывали влияние на управление страной». Все созданные Койсо бюро и советы были скорее номинальными, чем практически-административными органами, хотя по замыслу они должны были укрепить единство правящей коалиции.

² В период падения влияния Тодзио он создал так называемые ведомственные комитеты из членов парламента для осуществления связи с кабинетом. Теперь они были распущены и был восстановлен традиционный метод связи, применявшийся во времена пребывания у власти политических партий.

связи» с военным и морским министерствами. Предполагалось установить определенные сроки еженедельных совещаний, на которых эти три министерства могли бы рассматривать взаимно касающиеся проблемы. Старшинство при проведении этих совещаний не было установлено, но в одном кратком сообщении указывалось, что вице-министр вооружений Такеуци и его помощники будут собираться, «чтобы выслушать соображения» военных и морских властей о том, что последние предпринимают для увеличения выпуска продукции на находящихся в их ведении предприятиях. Кроме этого, не имеющего большого значения мероприятия, за время пребывания Фудзивара на посту министра вооружений, как видно, не произошло никаких изменений в отношении границ юрисдикции, установленных для министерства вооружений в 1943 г. С другой стороны, принимая во внимание, насколько щедро вливались денежные средства в контролируемые министерством вооружений привилегированные отрасли промышленности, у промышленников не было причин выражать большое недовольство.

Уход Фудзивара

В середине ноября 1944 г. впервые стали высказываться серьезные опасения в отношении тех результатов, которые приносили применяемые методы финансирования военно-промышленных компаний. 8 ноября в Токио Фудзивара заявил, что «большая часть производственных затруднений уже преодолена, и теперь Япония выпускает вдвое больше самолётов, чем в прошлом году». Если это утверждение соответствовало истине, то, очевидно, министерство вооружений намеревалось отстаивать финансовую политику, которая, как видно, способствовала увеличению производства¹. Эта политика, кроме установления цен, предусматривала также крупную программу широкого финансирования реорганизации и расширения предприятий. 9 ноября агентство «Домей» отмечало «заметное

¹ Как сообщалось, император на аудиенции 14 августа «вручил Фудзивара орден за развитие всей японской авиапромышленности», но в то же время выразил «свою озабоченность в отношении увеличения производства военных самолетов».

увеличение» обращения банкнот Японского банка; агентство считало, что в сентябре в обращении было свыше 13 млрд. иен, и предсказывало наступление к концу года инфляции в «крупном масштабе». Среди указанных причин этого явления были «чрезмерно щедрое предоставление государственных фондов» и «наличие у отдельных лиц и корпораций крупных денежных средств вне оборота». В обзоре агентства «Домей» высказывалось пожелание, чтобы «вместо указаний кассовой наличности в балансовых отчетах корпорации предоставляли на ревизию свои бухгалтерские книги, а фирмы, обладающие излишними фондами, обязывались использовать их». Эти фискальные мероприятия вызывались все более возрастающим недостатком товаров.

Судя по другому, тоже вызывавшему в то время некоторые трения спорному вопросу, можно заключить, что выгоду от щедрого предоставления государственных фондов получили только крупные предприятия. Этот вопрос возник в машиностроении, традиционной особенностью которого было наличие многочисленных мелких предпринимателей. Согласно принятой в 1944 г. «системе предоставления помощи машиностроительным предприятиям», промышленникам, нуждающимся в средствах для конверсии предприятий, предоставлялись определенные «авансы». Обзор агентства «Домей» от 8 ноября подробно разбирает жалобы машиностроительных фирм на то, что эти «авансы» недостаточны для обеспечения дополнительными средствами, в которых возникает необходимость после завершения конверсии, существовавшая же система запрещала предоставление дальнейших авансов¹. Фирмы протестовали против того, что амортизация авансовых кредитов, предоставленных из 5%, будет затруднительна при «установленных минимальных ценах на машины», и выражали опасения, что для дальнейшего получения займов им придется пойти на залог предприятий. Агентство «Домей» отмечало, что «жалобы и протесты»

¹ Примерно в этот период правительство в качестве одного из мероприятий против растущей инфляции установило лимит на предоставление авансов. Характерно, что эта мера была направлена на ликвидацию одной из незначительных утечек средств и оставляла без внимания гораздо более крупные каналы.

по этому вопросу особо энергичны и многочисленны со стороны завершивших конверсию предприятий, принадлежащих средним и мелким владельцам». Этим более мелким предпринимателям, подобно другим «независимым» предпринимателям в прочих отраслях промышленности на всех стадиях развития японской военной экономики, приходилось выносить на своих плечах всю тяжесть административных мероприятий по мобилизации промышленности для военных целей.

Несмотря на многочисленные сообщения о «превысившем ожидания» увеличении производства металлов, станков, специальных сталей, самолетов и других важнейших предметов вооружения за последние месяцы 1944 г., деятельность ответственных должностных лиц говорит о том, что они вовсе не были удовлетворены результатами развертывания производства. 3 декабря в официальной резиденции премьера состоялось чрезвычайное совещание инспекторов министерства вооружений, на котором присутствовали министры: военный, морской, внутренних дел, земледелия и торговли, путей сообщения и связи, народного просвещения и здравоохранения. На этом совещании Койсо резко предостерегал от оптимизма в отношении производственных успехов Японии. Он призывал инспекторский состав министерства вооружений «вложить все сердце и всю душу в дальнейшие усилия» и «направить свою деятельность на обеспечение дальнейшего увеличения снабжения» театров войны. Обращаясь к членам кабинета, он подчеркнул, что их ответственность «никогда не была так велика, как в настоящее время». Выступая в таком же тоне, министр вооружений Фудзивара убеждал «всех должностных лиц, которым вверено руководство производством вооружений», приложить еще большие усилия для удовлетворения неотложных нужд производства.

Две недели спустя, 16 декабря 1944 г., Фудзивара, ссылаясь на плохое состояние здоровья, покинул пост министра вооружений. Возможно, что в его уходе в отставку сыграло известную роль и противодействие армии и флота его стремлениям подчинить всю военную промышленность министерству вооружений, хотя консервативное направление политики того периода не подтвер-

ждает этого взгляда. Гораздо большего внимания заслуживают слухи о том, что Сумитомо и Мицубиси стремились свергнуть Фудзивара как ставленника Мицуи. В 1943 г., когда борьба вокруг создания министерства вооружений достигла своего апогея, все группировки деловых кругов с готовностью поддерживали этого старого промышленника, как своего представителя. К концу 1944 г. министерство вооружений стало уже определенной силой и мощным инструментом финансового и промышленного контроля. Осуществление всего руководства ставленником Мицуи неизбежно вызывало протесты со стороны конкурирующих концернов дзайбацу.

В связи с этим следует принять во внимание особые экономические затруднения Мицуи в военное время. Поскольку деятельность концерна Мицуи сосредотачивалась в сфере торговли и морских перевозок, его позиция была неблагоприятной в тот период, когда наибольшими преимуществами пользовались тяжелая промышленность и производство вооружений. Хотя и нет данных о прямых обвинениях Фудзивара в фаворитизме, — все же есть сведения о том, что Мицуи получал необычно крупные финансовые авансы, которые он использовал для расширения своих предприятий по производству вооружений. Развивая активность в этом направлении, он проникал в те сферы промышленности, где до сих пор господствовали Мицубиси, Сумитомо, Ниссан и другие.

Место Фудзивара занял Сигеру Ёсида, кадровый чиновник, от которого можно было ожидать сохранения более устойчивого равновесия среди всех трех давлений, которые оказывались на министерство вооружений. В 1936 г. он возглавлял Правительственное бюро исследований, являвшееся предшественником Планового бюро 1937—1943 гг. Его взгляды в то время, сочетавшие осторожный подход к экономическим и политическим «реформам» с поддержкой старых партий, характеризовали его, как типичного кадрового чиновника, считающегося с необходимостью сохранять поддержку всех группировок олигархии.

Таким образом, назначение Ёсиды отражало характер «национальной коалиции», который Койсо стремился придать своему правительству для обеспечения максималь-

ного единства перед лицом нараставшего военного кризиса. В это же время в состав кабинета был введен в качестве министра без портфеля адмирал Сэйдзо Кобаяси, член верхней палаты и глава «Политической ассоциации помощи трону». Занятие адмиралом Кобаяси поста министра без портфеля вместо ушедшего в отставку Тадао Оаса, кроме расчета на сплочение враждующих организаций «тоталитарной» партии, позволяло надеяться на большее сотрудничество со стороны обеих палат во время предстоящей очередной сессии парламента. Изменения состава кабинета являются обычным приемом премьера для выхода из затруднительного положения, и упомянутые изменения не были исключением из общего правила. Нападки на правительство, делавшиеся в декабре 1944 г., были связаны не только с вторжением союзников на Филиппины, но также и с политическими и экономическими проблемами внутри страны, в том числе и с деятельностью министерства вооружений. За все время пребывания Койсо у власти ему приходилось путем срочных, импровизированных мер преодолевать следующие друг за другом кризисы, и среди этих мер наиболее легко осуществимыми были изменения состава кабинета и создание новых органов.

С уходом Фудзивара закончился первый год деятельности министерства вооружений. Однако период его максимальной активности и силы лежал уже позади. Осуществляя руководство 574 военно-промышленными компаниями в самой Японии, к которым 24 октября 1944 г. было присоединено еще почти 100 компаний в Корее и на Формозе, оно полностью перестроило систему административного контроля над промышленностью военного времени и мобилизовало всю ее производственную мощь на увеличение продукции авиапромышленности. Есида принял руководство над уже работающим предприятием, но подлинное испытание для этого предприятия было еще впереди. Событиям 1945 г. предстояло с полной ясностью показать всю недостаточность достигнутых прежде результатов.

Глава XI

КОНЦЕНТРАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОЩИ

В 1943—1945 гг. дзайбацу сумели успешно использовать правительственный контроль в своих интересах. Но это — лишь одна сторона сложного экономического процесса, происходившего в Японии во время войны. При изучении методов и перипетий правительственного контроля не следует забывать, что промышленная деятельность в Японии военного времени была почти безраздельно частной. «Национализация» промышленности была лишь демагогической фразой, ни в коей мере не отражавшей действительного положения в японской экономической жизни.

Смысл закона о военно-промышленных компаниях состоял в сущности в том, что промышленники в обмен на весьма крупные преимущества согласились подчиняться определенным правилам. Они были вполне уверены в том, что толкование и применение этих правил министерством вооружений, когда последнее было создано, будет осуществляться в их пользу, а не во вред. Даже в тех отраслях производства, которые находились в ведении военного и морского министерств, контракты с частными компаниями в ценностном выражении, видимо, превышали объем продукции государственных верфей и арсеналов. Требование Фудзивара об «унификации» управления военной промышленностью было всего лишь выражением того, что промышленники предпочитали правила игры, применяемые министерством вооружений. Условия контрактов, заключавшихся с армейскими и морскими властями, не могли предоставить всех тех выгод и преимуществ, которые предусматривались контрактами с министерством вооружений, но все же заключались они с частными компаниями и несомненно обеспечивали соответствующие прибыли.

Поэтому коренные, наиболее важные процессы, совершавшиеся в военной экономике Японии, надо искать в повседневной деятельности делового мира, и в особенности в деятельности дзайбацу. Хотя в этой области и трудно получить исчерпывающие статистические данные, все же общая картина не оставляет сомнений. Расширение производства, стимулируемое настоятельными потребностями войны, значительно превзошло промышленное развитие периода 1937—1941 гг., считавшееся до тех пор наиболее интенсивным. Жизненный уровень широких народных масс был резко снижен, а верхушка финансовой и промышленной олигархии пользовалась всеми выгодами небывалого бума.

Полная картина деловой активности промышленных контрольных ассоциаций могла бы существенным образом осветить изменения в составе и структуре японской промышленности за годы войны. К сожалению, имеющиеся материалы освещают внутреннюю деятельность контрольных ассоциаций в значительно меньшей степени, чем их взаимоотношения с различными министерствами. Широкие полномочия по проведению «рационализации», предоставленные президентам ассоциаций, без сомнения, применялись в интересах крупных концернов, доминировавших в этих картельных органах, а также в целях обеспечения наивыгоднейших условий конкуренции на рынках труда, капитала и сырья. Один из примеров указывает, что по прошествии целого года после образования министерства вооружений важнейшие контрольные ассоциации в машиностроительной промышленности продолжали контролировать закупки и распределение материалов и вести конкурентную борьбу. Значительно более полной является картина деятельности самих дзайбацу. Расширение старых и создание новых предприятий, необычный рост капиталовложений, несметное число и разнообразие поглощенных компаний и банков были обычными явлениями того периода. Эти концерны, занимая прочное положение в тяжелой промышленности, обладали значительными преимуществами перед своими противниками в конкурентной борьбе. Национальная экономика все в большей степени становилась заповедником, доступным только для узкой группы дзайбацу.

Эволюция контрольных ассоциаций

Летом и осенью 1943 г. контрольные ассоциации в промышленности подверглись усиленному обстрелу.

Волна наибольших неудач нахлынула на них 16—28 августа, когда император последовательно вызывал для личного доклада адмирала Тоёда, виконта Окости, Цудзи Судзуки, Кэндзио Мацумото и Киёси Гоко, последнего — дважды. Следует помнить, что все перечисленные лица возглавляли контрольные ассоциации и являлись советниками кабинета. Во время каждого из этих докладов император подчеркивал свое желание увеличить выпуск продукции военной промышленности; поэтому после доклада эти советники кабинета созывали должностных лиц соответствующих контрольных ассоциаций и требовали больших усилий в этом направлении.

Политическая подкладка этих вызовов остается в сфере догадок. Исходя из последующего развития событий, можно считать, что деловые круги «проявляли медлительность» в тот период, когда связанные с образованием министерства вооружений важнейшие проблемы были еще в стадии разрешения¹. Если это справедливо, то вызовы к императору могли быть контрманевром со стороны Тодзио, хотя в обычных условиях премьер и не привлек бы императора к разрешению подобной проблемы. Возможно также, что сами контрольные ассоциации не могли исправить создавшегося при существующей административной системе положения. Так или иначе, это является одним из наиболее убедительных доказательств критического положения в военной промышленности летом 1943 г., по прошествии более чем года с того момента, когда контрольным ассоциациям была предоставлена возможность продемонстрировать, что может дать их хваленый «добровольный контроль при частной инициативе».

¹ Хотя общие контуры проектируемого министерства были, возможно, очерчены уже в мае — июне 1943 г., важнейшие аспекты оставались спорными значительно позже, как это показали события, связанные с передачей министерству вооружений административной власти над авиапромышленностью.

Когда на горизонте появилось министерство вооружений, контрольным ассоциациям некоторое время было трудно оправдать свое дальнейшее существование. Не может ли новое министерство полностью заменить их? Этот вопрос упорно ставился на чрезвычайной сессии парламента 25—28 октября 1943 г., но министр торговли Киси выступил с энергичным заявлением в защиту контрольных ассоциаций. Он отстаивал контрольные ассоциации следующим образом: «За период с момента создания контрольных ассоциаций до настоящего времени условия существенно изменились. Мы должны изменить и наши взгляды, в особенности же в свете (проектируемого) проведения в жизнь закона о компаниях военной промышленности. Однако назначением контрольных ассоциаций является всестороннее использование знаний и опыта, которыми располагает промышленность, и они должны в полном единстве с правительством работать над увеличением продукции. Миссия контрольных ассоциаций теперь получила еще большее значение и ее нельзя принижать... Именно такого взгляда и придерживается правительство». Это заявление является, между прочим, самым ясным указанием на политическую позицию Киси по отношению к деловым кругам в то время, когда он готовился стать вице-министром и фактическим руководителем министерства вооружений.

Контрольные ассоциации не только пережили кризис 1943 г., но в течение 1944—1945 гг. в значительной степени усилили свое положение. Кроме политической силы лидеров деловых кругов, этому, без сомнения, способствовали некоторые практические факторы. Как только была завершена передача министерству вооружений выделенных предприятий и создана более эффективная система приоритетов, оказалось, что контрольные ассоциации все же могут выполнять весьма полезные вспомогательные функции. Прекрасным доказательством этого положения являлась организация объединенной Контрольной ассоциации по всем отраслям авиапромышленности, функционировавшей в качестве органа связи министерства вооружений в деле ускорения выпуска продукции авиапромышленности. Главнейший вред, нанесенный контрольными ассоциациями, заключался в той анархии, которую они

породили, не желая или не будучи в состоянии эффективно контролировать систему приоритетов. В системе министерства вооружений они смогли передать этот контроль органу, с которым они были готовы сотрудничать, и при этом на весьма выгодных условиях.

• Интересно отметить, что контрольные ассоциации, по крайней мере в нескольких случаях, сумели сохранить за собой контроль над распределением материалов в течение долгого времени после образования министерства вооружений. Есть данные, указывающие на то, что даже в ноябре 1944 г. руководство закупкой главнейших материалов в машиностроительной промышленности все еще принадлежало целому ряду контрольных ассоциаций, в том числе контрольным ассоциациям промышленного машиностроения, точного машиностроения, электромашиностроения, вагоностроения и автомобильной промышленности. Типичные недостатки этой системы совершенно ясны. Поскольку различные контрольные ассоциации «изыскивали материалы для своих отраслей промышленности», результатом являлась «невольная конкуренция», и в то же время «чрезмерное накопление на складах крайне необходимых для других отраслей промышленности материалов» не было «необычным явлением». 20 декабря агентство «Домей» сообщило, что предпринимается реформа, в силу которой будет создана единая новая «компания по распределению материалов для машиностроения», в которую войдут в качестве участников все ассоциации. Эта новая компания будет «межведомственным органом» при бюро машиностроения министерства вооружений и будет подчинена прямому руководству этого бюро.

В течение 1943—1944 гг. контрольные ассоциации частично добровольно, а частично под давлением общественного мнения и правительственных органов осуществили целый ряд мероприятий. Эти мероприятия принимали различные формы: слияние конкурирующих и смежных ассоциаций, сокращение центральных органов и личного состава и расширение местных органов для осуществления децентрализации и усиления эффективности распределения на местах. К исходу февраля 1944 г. число контрольных ассоциаций достигало 314. В это число

входило 198 производственных ассоциаций, или 63 % общего количества, около 33 % ассоциаций, ведавших распределением, а остающиеся 4 % падали на органы, совмещавшие функции производства и распределения*.

Для мелких предприятий орудием правительственного принуждения к рационализации служил пересмотренный закон о торговых и промышленных гильдиях, одобренный очередной сессией парламента весной 1943 г. и направленный к «упрощению и укреплению деятельности» этих гильдий. Целью этого закона была также «мобилизация в военное время мелких торговых и промышленных предприятий», которые на всем протяжении войны подвергались непрерывному давлению со стороны концернов дзайбацу.

Стремление к координации переплетающихся функций множества контрольных органов продолжалось и в 1945 г. Так, 21 февраля, во время реорганизации административных органов Контрольной ассоциации по легким металлам, заведующий отделом общих дел этой ассоциации был назначен по совместительству директором-распорядителем Имперской контрольной компании по легким металлам. В этом случае ассоциация частных предпринимателей захватила в свои руки руководство «государственной компанией» — такой оборот событий бросает яркий свет на положение этих полуправительственных компаний. Такое же положение мы видим и в более важных отраслях промышленности; так, президент Контрольной ассоциации железа и стали адмирал Тоёда также был одновременно президентом и «Нихон сэйтэцу», крупнейшей государственной компании** по производству железа и стали. 9 марта министерство вооружений отдало распоряжение о переходе Контрольной ассоциации по производству масел и смазочных веществ в ведение Контрольной ассоциации химической промышленности. Это

* Неточно. Контрольных ассоциаций имелось всего 22 (по отраслям промышленности). Приводимые автором цифры относятся к контрольным компаниям, которые объединялись соответствующими отраслевыми контрольными ассоциациями. — *Прим. ред.*

** В действительности «Нихон сэйтэцу» — не государственная, а полугосударственная компания. В числе ее акционеров были концерны. — *Прим. ред.*

слияние было осуществлено 1 апреля и, как сообщалось, было первым из многих намеченных правительством подобных мероприятий, которые давали, таким образом, правительству возможность распространить свое влияние на протекавший в это время процесс концентрации промышленности.

Такие же мероприятия по «рационализации» проводились и в области транспорта. 11 марта было сообщено, что Железнодорожная контрольная ассоциация — орган, ведавший японскими частными железнодорожными компаниями, — проводит целый ряд мероприятий для укрепления транспортной системы¹. Было указано, что функции ассоциации имеют тенденцию «совпадать», а по временам и «сталкиваться» с функциями министерства транспорта и связи. Происходившие, как видно, в это время переговоры привели к выделению в число «обслуживающих компаний военной промышленности» 29 частных местных железнодорожных и трамвайных компаний в различных частях страны и 17 транспортных фирм в районах Токио—Иокогама и Осака—Кобэ. Эти фирмы, как сообщалось, должны будут получать со стороны правительства «щедрую» помощь и указания в таких вопросах, как обеспечение личным составом и материалами.

В области морских перевозок наметился совсем иной исход конфликта между мощной Ассоциацией регулирования морских перевозок и генеральным бюро морского транспорта. По намеченному плану реорганизации, кроме руководства движением и распределением судов, к ассоциации должно было перейти и «планирование политики», до тех пор сохранявшееся за генеральным бюро. Нежелание последнего уступить руководство политикой задерживало намеченное на 1 апреля осуществление реорганизации, в результате которой к ассоциации переходил «полный контроль над всем японским судоход-

¹ Среди перечисленных семи мероприятий были меры по ускорению «перевозок первоочередных товаров», по «обеспечению перевозок промышленных рабочих», «обмену технической информацией между входящими в ассоциацию компаниями» и введению «системы совместного накопления материалов». Удивительно лишь, что эта ассоциация до того времени не предприняла никаких шагов в этом направлении.

ством». Комментируя проектируемую реорганизацию, агентство «Домей» энергично рекомендовало министерству транспорта и связи передать ассоциации функции планирования и обеспечить последнюю соответствующим персоналом, без чего создание «имеющей чрезвычайно важное значение системы судоходства военного времени будет медленным и трудным». Однако кризис в области судоходства был слишком острым, чтобы можно было ограничиться полумерами, и 1 мая 1945 г. Ассоциация регулирования морских перевозок вместе с соответствующими департаментами министерства транспорта и связи, а также военного и морского министерств были объединены в единую генеральную инспекцию морского транспорта, вошедшую в состав императорской ставки. Под руководством адмирала Наокуни Номура в качестве генерального инспектора этому новому органу предстояло обеспечить полное единство руководства морскими перевозками.

Слияние предприятий и рост капиталов

В течение 1943—1945 гг. чрезвычайные нужды увеличения производства резко ускорили уже весьма заметный и в предыдущие годы процесс концентрации в промышленной и финансовой сфере. Концерны дзайбацу путем создания новых предприятий, увеличения капиталов существующих компаний и поглощения других фирм еще более усилили свое подавляющее преобладание в экономике Японии.

В области промышленности в течение 1941—1943 гг. процесс объединения предприятий затронул 1354 фирмы с общим капиталом в 19 373 млн. иен. Только за 1943 г. капитал слившихся фирм составлял 7504 млн. иен. Этот процесс в наибольшей степени затронул текстильную, химическую, машиностроительную и инструментальную промышленность, а также судостроение и перевозки. Рассчитывали, что введенные в июне 1943 г. особые правила военного времени, регулирующие порядок слияния промышленных предприятий, будут стимулировать их объединение. Хотя мы и не располагаем исчерпывающими цифровыми данными, можно с уверенностью

считать, что процесс концентрации промышленности достиг максимума в 1944—1945 гг., когда завершалось выполнение программы конверсии промышленности.

В области финансов происходил непрерывный процесс исчезновения мелких учреждений всех видов — доверительных и страховых компаний, а также коммерческих и сберегательных банков. Последние месяцы 1943 г. ознаменовались целым рядом слияний крупных компаний по страхованию жизни и по страхованию от увечий. К 24 июля 1944 г., когда последовало сообщение о слиянии компаний по страхованию жизни «Нихон» и «Айкоку», общее число компаний по страхованию сократилось до двадцати и на очереди стоял вопрос о дальнейших слияниях. В 1941 г. пять компаний уже сосредоточили в своих руках почти 70% всей действующей системы страхования с капиталом более чем в 41 млрд. иен. 13 мая 1945 г. в Токио состоялась церемония открытия Японского сберегательного банка с объявленным капиталом в 71 040 тыс. иен и оплаченным капиталом в 66 040 тыс. иен. Контролируемый концерном Ясуда новый банк был создан в результате слияния девяти сберегательных банков, функционировавших в Токио, Нагоя и Осака. Годом раньше общее число сберегательных банков уже сократилось до 29 против 72 в середине 1941 г.

Вступление в силу закона, разрешавшего обычным коммерческим банкам, в том числе крупнейшим частным банкам дзайбацу, ведение доверительных операций, способствовало целому ряду слияний в этой области. Летом 1944 г. доверительная компания Номура слилась с банком Номура. В феврале 1945 г. банк «Санва» поглотил доверительную компанию «Санва». Весной 1945 г. закончились переговоры о слиянии доверительной компании «Тюо» в Нагое с банком «Токай», доверительной компании «Акита» с банком «Акита» и доверительной компании «Кобэ» с банком «Кобэ». Почти закончено было слияние доверительных компаний «Ниигата» и «Тююку» с соответствующими местными коммерческими банками и доверительной компании «Сэндай» с банком «Санва». По завершении этих слияний оставалось всего лишь семь доверительных компаний, в том числе принад-

лежавшие концернам Сумитомо, Ясуда, Мицуи, Мицубиси и «Дай-ити».

Еще более показательными были слияния нескольких титанов банковского мира Японии. Весной 1943 г. путем слияния банка «Дай-ити» (первого) с банком Мицуи был создан новый банк «Тэйкоку», произошло также слияние банка «Дай-хяку» (сотый) с банком Мицубиси. 14 апреля 1944 г. было объявлено о слиянии банка «Дзюго» (пятнадцатого) с банком «Тэйкоку» и банков «Дай-сан» (третьего) и «Сёва» с банком Ясуда. По завершении этих слияний, затронувших три крупнейших частных банка в Японии, положение главнейших банков в отношении размеров депозитов было следующим:

«Тэйкоку» (Мицуи)	6430	млн. иен
Ясуда	5721	„ „
Мицубиси	5621	„ „
«Санва» (Ямагути, Коноике) .	4820	„ „
Сумитомо	4745	„ „

К середине 1944 г. эти пять банков дзайбацу владели 70% вкладов, 78% дисконтных займов и ссудных операций и 61% ценных бумаг всех частных банков, против — соответственно 58, 66 и 47% в середине 1941 г. За этот период общее число частных банков сократилось с 245 до 88.

Потребности военного времени застали концерн Мицуи, владевший предприятиями преимущественно финансового и торгового типа, в крайне невыгодном положении по сравнению с конкурирующим с ним концерном Мицубиси, вложившим большую часть своих капиталов в тяжелую промышленность. Начиная с 1940—1941 гг. концерн Мицуи непрерывно проводил одну реорганизацию за другой, пока к 1944—1945 гг. полностью не изменил самый характер своей деятельности, присущий ему в предшествующие 1940 г. десятилетия: теперь его центром стала держательская компания Мицуи-хонся*, и он контролировал различные предприятия тяжелой промышленности, число которых непрерывно возрастало.

* Хонся (Мицубиси, Мицуи и др.) — головная держательская (холдинг) компания концернов. — *Прим. ред.*

Создание нового контролируемого Мицуи банка «Тэйкоку» вызывалось главным образом необходимостью обеспечить концерн Мицуи дополнительным источником капитала для финансирования промышленности¹. В первые годы войны падение доходов от торговых предприятий и недостаток легко мобилизуемых капиталов, что было связано с характером хранившихся в портфеле банка Мицуи ценных бумаг, поставили концерн в уязвимое положение. Мы не располагаем обобщенными цифрами, показывающими масштаб инвестиций Мицуи в промышленность в военное время². Однако сведения об операциях Компании химической промышленности Мицуи за краткий период март — июль 1944 г. дают указания на общую тенденцию. В марте эта контролируемая Мицуи-хонся компания закупила компанию химической промышленности «Осака сэйка» и в мае завладела компанией по производству красителей «Кёкудзицу». В июле она создала две новые фирмы: Корпорацию Восточной Азии и Континентальную компанию химической промышленности. Первая была создана путем слияния Компании по производству искусственного шелка, компании «Хоккайдо» и содопромышленной компании «Сёва» с промышленной компанией «Яхаги»; вторая — путем слияния трех компаний, в том числе химической компании «Симанэ» и Новой японской компании искусственного шелка. В марте 1945 г. Мицуи-хонся увеличила свои капиталы до 500 млн. иен.

¹ В сентябре 1943 г. задолженность банка «Тэйкоку» Японскому банку составляла 455 млн. иен, банка Сумитомо — 200 млн. иен, банка Ясуда — 102 млн. иен и банка «Санва» 80 млн. иен. Эти 837 млн. иен представляли одну треть доходящей до 2600 млн. иен счета «дисконтированных в Японском банке ценных бумаг». Кажется, только один банк Мицубиси был в этот период свободен от задолженности.

² Не следует думать, что в начале войны Мицуи вовсе не контролировал предприятия тяжелой промышленности. В 1941 г. в число крупнейших предприятий концерна в этой области входили (в скобках указан оплаченный капитал в миллионах иен): Электрическая компания Токио — Сибaura (131), Японские сталеплавильные заводы (48), Компания электрохимической промышленности (43). Мицуи, кроме того, имел инвестиции в горной промышленности, в особенности каменноугольной, превышавшие в 1941 г. 400 млн. иен.

Широко развитая сеть предприятий тяжелой промышленности концерна Мицубиси позволила ему извлекать из войны максимальные выгоды. В конце 1942 г. оплаченный капитал контролируемых им предприятий в горной, электротехнической, стальной, нефтяной и химической промышленности уже достигал почти 400 млн. иен. Эти контролируемые промышленные предприятия дополняли основную гигантскую фирму — Компания тяжелой промышленности Мицубиси — с объявленным капиталом в 240 млн. иен в начале войны. Впоследствии капитал этой фирмы возрос до 480 млн. иен в 1942 г. и до 1 млрд. иен в 1945 г. Последнее одобренное собранием акционеров 20 апреля 1945 г. увеличение капитала было достигнуто частично путем слияния Станкостроительной компании Мицубиси с Компанией тяжелой промышленности Мицубиси. 27 октября 1944 г. военное министерство наградило Компанию тяжелой промышленности Мицубиси и ее дочерние компании похвальной грамотой за выдающийся вклад в военные усилия Японии, в особенности в отношении развития авиапромышленности.

В таком же благоприятном положении находился и концерн Сумитомо, главным образом благодаря контролируемым им различным предприятиям по добыче и обработке черных, цветных и легких металлов. С 1932 по 1942 г. основной капитал концерна в металлургической, горной, электрической, химической и машиностроительной промышленности возрос с двухсот с небольшим миллионов иен почти до 1200 млн. иен¹. После 1942 г. концерн непрерывно увеличивал эти предприятия и установил свой контроль над рядом других. В феврале 1945 г. было объявлено, что Сумитомо-хонся, держательская компания предприятий Сумитомо, решила увеличить свой капитал со 150 млн. иен до 300 млн. иен. Директора компаний рассматривали вопрос о целесообразности открытия подписки в целях привлечения средств для увеличения капитала.

Концерн Ясуда был почти исключительно банковским предприятием, к началу войны обладавшим еще

¹ Вероятно, объявленного, а для некоторых фирм, возможно, и выплаченного капитала.

меньшими, чем Мицуи, инвестициями в промышленность. В 1941 г. общая сумма его инвестиций составляла около 200 млн. иен, вложенных в электростанции, газовые заводы, судостроение, химическую, горную и машиностроительную промышленность, главным образом в колониях¹. Хотя концерну Ясуда тоже пришлось переключить свое внимание на тяжелую промышленность, в этом отношении он, несомненно, сильно отставал от других концернов дзайбацу. Следуя установившейся практике, для усиления «руководящего состава» концерна в апреле 1941 г. на пост директора-распорядителя держательской компании был приглашен вице-адмирал Дайсукэ Такей. Многочисленность армейских и морских офицеров, которые, таким образом, заняли различные посты в концернах дзайбацу, является еще одним свидетельством силы лидеров деловых кругов, а также свидетельством взаимопонимания, существовавшего между обеими группировками.

¹ Однако, влияние концерна в тяжелой промышленности усиливалось благодаря предоставлению кредитов промышленным концернам Мори и Окура.

Глава XII

НАЗРЕВАНИЕ КРИЗИСА

Когда в конце 1944 г. Сигеру Иосида возглавил руководство министерством вооружений, раскаты приближающейся бури слышались уже достаточно ясно. Однако кабинет Койсо еще почти четыре месяца оставался у власти. За этот период буря разыгралась всю, и отклики на нее внутри страны все более перерастали в кризис. Требования создания новой партии «непременной победы» как-то странно смешивались с громкими требованиями «национализации» промышленности. С иссяканием потока нефти из Индонезии все больше усилий прилагалось к тому, чтобы увеличить внутреннее производство синтетического горючего. Ускоренным темпом начала осуществляться эвакуация женщин и детей из крупных городов, а децентрализация промышленных предприятий и экономических органов правительства проводилась с возрастающей энергией.

К весне 1945 г. министерство вооружений потеряло и уверенность в успехе и широкую популярность первого периода своего существования. Причина падения престижа министерства вооружений заключалась не столько в его собственных неудачах, сколько в явной недостаточности ресурсов и техники, которыми располагала Япония. На налеты «летающих крепостей» ответа не последовало, не последовало ответа и на поражения, нанесенные на Филиппинах, на Иводзиме и в Бирме. В японских портах стоял поврежденный, потерявший подвижность флот, и министерство вооружений не могло ничего сказать в ответ на громкие требования новых самолетов.

19 декабря в императорском дворце состоялась формальная церемония вступления Иосида на пост министра. В своем первом интервью, данном представителям

печати, он указал на две основные особенности наступающих месяцев. Составление планов в центре, «вероятнее всего, должно ограничиться лишь обсуждением общих вопросов», — заявил он, предупреждая этим официальных лиц, что им предстоит разъехаться на места для руководства выполнением задачи широкой децентрализации, возникшей в результате воздушных налетов. Высказанное им резкое осуждение «самовозвеличения отдельных лиц» в связи с «объединением руководства производством вооружений» было призывом к сотрудничеству и в то же время признанием, что эта старая болезнь не преодолена. На следующий день после своей первой инструктивной речи, обращенной к 70 высшим чиновникам министерства вооружений, он нанес визит к «постели больного» Фудзивара, быть может, желая показать, что это заявление не носило личного характера.

Проблема жидкого горючего

Изыскания «жидкого топлива» не сходили с повестки дня на всем протяжении зимы и начала весны 1945 г.; промышленные специалисты всеми мерами стремились укрепить слабеющую воздушную мощь страны. Вокруг этого вопроса возникали энергичные запросы в парламенте. Министр вооружений Иосида заверил парламент, что «не будет никаких затруднений в получении жидкого горючего для ведения войны». Выступление заместителя военного министра генерал-лейтенанта Кунэсиро Сибэяма было менее успокоительным. Имеющиеся ресурсы горючего, заявил он, недостаточны, и для «самообеспеченности жидким горючим необходима реорганизация работы нефтеперерабатывающей промышленности».

Использовались все возможные ресурсы: синтетическое горючее, сырая нефть местной добычи, спирт из картофеля и даже смола сосновых корней были привлечены для получения авиационного горючего. 16 марта кабинет одобрил мероприятия, которые должны были, как считалось, «более чем в три раза превысить первоначальный план» получения горючего из сосновых кор-

ней. Армия и флот вели строительство новых перегонных заводов для обработки этих корней. В апреле были обнаружены новые залежи нефти в Ниигата, и ожидалось еще новые открытия.

Проблема жидкого горючего ускорила проведение целого ряда мероприятий, направленных к «объединению» административного руководства производством этого важнейшего продукта. В сентябре 1944 г. министерство вооружений, еще под руководством Фудзивара, осуществило объединение компаний по производству синтетического горючего с целью достижения «максимального использования наличного оборудования и личного состава». В результате этих слияний были созданы две новые гигантские фирмы. Первая — Компания топливной промышленности «Тэйкоку» с капиталом в 250 млн. иен¹, вторая — Японская корпорация по производству синтетической нефти, созданная из компаний с большими капиталами, чем первая; но капитал новой фирмы не был установлен². 28 января, отвечая на поставленный в парламенте вопрос, начальник топливного бюро министерства вооружений заявил, что объединение компаний по производству синтетического горючего «принесло плоды».

22 декабря 1944 г. была распущена Ассоциация по топливу и оборудованию, контролировавшая добычу сырой нефти в южных районах и выработку синтетического горючего в самой Японии. Взамен ее был образован Совет по производству жидкого горючего, которому «было предоставлено исключительное право управления производством», ответственность за которое до сих пор делилась между армией и флотом. Однако функции административного руководства, очевидно, полностью не были

¹ В нее вошли следующие фирмы: Компания по производству жидкого горючего Убэ (50 млн. иен), Компания по производству синтетического горючего Карафутэ (40 млн. иен) и Компания по выработке жидкого горючего из каменного угля Мицубиси (20 млн. иен).

² В ее состав вошли: Компания синтетического горючего Хоккайдо (70 млн. иен), Компания синтетического горючего Миике (50 млн. иен) и Компания синтетического горючего Амагасаки (30 млн. иен).

переданы фирмам, составлявшим Совет по производству жидкого горючего, так как, отвечая на запрос в парламенте, заместитель военного министра заявил, что «изучается вопрос об объединении департаментов жидкого топлива военного министерства, морского министерства и министерства вооружений». Свидетельством, если не «объединения», то усиления сотрудничества этих органов, явилось образование в феврале 1945 г. группы обследования производства синтетической нефти в составе представителей топливного бюро и бюро тотальной мобилизации министерства вооружений и представителей военного и морского министерств. Новый орган должен был 1 марта 1945 г. приступить к рассчитанному на три месяца обследованию состояния производства на заводах синтетического горючего.

Проблемы децентрализации

В начале 1945 г. основным объектом работы министерства вооружений была эвакуация промышленного оборудования из городов, подвергавшихся все более сильным нападениям с воздуха.

Программа децентрализации не была новой проблемой для Японии, но есть веские доказательства, что до зимы 1944/45 г. она не входила в число «неотложных» проблем. Крупные авиационные заводы в больших городах восточной части страны все еще были весьма уязвимыми целями. Из ответов на парламентские запросы трудно установить соответствие между заявлениями о заблаговременно запланированной и четко выполняемой программе и сведениями о проводимых в последнюю минуту импровизированных и спешных обследованиях и изысканиях. Соответствующие чины стремились сделать, что могли, но отрывочные данные просачивавшейся информации не говорят в их пользу. Представляется очевидным, что Фудзивара сосредоточил все свое внимание на задаче достижения массового выпуска самолетов. Его программа, естественно, концентрировалась на развитии крупных предприятий, расположенных главным образом в больших городах. Когда нападения «летающих крепостей» стали достигать разрушительных масштабов,

Иосида был поставлен перед неотложной задачей рассредоточения.

24 и 25 января Иосида утверждал в нижней палате, что децентрализация «проводится постепенно и продуманно» и с тем, чтобы она не препятствовала «мерам, принимаемым для увеличения производства», — это заявление служит яркой иллюстрацией стоявшей перед ним дилеммы. Не все предприятия подлежат перемещению, заявил Иосида, но некоторые из них будут рассредоточены, а наиболее важные — переведены в подземные помещения. С административной стороны «все решения», касающиеся децентрализации, будут приниматься организацией, состоящей из представителей «министерства вооружений, армии, флота и заинтересованных сторон»; последнее, очевидно, означало соответствующие фирмы. Выступая 4 февраля в верхней палате, Иосида сделал существенное добавление, заявив, что правительство примет на себя «финансовые потери, вызываемые передислокацией» *.

Из ответов на дальнейшие запросы в парламенте становится ясным, что к 20—25 марта административный орган, на который была возложена задача децентрализации, принял более конкретную форму. Министр вооружений возглавил Чрезвычайный штаб обороны промышленных предприятий, в состав которого вошли представители военного и морского министерств и других заинтересованных ведомств. Этому органу предстояло «руководить передислокацией предприятий и переводом их в подземные помещения»; приоритет предоставлялся «авиационным и смежным с ними заводам». В каждом округе должны были быть созданы отделения чрезвычайного штаба.

Ведущая роль, предоставленная министерству вооружений, отражала его административную власть над авиационной промышленностью, защита которой была одновременно и наиболее важной и наиболее трудной задачей. Ведомственная координация программы децентрализации усложнялась необходимостью привлечения к этой задаче министерства транспорта и связи. Обладая опытом строи-

* Об этом см. вступительную статью. — *Прим. ред.*

тельства тоннелей, это министерство начало в различных районах страны организующую подготовку для строительства «заводов тоннельного типа». В половине февраля один из чиновников отдела подземного строительства этого министерства настойчиво утверждал, что необходимой быстроты постройки можно достигнуть путем использования «пещер, заброшенных шахт, а также тоннелей на шоссейных и железных дорогах, не используемых в настоящее время». Он признал, что возможности строительства ограничиваются требованиями предоставления механического оборудования для земляных работ по постройке убежищ, но он, очевидно, считал, что приоритет следует предоставить строительству подземных заводов.

В эти первые месяцы 1945 г. спешность децентрализации привела к тому, что объекты строительства стали крупными деловыми предприятиями. Для успешного выполнения поставленных задач оказалось необходимым привлечь к сотрудничеству деловые круги путем создания специального органа под контролем дзайбацу. 15 марта проект эдикта о создании Корпорации строительства военного времени был одобрен комиссией по всеобщей мобилизации нации, и 26 апреля состоялась церемония создания нового органа. Эта корпорация действовала «в качестве единственного административного органа в 29 выделенных районах, включавших в себя 500 объектов строительства»¹. Входящим в корпорацию фирмам, подчиненным ее административному контролю, было «разрешено приступить к строительству своих объектов». Возглавлял корпорацию Кёхей Като, бывший президент Компании по развитию Формозы. Руководители и секретари были назначены из числа должностных лиц, входивших в корпорацию многочисленных концернов.

Попытки добиться самообеспеченности округов

Параллельными и тесно связанными с программой децентрализации были и новые мероприятия, предназна-

¹ Необходимость разграничения вызывалась наличием штабов строительства в министерстве вооружений, в морском, военном и других министерствах. Однако, как видно, львиная доля нового строительства была возложена на эту корпорацию.

ченные к усилению военной и экономической самообеспеченности созданных летом 1943 г. административных округов. Согласно приказу по армии от 11 февраля 1945 г., кроме четырех старых военных округов, — Восточного, Западного, Центрального и Северного, — были созданы еще два новых — Тохоку и Токай. Одновременно число окружных административных советов было сокращено с девяти до восьми за счет ликвидации округа Хокурику. Входившие в последний пять префектур были переданы в округа Канто, Токай и Кинки. По завершении этих реформ деление Японии на округа представлялось в следующем виде:

Военные округа	Административные округа	Префектуры
Северный	Хоккайдо	Хоккайдо, Карафутто (Южный Сахалин)
Тохоку	Тохоку	Аомори, Иватэ, Мияги, Акита, Ямагата, Фукусима
Восточный	Канто-Синэцу	Ибараки, Тотиги, Гумма, Сайтама, Тиба, Токио (столичная), Канагава, Яманаси, Ниигата, Нагано
Токай	Токай-Хокурику	Гифу, Сидзуока, Айти, Миэ, Исикава, Тояма
Центральный	Кинки	Сига, Киото, Осака, Хёго, Нара, Вакаяма, Фукуи
Центральный	Тюгоку	Тоттори, Симанэ, Окаяма, Хиросима, Ямагути
Центральный	Сикоку	Токусима, Кагава, Эхимэ, Коти
Западный	сю	Фукуока, Сага, Нагасаки, Кумамото, Оита, Миядзак, Кагосима, Окинава

В тот же день — 11 февраля — правительство приняло параллельные меры, направленные к установлению более тесного сотрудничества между президентами окружных административных советов и командующими соответствующими военными округами; эти лица должны

были раз в месяц — а при необходимости и чаще — проводить совещания для принятия мер, «полностью относящихся к соответственным округам». Если оказывалось, что президент окружного совета или командующий военным округом не могли прибыть на совещание, то вместо них должны были присутствовать окружной советник и начальник штаба военного округа. Кроме того, каждая сторона учреждала комиссию связи.

Отвечая на запросы в парламенте 22—23 марта, премьер Койсо едва ли оставил какие-либо сомнения в отношении природы и назначения этих приготовлений. Он заявил, что «система самостоятельной обороны округов», при которой административные округа должны будут «сами обеспечить боеспособность и средства существования», совершенствуется. При этом он присовокупил оговорку, что армия будет «решать, в каком масштабе и каким образом при чрезвычайных обстоятельствах будет распределяться оружие», и выразил надежду, что «опасений в отношении нехватки продовольствия» не возникнет. Выступая тогда же в парламенте, министр вооружений Иосида обратил внимание на экономический аспект программы районирования, указав, что «планы производства по округам» согласовываются с «планами децентрализации предприятий».

Повестка очередного ежемесячного совещания президентов окружных административных советов, состоявшегося 19—20 февраля в Токио, служит иллюстрацией того значения, которое стали придавать деятельности этих советов. В первый день в работе совещания в официальной резиденции премьера участвовал весь кабинет в полном составе. Койсо сделал доклад о ходе сессии парламента и детально разъяснил чрезвычайные мероприятия правительства, представители армии и флота сделали доклады о военном положении, а военный министр Сугияма, министр вооружений Иосида и министр финансов Исивата осветили важнейшие проблемы своих ведомств. Затем президенты окружных советов обсудили широкий круг вопросов, в том числе вопросы о «децентрализации важнейших предприятий», «недостатке рабочих рук в сельском хозяйстве» и «унификации административной деятельности». 20 февраля в течение всего дня в официаль-

ной резиденции министра внутренних дел проходило не менее напряженное совещание, причем было выделено время для получасовых личных докладов императору четырех президентов окружных административных советов¹.

Система местного управления стала еще более компактной, когда кабинет 9 марта 1945 г. принял решение о совмещении президентами в окружных административных советах одновременно должностей и начальников управлений инспекции министерства вооружений по своему округу. Этому шагу придавали важное политическое значение, поскольку до сих пор министерство вооружений назначало начальниками окружных управлений инспекции только офицеров. Согласно решению кабинета от 9 марта, эти офицеры становились заместителями начальников управлений инспекции и попадали, таким образом, в подчинение гражданским лицам — президентам окружных советов. Возможно, что политическое значение этого мероприятия и было причиной продолжавшегося целый месяц разрыва между первоначальной организацией административных советов, осуществленной 11 февраля этой реформой, и этим мероприятием. Более того, осуществление данного мероприятия, как видно, было задержано до 21 апреля, когда после формирования кабинета Судзуки министерство вооружений формально назначило семь президентов административных советов начальниками управлений инспекции в соответственных округах². Пятеро из них были незадолго до этого назначены на посты президентов министром внутренних дел в кабинете Судзуки — Генки Абэ. Восьмой президент окружного совета генерал Дзюдзо Нисиро, губернатор префектуры Токио, уже руководил местным управлением инспекции.

«Национализация» промышленности

В течение первого квартала 1945 г. наиболее ярким симптомом надвигающегося кризиса были громкие требо-

¹ Другие четыре президента докладывали императору в предыдущем месяце — 16 января.

² Все они были гражданскими лицами. Императорским эдиктом 21 апреля они были возведены в ранг «синнин» (т. е. ранг министров). Генерал Нисиро, равным образом, обладал этим рангом.

вания «национализации» промышленности, исходившие от членов парламента и крупнейших представителей японского делового мира. При оценке выдвинутых предложений и последующих действий необходимо учитывать новую стадию хода войны. Лидеры японских деловых кругов прежде всего имели в виду растущую угрозу налетов «летающих крепостей». Они предвидели два важнейших следствия этих налетов: крупные разрушения своих предприятий и серьезные волнения среди рабочих. На фоне этих двух простых опасений громкие требования государственного вмешательства становились в этот период одним из наиболее показательных моментов эволюции японской военной экономики.

Первый сигнал к этой кампании подала Токийская экономическая ассоциация торговли и промышленности — бывшая Токийская торгово-промышленная палата. Как видно, эта ассоциация в течение некоторого времени изучала средства усиления и улучшения проводимой политики, которая «не соответствовала удовлетворению насущных нужд в отношении увеличения производства, восстановления нанесенного воздушными налетами ущерба и осуществления реконструкции». Вследствие этого, 11 января ассоциация опубликовала две рекомендации правительству. Первая предусматривала передачу правительством всех важнейших заводов по производству вооружений «под управление военных властей на все время войны». Вторая требовала введения на этих предприятиях жестокой военной дисциплины, с тем чтобы «осведомить рабочих о критическом положении страны и таким образом заставить их добровольно посвятить всю свою энергию на выполнение возложенных на них задач».

Затем эта кампания перебросилась в парламент. 26 января член нижней палаты Кавамата спросил, не является ли необходимым введение «государственного контроля» над предприятиями, на что премьер Койсо ответил, что «неразборчивый контроль может привести к отставанию производства». 31 января в верхней палате при обсуждении интерпелляции Ситиро Ока возник вопрос о «государственном управлении» частными авиа-

ционными заводами в качестве меры увеличения продукции. На это Иосида ответил, что «государственное управление» предприятиями, находящимися в частном владении, — «не простое дело». Авиационная промышленность, заявил министр вооружений, была «развита частными предприятиями», и для правительства лучше всего «поощрять увеличение производства частными предприятиями».

Больше было сделано в отношении контроля над рабочими. 4 февраля, в ответ на выдвинутое в верхней палате предложение о создании «промышленной армии» для «ликвидации производственных затруднений», министр труда Хиросэ заявил, что правительство признает необходимость жесткой «военной организации» на заводах и в мастерских. Первый шаг в этом направлении был сделан 31 января, когда кабинет одобрил «систему градации профессий» и немедленно передал всем президентам окружных административных советов и инспекторам министерства вооружений приказ о введении ее в действие.

Согласно этой системе на каждом предприятии создавались «организации военного типа» и проводилась стандартизация профессиональных квалификаций для «уточнения ответственности каждого работающего». Однако такая система не привлекла рабочих на предприятия, принадлежащие частным компаниям, но работающие под прямым контролем армейских офицеров, и поэтому требования такой «реформы» продолжались.

До роспуска на каникулы обе палаты парламента приняли соответствующие резолюции.

Член парламента Итиро Киёсэ разъяснил ее смысл в особом заявлении, состоявшем из пяти пунктов. В числе этих пунктов были «разъяснение статуса национализированной промышленности» и предложение «считать промышленных рабочих гражданскими лицами, состоящими на военной службе».

3 февраля Токийская ассоциация торговли и промышленности и семь других связанных с ней экономических организаций представили премьеру ряд рекомендаций, являвшихся целой программой деловых кругов. Основными требованиями были следующие:

1. Немедленная организация «промышленной армии» путем включения в нее всех промышленных рабочих.

2. Применение ко всем членам «промышленной армии» армейской системы поощрения и наказания.

3. Возложение на «промышленную армию» всей ответственности за стабилизацию условий жизни и благосостояния всех ее членов.

4. Передача государству всех важнейших промышленных предприятий.

5. Участие «офицеров» промышленной армии в создаваемом при кабинете «экономическом генеральном штабе» для осуществления унификации военных операций и работы промышленности.

Программа была на редкость простой. Предприятия подлежат «передаче» государству на время войны, по окончании которой промышленникам предоставляется право потребовать возвращения своих предприятий. Промышленники будут руководящими лицами в экономическом генеральном штабе, где они сохраняют за собой руководство административной политикой в отношении «переданных» предприятий. Рабочие будут подчинены военной дисциплине, и на время войны государство обеспечит им средства к существованию.

В течение первых десяти дней февраля 1945 г. обращенные к правительству требования действий достигли дотоле невиданной силы. 7 февраля два наиболее влиятельных в стране лидера промышленников — Кендзиро Мацумото и адмирал Тэйдзиро Тоёда — присоединили свои голоса к общему хору. В этот период Мацумото был президентом Контрольной ассоциации угольной промышленности и президентом Совета контрольной ассоциации важнейших отраслей промышленности, а Тоёда был президентом Японской компании по производству чугуна и стали и Контрольной ассоциации железнорудной и сталелитейной промышленности¹. 9 февраля Рёдзо Асано и пять других советников «Генерального планового бюро» посетили премьера и председателя «Планового бюро» Тэцудзо Уэба и представили требования создания «новой

¹ Через два месяца адмирал Тоёда занял пост министра вооружений в кабинете Судзуки.

структуры промышленности»¹. Пять дней спустя последовало сообщение о том, что кабинет «весьма внимательно изучает» рекомендации различных промышленных и финансовых организаций и вскоре объявит о намечаемых им мероприятиях.

27 февраля 1945 г. кабинет одобрил содержавшую 4 пункта программу «структуры промышленности для обеспечения победы». Опубликованная информационным бюро программа содержала следующие мероприятия:

«1. Полагаясь на «безграничную веру» в «истинный дух патриотического служения» народа, правительство будет стремиться к тому, чтобы каждый вкладывал все свои силы в производство вооружений.

2. Законы о военных заводах будут усилены и будут более жестко применяться к частным промышленным предприятиям.

3. Будут организованы промышленные группы в соответствии с «типами, объединениями и географическим расположением».

4. В тех случаях, когда будет сочтено, что государственное управление отдельными отраслями промышленности более соответствует обстановке, чем частное, ведение дел «может быть передано» государству».

Первоначальная реакция против такой «слабой» программы несколько улеглась после того, как 2 марта кабинет провел «бурное» совещание, на котором он «разъяснил» свою позицию в отношении контроля над военной промышленностью. В качестве первого практического применения программы были одобрены чрезвычайные меры, требовавшие установления государственного управления авиационными заводами, находящимися в частном владении. На ближайшее время государственное управление авиазаводами ограничивалось выделенными компаниями по производству вооружений, но распространялось только на те из них, которые «испытывали за-

¹ Асано был президентом Японской компании по производству стальных труб. В апреле 1945 г., когда было сформировано правительство Судзуки, он был назначен советником кабинета, сохранив свой пост советника «Генерального планового бюро».

труднения в выполнении своих производственных обязательств». Сообщение гласило, что этот исторический шаг, кроме обеспечения производства жизненно необходимых самолетов, предпринят с целью принятия государством на себя финансовых тягот по восстановлению предприятий, пострадавших от воздушных налетов. С практической точки зрения, гласило сообщение, «гражданским предприятиям трудно вынести расходы по восстановлению». Сообщение агентства «Домей» гласило, что министерство вооружений облечено правом в порядке чрезвычайных мероприятий использовать по своему усмотрению земельные участки, строения, станки, инструмент и другое принадлежащее выделенным предприятиям оборудование, но за рабочими и служащими «на некоторое время» сохраняются занимаемые ими места. Президент Экономической ассоциации торговли и промышленности Айициро Фудзияма уверял, что это мероприятие «поднимет дух рабочих» и окажет благотворное влияние на ведение производства в условиях воздушных налетов.

Неделю спустя начали вырисовываться первые контуры нового «экономического генерального штаба», создания которого добивались промышленники. 9 марта министерство вооружений сообщило о назначении подготовительного комитета для создания «организации для управления» выделенными к передаче государству предприятиями. Председателем комитета был Киёити Накадзима, президент Авиацонной компании Накадзима, а члены комитета назначались из среды как гражданских лиц, так и из правительственных кругов. 1 апреля 1945 г., когда кабинет Койсо был близок к падению, подготовительный комитет объявил о создании Арсенала вооружений, состоящего из переданных государству авиацонных заводов; арсенал должен был осуществлять управление этими заводами. Кроме расплывчатого сообщения «Асахи», гласившего, что входящие в состав арсенала авиацонные заводы подпадут «под юрисдикцию» министерства вооружений, но останутся «частновладельческими», в тот период было известно весьма немного подробностей о личном составе и политике этого нового органа.

Партия «непременной победы»

Последние три месяца пребывания у власти кабинета Койсо ознаменовались все возрастающими затруднениями как на политическом, так и на экономическом фронте. В основе этих затруднений лежали военные поражения, завершившиеся 1 апреля 1945 г. — за неделю до падения кабинета — высадкой союзников на о. Окинава.

Перемещения министров являются в Японии обычным признаком затруднений премьера. В кабинете Койсо эти перемещения быстро следовали друг за другом по мере приближения кризиса кабинета. В декабре 1944 г. Иосида сменил Фудзивара на посту министра вооружений, а министром без портфеля был назначен адмирал Сэйдзо Кобаяси. 10 февраля 1945 г. произошла более основательная перетасовка. Граф Хидэо Кодاما стал министром просвещения, министр труда Хисатада Хиросэ был назначен министром без портфеля и одновременно генеральным секретарем кабинета, а вице-министр труда Кацуроку Аюкава стал министром труда вместо Хиросэ. Всего через 11 дней произошла третья реорганизация. Хиросэ был совсем выведен из состава кабинета, и его оба поста перешли к министру финансов Сотаро Исивата. Министерство финансов принял Дзюити Цусима, чиновник, занимавший в это время пост вице-директора Японского банка.

Эти последние реорганизации кабинета являются не столько выражением изменения политики, сколько отчаянными попытками найти средства для укрепления угасающей силы кабинета. Инфляция резко возростала, и новое лицо в министерстве финансов могло способствовать успокоению в этой области. Борьбу с инфляцией вел также и комитет изучения товарных цен, созданный 19 января 1945 г. 15 февраля советниками кабинета были назначены два столпа делового мира: Гиндзиро Фудзивара и Ёсиаки Хатта. Считалось, что Фудзивара — очевидно, совершенно выздоровевший к этому времени — сможет оказать помощь в деле увеличения производства чугуна и стали.

Но перед Койсо вставали гораздо более тревожные политические вопросы. Последние три месяца его пребывания у власти были омрачены затянувшимся кризисом в «Политической ассоциации помощи трону», «Ассоциации помощи трону» и в связанном с последней «Молодежном корпусе». В процессе своего развития, и даже фактически с самого своего зарождения, эти организации включали представителей самых различных группировок. Например, несмотря на то, что в таком органе, как «Политическая ассоциация помощи трону» доминировали наиболее консервативные сторонники старой системы партий, все же эти организации служили прибежищем для таких типичных экстремистов, как полковник Кингоро Хасимото, генерал Иванэ Мацуи и генерал-лейтенант Татэкава.

Премьер Койсо давно уже отстаивал идею слияния этих трех организаций. Экстремисты, воспользовавшись нарастающим военным и внутренним кризисом, вновь стали выступать с требованием «второй политической перестройки» — традиционным лозунгом крайних правых в Японии. Татэкава и Хасимото с другими лидерами «Молодежной организации помощи трону» запроектовали на 10 января 1945 г. массовый выход в отставку в качестве политической демонстрации, но после некоторых осложнений были вынуждены остаться на своих местах. Неделью спустя Татэкава представил премьеру прошение об освобождении его от обязанностей президента «Молодежной организации помощи трону», и другие лидеры этой организации последовали его примеру.

Сильное возбуждение в тот же период вызвала намечаемая перестройка «Политической ассоциации помощи трону», в чем экстремисты совершенно правильно видели первый шаг к роспуску других партийных группировок.

Назначение в декабре 1944 г. адмирала Кобаяси, возглавлявшего «Политическую ассоциацию помощи трону», министром без портфеля явно имело своей задачей облегчить создание объединенной партии. Но 1 марта 1945 г., когда создание новой партии было фактически завершено, Кобаяси покинул пост президента «Политической ассоциации помощи трону». Он отказался принять пост

председателя новой партии «непременной победы», и последний перешел к генералу Дзиро Минами.

После некоторой проволочки «Политическая ассоциация великой Японии», наконец, была формально создана 30 марта 1945 г., за неделю до падения кабинета.

А «национализация» некоторых авиационных заводов вместе с первыми шагами к созданию «промышленной армии» положила начало созданию экономической структуры «непременной победы».



Глава XIII

ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ

С образованием кабинета Судзуки внутренняя оборона страны была вверена двум старейшим генералам с признанными талантами и консервативными взглядами — фельдмаршалам Ген Сугияма и Сюроку Хата. Для координации политики правительства и стратегических задач войны Судзуки, подобно своему предшественнику Койсо, счел необходимым войти в состав императорской ставки¹. Для борьбы с растущей инфляцией были приняты энергичные меры, включавшие в себя реформу методов финансирования компаний по производству вооружений и реорганизации министерства финансов, Японского банка и финансовых контрольных ассоциаций. «Национализация» промышленности проводилась на условиях, вполне удовлетворяющих дзайбацу. Новые реформы системы управления восемью административными округами усилили последние для выполнения задач самостоятельной обороны каждого округа к тому времени, когда угроза вторжения в страну делается реальной. Тесно связанным с этими местными органами был только что созданный «Гражданский добровольческий корпус», целью которого являлась мобилизация всего населения в ряды военной организации, предназначенной для того, чтобы подчинить военной дисциплине промышленных и сельскохозяйственных рабочих и подготовить «народное» вооруженное сопротивление в случае вторжения противника, но также и для подавления народных волнений.

В своей политической программе кабинет Судзуки ориентировался на наиболее солидные элементы придворных, морских и деловых кругов. Если при формиро-

¹ Тодзио в качестве военного министра по положению входил в состав императорской ставки.

вании предыдущего кабинета консерваторы еще считали необходимым воспользоваться именем генерала Койсо — представителя армии, в начале своей карьеры разделявшего экстремистские взгляды, — то при формировании кабинета 7 апреля 1945 г. такая уловка была уже отброшена. Новым премьером был адмирал барон Кантаро Судзуки, бывший министр двора, получивший ранение от руки убийцы во время офицерского мятежа 26 февраля 1936 г. С ним была тесно связана группировка виднейших политических лидеров Коноэ—Хиранума—Ёнай, отличительными особенностями которой было преобладание лиц почтенного возраста и представителей флота. Вошедшие в кабинет два лидера армии придерживались такой же политической линии и были известны как лица особенно близкие к императору, не запятнавшие себя ни малейшим налетом экстремизма ¹*

Такой же сдвиг к консерватизму произошел и в гораздо более важной политической области, оказывавшей решающее закулисное влияние на формирование кабинетов в Японии. В среде бывших премьеров, или новых генро, ведущую роль стали играть Коноэ, Хиранума и даже Окада ², также случайно избежавший смерти во время февральского мятежа 1936 г. Костяк нового кабинета составили ставленники Коноэ и Хиранума, точно так же как ставленники Ёнай составляли большинство кабинета Койсо. Более того, Хиранума сменил Судзуки на

¹ Министр без портфеля генерал-лейтенант Фудзивара Ясуи был начальником чрезвычайного штаба частей, подавивших февральский мятеж 1936 г. Военный министр генерал Корэтика Анами был одноклассником Ясуи в военном училище. Оба они в различное время командовали 2-м пехотным полком дивизии императорской гвардии.

* Одна из главных причин создания кабинета из числа так называемых «умеренных» заключалась в том, что в связи с приближением капитуляции Германии, и, в связи с этим — резким ухудшением военного положения Японии, правящие круги Японии начали искать пути для выхода из войны на основе сговора с правящими кликами США и Англии за счет народов — жертв японской агрессии. Следуя своей обычной тактике (см. об этом вступительную статью), правящие круги Японии сочли целесообразным выдвинуть на первый план лиц, пользовавшихся в США и Англии репутацией «умеренных». — *Прим. ред.*

² Генеральным секретарем кабинета был назначен Хицасунэ Секомидзу, зять адмирала Окада.

посту председателя тайного совета, закрепив этим еще один важнейший пост за консерваторами.

Новым министром вооружений — четвертым с тех пор как Тодзио впервые занял этот пост — был адмирал Тэй-дзио Тоёда, виднейший представитель многочисленных японских офицеров, ушедших в отставку ради карьеры в деловом мире. Вместе с ним в новое правительство вошел в качестве министра без портфеля вице-адмирал Сакондзи, также ставший признанным знатоком в промышленности. Тоёда принадлежал к группе Мицубиси, тогда как Сакондзи прежде занимал пост президента Северо-Сахалинской нефтяной компании, контролируемой концерном Мицуи. Возглавлявший в течение восемнадцати месяцев Бюро тотальной мобилизации Эцусабуро Сиина был выдвинут на пост вице-министра вооружений.

При осуществлении этих перемен были отстранены все лица, хотя бы в малейшей степени считавшиеся «экстремистами», и руководство делами государства перешло в руки испытанных престарелых советников императора. Этот важнейший сдвиг — завершение начавшегося весной 1943 г. возврата к «нормальному положению» — необходимо учитывать при любом истолковании введенного новым кабинетом в июне 1945 г. «беспарламентского правления». Эти чрезвычайные полномочия были присвоены себе теми лидерами, сила которых покоилась в основном на поддержке со стороны дзайбацу.

Первые шаги кабинета Судзуки были весьма показательны для его состава и политических установок и явились развитием проведенных Койсо консервативных мероприятий. Кабинет решил возобновить систему парламентских заместителей министров и советников, и 15 мая были объявлены имена 24 новых должностных лиц, осуществлявших функции связи с парламентом. В этом списке была широко представлена верхняя палата; из среды выделенных членов нижней палаты большинство являлось представителями старых партий. Эти лица должны были раз в неделю проводить совещания с кабинетом министров, что должно было служить доказательством «единства правительства и народа», о котором 16 мая говорил на своей первой пресс-конференции премьер Судзуки.

26 апреля 1945 г. было опубликовано сообщение о назначении 13 советников кабинета, в состав которых входило восемь представителей деловых кругов. По меньшей мере трое из них — Рёдзо Асано, Аитиро Фудзияма и Котаро Сэнгоку — проявили наибольшую активность в развернувшейся в предшествующие месяцы кампании за «национализацию» промышленности. Остальные советники были группой умеренных, состоящей из двух представителей от каждой из палат парламента, и по одному — от армии, флота и дипломатической службы. Представителем флота был отставной вице-адмирал, член нижней палаты парламента, тогда как генерал Санэнобу Оно, также находившийся в отставке, был в числе советников еще при кабинете Койсо. 10 мая состоялось назначение еще одного — четырнадцатого — советника в лице Такетора Огата, являвшегося представителем издательских кругов. Эти советники должны были проводить совещания три раза в неделю. Быстро осуществленные весной 1945 г. разносторонние мероприятия показывают, что эти лица играли активную роль в выработке политической линии.

Реорганизация системы финансирования военной промышленности

В течение многих месяцев сфера финансирования военной промышленности являлась весьма серьезной проблемой. Судя по давно назревшим мероприятиям, проведенным в конце концов только в мае 1945 г., Тоёда искал уязвимых участков в деятельности министерства вооружений. Эта проблема была весьма сложной и многосторонней. Многие маневры, ведущие к утечке фондов, постепенно пресекались, но обычно лишь после обнаружения крупного ущерба.

Еще в бытность у власти кабинета Койсо, парламент провел пересмотр закона о финансировании предприятий военной промышленности, принятый в январе 1944 г. В течение больше чем года «соответствующие финансовые институты», предназначенные для финансирования компаний по производству вооружений, продолжали, поскольку речь идет о крупных банках дзайбацу, свои

частные операции на стороне. Проведенный 1 апреля 1945 г. пересмотр этого закона привел к запрещению выделенным для такого финансирования банкам производить инвестиции, а также к запрещению обмена «специалистами» между частными банками и государственными учреждениями. С этого момента служащие этих выделенных для финансирования военной промышленности частных банков, например Японского и Промышленного банков, при заключении сделок в порядке положения о регулировании фондов, предусматривавшегося законом о компаниях военной промышленности, должны были занять полуофициальное положение.

Ни одно из этих мероприятий не ликвидировало существенного недостатка в системе финансирования, допускаяшей предоставление фактически неисчерпаемых фондов компаниям по производству вооружений без осуществления эффективного контроля. Одним из затруднений было разделение функций между министерством вооружений и министерством финансов. Министерство финансов юридически несло ответственность за вопросы, относящиеся к финансированию компаний по производству вооружений, но руководство заключением контрактов и распределением заказов было в руках министерства вооружений, которое располагало и собственным фондом, допускавшим самостоятельное финансирование. Еще одним весьма важным моментом в этом отношении было влияние дзайбацу на оба эти министерства, всегда чрезвычайно сильное, и особо резко проявившееся в разбираемый нами период 1944—1945 гг.

Однако к весне 1945 г. инфляция достигла таких угрожающих масштабов, что мероприятия для пресечения ее дальнейшего роста, — если таковые можно было изыскать, — становились настоятельной необходимостью. Сомнительно, что причиной инфляции были «неэффективное использование фондов, отпускаемых компаниям по производству вооружений, и расточительное расходование их некоторыми компаниями», как неоднократно отмечалось в японской печати; но едва ли можно оспаривать самое наличие такой неэффективности использования фондов и то влияние, которое она оказывала. В статье, озаглавленной «Чего мы хотим от нового министерства

финансов», бывший вице-министр финансов Хидэо Мацукама писал, что «эффективное использование отпускаемых и поглощение свободных фондов» являются двумя важнейшими задачами, стоящими перед Тоёсаку Хиросэ, министром финансов в кабинете Судзуки. Он добавлял, что при колоссальном 100-миллиардном бюджете на начинающийся с 1 апреля финансовый год для предотвращения инфляции эффективное использование фондов является особенно необходимым.

Но даже и помимо тревожных перспектив нового бюджета, сложившиеся условия могли вызывать достаточно беспокойства. Для увеличения продукции сельскому хозяйству выплачивались громадные субсидии, и вместе с тем над розничными ценами был установлен контроль. Но и при этом официальная розничная цена на рис составляла 47 иен за коку¹, причем цены на рожь, ячмень, пшеницу и соль были столь же высоки. В апреле 1945 г. выпуск банкнот возрос до 20 млрд. иен против 13 млрд. иен в сентябре 1944 г. и 1,5 млрд. иен в августе 1937 г. Весьма показательным для этой тенденции было сообщение министерства финансов от 20 апреля о том, что банкноты в 200 иен, до сих пор выпускавшиеся лишь в очень незначительном количестве, будут пущены в широкое обращение.

Месяц спустя министерство финансов, наконец, завершило реорганизацию методов финансирования компаний по производству вооружений. В это время выяснилось, что число финансовых учреждений, выделенных для кредитования военной промышленности, возросло параллельно с увеличением числа компаний военной промышленности. Поскольку наличные капиталы не могли удовлетворить растущих нужд военной промышленности, выделенные банки для получения требуемых военной промышленностью фондов вошли в крупную задолженность у Японского банка. Но эффективного контроля над предоставляемыми ссудами не существовало.

¹ Коку соответствует примерно 160 кг. Средняя цена коку риса в 1937 г. несколько превышала 30 иен. В конце апреля 1946 г. кабинет Судзуки, увеличив субсидии за рис, довел общую цену на рис до 92,50 иен за коку.

Для исправления положения был создан в качестве вспомогательного органа Японского банка и 15 мая 1945 г. официально открыл свои операции Банк объединенных фондов. В число вкладчиков этого нового банка вошли различные полуправительственные банки, а также пять крупных банков и четыре доверительные компании дзайбацу. Капитал Банка объединенных фондов был установлен в 50 млн. иен, половина которого была оплачена. Около 80% акций этого банка принадлежали Японскому банку, на который была возложена финансовая и административная ответственность за операции и развитие нового банка. Директором нового банка был назначен заместитель управляющего Японским банком, а директором-распорядителем — управляющий коммерческим сектором Японского банка. Отделения нового банка были открыты при отделениях Японского банка, а его главное правление помещалось в самом Японском банке. Считалось, что в течение 1945 г. Банк объединенных фондов сможет предоставить военной промышленности около 4 млрд. иен.

Весной 1945 г. в финансовой системе был осуществлен целый ряд и других мероприятий. Была изменена организационная структура министерства финансов и Японского банка. 1 июня 1945 г. восемь прежних финансовых контрольных ассоциаций были слиты в три новых органа¹. Коллегиальная система, согласно которой руководители Национальной финансовой контрольной ассоциации выделялись от каждой категории банковских учреждений,

¹ Контрольная ассоциация банков и доверительных компаний была образована путем слияния четырех ассоциаций, осуществлявших контроль над обычными (частными) банками, местными банками, сберегательными банками и доверительными компаниями. В результате слияния двух контрольных ассоциаций — Контрольной ассоциации компаний по акцепту ценных бумаг и Контрольной ассоциации биржевых маклеров — была создана Контрольная ассоциация по операциям с данными бумагами. Народная финансовая контрольная ассоциация была создана путем объединения двух контрольных ассоциаций — Ассоциации пригородных кредитных обществ и Ассоциации обществ взаимного кредита. Вместе с контрольными ассоциациями по страхованию жизни, по страхованию от увечий и по финансированию кооперативов теперь осталось всего шесть финансовых контрольных ассоциаций.

привела к созданию системы взаимной связи между Национальной финансовой контрольной ассоциацией и входящими в ее состав различными контрольными ассоциациями. И, наконец, был создан объединенный директорат Японского банка и Национальной финансовой контрольной ассоциации.

С увеличением разрушений, наносимых воздушными налетами, потребовались чрезвычайные меры по обеспечению страхования от увечий. Для облегчения бремени, ложившегося на частные страховые фирмы в начале весны 1945 г., была создана Контрольная ассоциация по страхованию от увечий, которой было присвоено право непосредственного выпуска соответствующих полисов. Страховые премии по этим полисам получали правительственную гарантию, и «разделение риска» способствовало «взаимной выгоде». Создание этой новой ассоциации, как сообщалось, «значительно укрепило» дело страхования от увечий в Японии, которое постепенно становилось государственным предприятием. 2 мая появилось сообщение о том, что развернувшая свои операции в Восточной Азии Компания по страхованию от огня и страхованию судоходства, потеряв половину своего капитала в 50 млн. иен, в недалеком будущем передает свои операции контрольной ассоциации и ограничит свою деятельность Китаем.

Государство «берет в свои руки» промышленность

В последние месяцы пребывания у власти кабинета Койсо министерство вооружений подвергалось ожесточенным нападениям. Можно предполагать, что критика частично была порождена неспособностью министерства достаточно быстро включиться в начатую промышленниками кампанию за «национализацию». Однако при кабинете Судзуки министерство вооружений смогло себя реабилитировать главным образом благодаря созданию Арсенала вооружений, предназначенного для управления «национализированными» авиационными заводами.

До этого момента министерство подвергалось все более резкой критике, раздувавшей всякое проявление слабости в его работе. Реорганизация системы финансирования компаний по производству вооружений ликви-

ровала лишь один источник нападок. С началом разрушительных воздушных налетов министерство вооружений, на котором лежала вся ответственность за авиапромышленность, оказалось в особо уязвимом положении. Но были и другие факторы. Введение в силу закона о военно-промышленных компаниях, принесшего вместе со значительными экономическими выгодами для промышленников также назойливый контроль со стороны властей, вызвало раздражение владельцев военно-промышленных компаний. Так, например, выпущенное 3 февраля обращение ряда коммерческих объединений содержало требование «решительного упрощения системы административного и экономического контроля с тем, чтобы ограничить функции всех административных органов планированием и наблюдением за важнейшими проблемами».

Некоторые из этих факторов особо подчеркивались резкой критикой, широко развернувшейся в мае 1945 г., более чем через месяц по приходе к власти нового кабинета. В одном случае министерству вооружений вменялась в вину неспособность проявить бóльшую «проницательность и решительность» в преодолении «узких мест», ограничивающих возможности Японии сохранять выпуск самолетов на необходимом для удовлетворения нужд войны уровне. В другом случае стремились доказать, что для увеличения производительности авиапромышленности чиновники министерства вооружений должны «предоставить более широкие полномочия» компаниям. Большого внимания заслуживает сообщение агентства «Домей» от 18 мая, поскольку, как и во многих подобных случаях, в дальнейшем оказалось, что агентство пользовалось в своих выводах официальными источниками. Сообщение прежде всего отмечало, что министерство вооружений всеми признается «неспособным нести возложенную на него тяжелую ответственность». Затем, приведя направленные против министерства критические высказывания о его «неспособности наладить производство», агентство настаивало, чтобы функции министерства были «как можно быстрее» переданы местным органам. Наконец, сообщение предсказывало, что управление инспекции министерства вооружений будет «в полной мере усилено» в соответствии со стоящими перед ним задачами.

Три недели спустя осуществились и рекомендации и предсказание. 6 июня 1945 г. была осуществлена структурная реорганизация министерства вооружений, приведшая к сокращению числа его секций с 75 до 54 и к перемещению 67 высших чиновников министерства. Многие функции центрального аппарата министерства были переданы его местным органам, одновременно в местные органы была переведена и значительная часть личного состава. Мало того, 8 июня восемь окружных административных советов были переформированы в управления генеральных инспекторов, и бывшие президенты советов стали теперь генеральными инспекторами. По новой системе пост генерального инспектора был отделен от поста губернатора префектуры, за исключением округов Токио (столичного), Хоккайдо и Сикоку. Таким образом, по крайней мере в пяти округах генеральные инспекторы были освобождены от обязанностей, связанных с управлением префектурой. Взамен старых управлений инспекции вооружений в управлениях генеральных инспекторов были созданы бюро инспекции вооружений, но должностные лица прежних управлений сохранили свои посты.

При назначении Тоёда министром вооружений вновь возник старый вопрос об «унификации», но в первые два месяца пребывания его на этом посту данный вопрос оставался скорее в сфере пропаганды, чем в сфере практической политики. В день формирования кабинета Судзуки агентство «Домей» передало передовую статью газеты «Асахи», которая, видимо, была инспирирована. Газета заявляла, что административное руководство производством вооружений распылено между тремя министерствами: военным, морским и вооружений, что на девять десятых «нельзя рационально обосновать». При настоящем недостатке материалов и рабочей силы, утверждала «Асахи», такое разделение административных функций может привести к «ненужной путанице». Начало организованной кампании в этом направлении было положено одним из четырех пунктов программы, представленной 24 мая премьеру Судзуки президентом Общества обеспечения национальной политики. Рекомендация предусматривала «передачу значительно больших полномочий» министерству вооружений путем включения

в состав этого органа всех технических отделов, сохранившихся в центральных органах морского и военного министерств. Таким образом, при всех своих недостатках министерство вооружений, как видно, еще могло выполнять требования японских деловых кругов.

Но по крайней мере в одной области промышленники высоко оценили деятельность министерства вооружений— в области руководства «национализированными» авиационными заводами через Арсенал вооружений. В радиобзоре от 31 мая 1945 г. агентство «Домей» сообщило, что эти заводы в апреле и мае показали «значительный рост» производительности. Этот рост приписывался «замечательному подъему духа служения нации» среди всего работающего на производстве личного состава и «четкому контролю и руководству» этими заводами. Полученные результаты «привлекают пристальное внимание сторонников полной национализации промышленности».

Следует помнить, что «Арсенал вооружений», в котором доминирующую роль играли промышленники, был создан 1 апреля 1945 г. для руководства некоторыми «национализированными» авиационными заводами. В административном отношении эти заводы были подчинены министерству вооружений, но они продолжали оставаться частновладельческими во всех отношениях, за исключением лишь того, что государство взяло на себя расходы по восстановлению нанесенного бомбардировками ущерба. При таком положении рвение, проявленное промышленниками для повышения продукции этих заводов, вполне понятно.

Не приходится сомневаться в наличии взаимосвязи между этими инспирированными сообщениями о «производственных достижениях» и состоявшемся незадолго до того в Токио совещанием авиапромышленных компаний, в котором участвовало более 150 виднейших японских авиазаводчиков. 24 мая эти промышленники провели в официальной резиденции премьера совещание, в котором приняли участие министры: военный, морской, вооружений, а также и другие члены кабинета. За сообщением агентства «Домей» от 31 марта 1945 г. последовала передовая статья в «Ёмиури-Хоти» от 5 июня, содержавшая более откровенное требование «национализации» промышленности. Наиболее важная часть статьи гласила:

«За последнее время отмечается неуклонное падение прибылей, получаемых ведущими компаниями по производству вооружений, что в немалой степени отражается на производстве. С другой стороны, те авиационные заводы, управление которыми осуществляется государством, показали лучшие результаты по сравнению с тем временем, когда они находились под управлением частных лиц. . . Правительству давно пора отказаться от своей «выжидательной» позиции по отношению к вопросу о перестройке промышленной системы».

Через три дня, 8 июня 1945 г. кабинет Судзуки обнародовал новые положения, предусматривавшие «перестройку всех отраслей промышленности страны в целях использования всех производственных возможностей для усиления обороноспособности». Главнейшими пунктами этого положения были следующие:

1. Определенным предприятиям правительство гарантирует дивиденд в размере 5% годовых за счет государственного казначейства.

2. В случае, если эти предприятия получают годовой дивиденд в 8% или выше или прибыли, превышающие определенный лимит, то этот излишек поступает в доход государства.

3. Предприятиям, не входящим в число особо перечисленных, правительство предоставит отсрочку платежей по расходам, возникшим в результате эвакуации или военного ущерба. В случае нарушения баланса правительство предоставит помощь в размере установленного дивиденда.

4. Правительство запланировало возмещение за счет государственного казначейства всех расходов, вызванных децентрализацией и военным ущербом.

5. Строительство новых заводов или расширение существующих будет в принципе приостановлено и будут использованы оборудование и материалы предприятий, подвергшихся разрушениям.

6. Правительство предоставит помощь в отношении строительства бомбоубежищ, жилищ и иных сооружений, постройка которых собственными силами окажется для предприятий затруднительной.

Комментарии к этой программе излишни. Она полностью соответствует «национализации промышленности» в том плане, в каком этот вопрос горячо обсуждался японскими деловыми кругами с января 1945 г. Оставался еще один шаг — завершить создание «экономического генерального штаба» для оперативного руководства «национализированными» предприятиями. Разрешение этой проблемы значительно усилило власть дзайбацу. 4 июля 1945 г. в результате пересмотра эдикта об ассоциациях в важнейших отраслях промышленности к широким функциям контрольных ассоциаций прибавились еще две новые: 1) функция «оперативного управления (важнейшими) отраслями промышленности» и 2) ответственность за распределение «прибылей и возмещение ущерба, нанесенного этим отраслям промышленности».

Такое разрешение проблемы было, без сомнения, продиктовано обостряющимся военно-экономическим кризисом. Разрушение предприятий и нарушение системы транспорта все в большей степени затрудняло осуществление министерством вооружений контроля над национальной экономикой, даже и через свои восемь окружных управлений. Во время воздушных налетов на месте были только должностные лица соответствующих концернов и только они могли принять неотложные решения и осуществить необходимые мероприятия. Этот шаг — дальнейшее расширение функций контрольных ассоциаций в своем политическом аспекте — явился завершающим штрихом, очерчивающим роль дзайбацу в военной экономике Японии.

Государство сначала приняло на себя возмещение убытков и гарантировало прибыли «национализированных» отраслей промышленности. Затем оно передало дзайбацу управление этими отраслями промышленности, а также распределение прибылей в возмещение убытков.

В это же время кабинет Судзуки по требованиям «народа» * столь же откровенно подготовлял создание «промышленной армии». Название «Гражданский добровольческий корпус» должно было «позолотить» этот проект.

* То есть промышленников. — *Прим. ред.*

«Гражданский добровольческий корпус»

С созданием «Гражданского добровольческого корпуса», в период между апрелем и июнем 1945 г. постепенно принявшего конкретные формы, был связан ряд других проблем — разрешение партийных разногласий, раздиравших кабинет Койсо, различные проблемы осуществления программы децентрализации и вопрос о «промышленной армии».

В связи с угрожающей военной обстановкой, «Политическая ассоциация великой Японии», хотя и была формально создана 30 марта, не могла фактически завершить свою организацию до 10 апреля, когда президент ассоциации Минами провел назначение целого ряда лидеров старых партий на посты должностных лиц и председателей комитетов. Некоторые затруднения возникли также и при роспуске «Ассоциации помощи трону» и связанных с ней организаций, но 13 июня 1945 г. и это мероприятие было осуществлено¹. 17 мая 1945 г., выступая в своей официальной резиденции с речью перед лидерами «Ассоциации помощи трону» премьер Судзуки призывал их внести свой «богатый опыт и былой энтузиазм» в дело создания «Гражданского добровольческого корпуса».

Но и здесь упорно сохранялись резкие фракционные расхождения между крайне правыми экстремистами и лидерами старых партий. 17 мая, когда, наконец, было объявлено о предстоящем роспуске «Ассоциации помощи трону»², «Асахи» мрачно предостерегала об «опасности» слияния в «Гражданском добровольческом корпусе» слишком большого числа организаций и предлагала выделить специальных агентов связи для ведения переговоров с различными, связанными с Ассоциацией помощи трону организациями для того, чтобы обеспечить возможность создания «гармонической атмосферы». Если для «Гражданского

¹ Наиболее важной из связанных с «Ассоциацией помощи трону» организацией была организация молодежи, которой руководили экстремисты Татэкава и Хасимото. Некоторые из «функциональных», но не «политических» органов «Ассоциации помощи трону» были сохранены.

² Кабинет Койсо впервые принял решение по этому вопросу еще 2 апреля 1945 г.

добровольческого корпуса» эта проблема была важной лишь потенциально, то для «Политической ассоциации великой Японии» она была актуальной. Экстремисты, вышедшие из Политической ассоциации помощи трону до ее превращения в Политическую ассоциацию великой Японии, сохранили свои фракции вне новой «единой» партии. .

В результате сложившегося положения к 20 апреля произошел резкий раскол в среде 430 членов нижней палаты парламента; 20 экстремистов объединились в «Ёкусан сонэн гиин досикай» — Общество членов парламента — друзей «Ассоциации молодежи корпуса помощи трону», 30 не столь крайних экстремистов образовали «Гококу досикай» — «Общество защиты отечества». В состав «Ассоциации великой Японии» вошло 355 членов палаты. Двадцать пять членов палаты еще колебались и не примкнули ни к одной из группировок. Ирония такого исхода заключалась в том, что согласно существовавшему положению две создавшиеся фракции имели формальное право зарегистрироваться в министерстве внутренних дел в качестве политических партий, а также сообщить регистрационному бюро нижней палаты о желании считаться «отдельной партией», имеющей право участвовать в совещаниях фракций палаты. «Политическая ассоциация великой Японии» также зарегистрировалась в качестве «отдельной партии». Таким образом, создание новой «единой» партии фактически привело к созданию трех партий. Привилегия вести споры в своей среде принадлежала только членам олигархии, но народ был этого лишен.

«Политическая ассоциация великой Японии» с нескрываемым удовлетворением взялась за восстановление префектурных и местных организаций, которых со времени роспуска в 1940 г. были лишены старые партии. После состоявшегося 23 апреля совещания Минами и других должностных лиц «Политической ассоциации великой Японии» с премьером, министром внутренних дел и секретарем кабинета руководители ассоциации выработали общие принципы и положения о местных органах. Каждое местное бюро должно было состоять из назначенного Минами директора, секретаря, директора-администратора и советников, а также должно было иметь две секции —

секцию общих дел и секцию «образа жизни военного времени». В состав местных органов должны были войти члены префектурных и городских ассамблей, а также руководящие лица различных организаций. Директора местных органов должны были назначать должностных лиц из числа проживающих в данном округе членов ассоциации. В каждом административном округе должен был быть создан союз местных организаций, возглавляемый президентом, а всем местным органам ассоциации надлежало сотрудничать с «Гражданским добровольческим корпусом».

Все эти партийного типа организации были тесно связаны с созданным в апреле — мае «Гражданским добровольческим корпусом». В своей окончательной форме это было не что иное, как та самая «промышленная армия», создания которой так энергично добивался «народ» * еще с января месяца. По существу «Гражданский добровольческий корпус» был «фольксштурмом», пригодным как для несения военной службы, так и для обслуживания нужд производства. Новой организации тщательно старались придать такой вид, будто она возникла не только в результате действий правительства, но и по «народной инициативе».

«„Гражданский добровольческий корпус“, — заявлял один радиокомментатор, — не навязан народу. Он представляет собой нечто само собой вырастающее из земли. Точно так же, как весной вырастают из земли многочисленные безымянные травы, так же самопроизвольно возникло требование создания „Добровольческого корпуса“. Эта идея никем не выдумана и никем не разработана».

Этот радиокомментатор в сущности повторял стереотипное изображение корпуса в качестве «кристаллизации неудержимых стремлений духа народа», которая «придает растущему воодушевлению народа двигательную силу». Передовые статьи в «Нипон Таймс» от 5 и 20 мая были несколько менее умеренными. В одной из них разъяснялось, что «хотя в среде широкой публики считают, что „Добровольческий корпус“ является организацией чрезвы-

* То есть, японские промышленники. — *Прим. ред.*

чайного порядка, при этом военной по своей природе, но на самом деле его главнейшая роль — не военного, а духовного и морального порядка». В другой статье, прежде чем заявить, что этот план теперь вполне приемлем для народа, сначала отмечалось, что в нем «чувствуются воля и принуждение со стороны государства». Одна из этих двух передовых статей отстаивала невоенный характер корпуса, другая доказывала его добровольную природу, стремясь доказать, что он не является «диктаторским, как национал-социалистская организация в Германии».

В действительности, подготовке и руководству созданием этой «народной армии» уделялось чрезвычайное внимание. 27 апреля внутри кабинета был учрежден совет «Гражданского добровольческого корпуса» в качестве органа «для всестороннего обсуждения основных вопросов, касающихся деятельности корпуса». Этот совет возглавил министр внутренних дел Генки Абэ, а деятельность корпуса протекала под руководством министерства внутренних дел. В состав совета при кабинете входило 35 человек, в том числе секретарь кабинета Сэкомидзу, вице-министры нескольких ведомств и руководители различных «гражданских организаций». На первом заседании этого совета 12 мая с речами выступили премьер Судзуки и министр внутренних дел Абэ. Премьер заявил, что «весьма желательны быстрая организация и полное развитие деятельности корпуса» и выразил надежду на «сотрудничество различных гражданских организаций», не упомянув, включает ли он в это число Экономическую ассоциацию торговли и промышленности. «Гражданский добровольческий корпус», заявил он, является по природе «добровольным», сферой его деятельности является не военная служба, а «мирное производство». Поскольку корпус вполне полагается на добровольные стремления своих членов, он никогда не будет организацией, «контролируемой правительством». Члены корпуса должны были, по словам Судзуки, выполнять «свою работу с таким же рвением, с каким части особого назначения («камикадзе») выполняют свои операции на фронте». Когда же корпус «станет боевой единицей, — заявил он со странным противоречием, — его назначением будут функции боевой

части». Но основным его принципом является укрепление «морального состояния» народа. Здесь вводилась новая терминология: члены олигархии, не входившие в правительство, именовались «гражданскими лицами», а народ — просто народом.

В это же время министерство вооружений и министерство труда разослали приказы о создании распоряжениями префектурных органов системы «трудовых отрядов» на всех заводах и фабриках, а министерство земледелия и торговли намечало создание «земледельческого корпуса». В появившихся сообщениях первые характеризовались как «военные части», а вторые — как «аграрная милиция». Префектурные администраторы и члены окружных административных советов были вызваны в Токио для инструктирования, а губернаторам было предписано обеспечить контингенты, установленные кабинетом, для префектурных организаций корпуса. Возглавлявшийся генералом Дзюдзо Нисию округ Токио, обязанный в силу своего столичного положения служить примером для всех префектур, обнародовал такой всеохватывающий план, что всякий отказывавшийся от вступления в корпус оказывался скомпрометированным.

14 мая 1945 г. премьер Судзуки выступил перед губернатором префектур с речью, в которой он более четко определил, какого «морального закона» он придерживается. «Каждый должен выполнять свой долг» — по определению премьера означало, что «каждый член корпуса должен целиком отдаться своей работе — крестьянин не должен выпускать из рук плуга, даже если он падает от усталости». «Нерушимое товарищество» членов корпуса означало «обязательство «одинаково выносить и хорошее и плохое». Еще одним важнейшим принципом объявлялась «всеобщая гармония». По этому поводу, обращаясь к тем губернаторам, у которых могли возникнуть сомнения в отношении этого морального принципа, Судзуки заявил: «Вне зависимости от того, какой оборот может принять ход войны, в руководстве народом действуйте четко и решительно... а премьер и министр внутренних дел возьмут на себя ответственность за любые жесткие меры, которые вам, быть может, придется предпринять».

Эти слова премьера получили отзвук в речи генерального прокурора Намисуке Накано, произнесенной 21 мая в Токио на совещании главных прокуроров и председателей апелляционных судов. Как сообщало агентство «Домей», прокурор Накано заявил: «В отношении идеологических преступлений прежде всего надо сделать упор на наблюдении за речами и действиями агитирующих за мир. Под влиянием нарастающего обострения военного положения, резких изменений в международном положении и возрастающей частоте воздушных налетов противника среди некоторой части населения появилось стремление агитировать за мир и выступать с критическими речами». Признавая «невозможность отразить врага вне Японии, если внутри страны не будет полного единства», Накано указал, какие необходимо принимать меры. «Необходимо производить аресты в случае любого выступления, могущего нарушить это внутреннее единство». Поскольку «антивоенные разговоры нарушают единство страны», «жесткий метод» арестов надлежит применять «против тех, кто ведет такие разговоры».

Считалось, что «Гражданский добровольческий корпус» дополнит воздействие этих «жестких мер». Благодаря «духу» своих членов он сможет подавить всякие выражения протеста, но для воспитания членов корпуса необходимо обеспечить соответствующее руководство. Правительственные инструкции определяли и подчеркивали задачи руководства. Наиболее желательными были «прирожденные лидеры», пользующиеся уважением народа, воплощающие в себе традиционные добродетели, «настолько прославившиеся патриотизмом и решимостью, что народ признает их». Эта инструкция создавала впечатление необходимости полной замены руководства. «Большинство этих лидеров, — как отмечалось в докладе одного из губернаторов, — являются бывшими руководителями «Ассоциации молодежи помощи трону» и отставными армейскими и морскими офицерами».

12 мая столичный округ Токио выработал свои планы. Мужчины до 65 лет и женщины до 45 лет подлежат организации в части по территориальному принципу, т. е. в районные и коммунальные ассоциации, и по профессиональному принципу, т. е. по государственным учрежде-

ниям и частным промышленным и торговым предприятиям с числом рабочих не менее 100 чел. Студенты организуются особо там, где есть группы более чем в 50 чел. Территориальные части возглавляются начальниками соответствующих территориальных районов (округов), а руководители фирм и государственных учреждений возглавляют свои профессиональные части.

По армейскому образцу, три взвода составляли роту, три роты — батальон. Полностью осуществлялась и координировалась с «Гражданским добровольческим корпусом» система рабочих команд, несколько ранее введенная министерствами здравоохранения и вооружений; как те, так и другие части формировались строго по военному образцу. По сообщениям агентства «Домей» самым мелким подразделением было «звено», состоявшее из 10—20 человек, работающих в данном цехе. Три-четыре звена составляют отделение; три отделения — роту; три роты — батальон и три батальона — корпус численностью от 1000 до 3000 членов. В Токио профессиональные части численностью в 500 и более человек поступают под командование губернатора, более мелкие части — под командование начальников соответствующих районов. Рабочие в профессиональных корпусах подразделяются согласно военному уставу, их квалификации и их положению на предприятии. Лучшие из членов корпуса «выделяются в ударные части, которые должны составить ядро организации».

Состоявшаяся 9—12 июня 1945 г. 87-я чрезвычайная сессия парламента приняла закон о добровольной военной службе. Согласно положениям этого закона, «Гражданский добровольческий корпус», при необходимости, может быть переформирован в боевую единицу. Каждая часть в отдельности может получить приказ перейти к боевым операциям в тех районах, которым угрожает вторжение. Считалось, что первыми частями, которым предстоит перейти под военное командование, будут профессиональные части министерства транспорта и связи. Отдельные части в некоторых случаях могут быть выдвинуты из тыла на фронт. Контингенты «подлежащих вступлению» в «Гражданский добровольческий корпус» составляли мужчины от 15 до 65 лет и женщины от 25 до

45 лет. В боевых условиях максимальный возраст снижался на 5 лет. Каждый должен был отслужить один год. Рапортом по команде лица, оторванные от своих занятий для несения службы в корпусе, могут испросить выплату жалования.

Главнейшими обязанностями «Добровольческого корпуса» были «профессиональные задачи» в тылу, но в боевых условиях на него возлагалось ведение партизанской борьбы. Учитывая проявленное «воодушевление», власти были чрезвычайно осторожны при выборе оружия, предоставляемого членам корпуса. Согласно закону о добровольной военной службе, основное вооружение частей «Добровольческого корпуса» должно было состоять из «фамильных мечей и бамбуковых копий», однако «по мере возможности» армия будет предоставлять им «гранаты и огнестрельное оружие». Наградой за проявленную в боях храбрость будет пожалование ордена Золотого коршуна и причисление к лику богов в храме Ясукуни; иждивенцы погибших будут обеспечены государством.

В соответствии с этими мерами отдел сухопутной армии императорской ставки 22 июля 1945 г. издал для всех частей «Добровольческого корпуса» «Руководство для народа по ведению оборонительных боев». Предисловие содержало призыв вести бои в духе «камикадзе» и придерживаться тактики «презрения к смерти». Иллюстративный и текстовый материал этой книги охватывал такие вопросы, как «методы противотанковой защиты, методы ведения огня из ручного оружия по самолетам противника, методы боев по перехвату групп автомашин противника путем затопления дорог, тактика боев против авиадесантов противника и методы использования газов (!) огнеметов». Предисловие изданного одновременно руководства «Как строить укрепления» призывало народ превратить «свои родные места» в крепости, вести бои «до последней минуты» с «непоколебимой верой в победу». В тексте описывались методы строительства «индивидуальных убежищ, коллективных убежищ и противотанковых препятствий, а также методы защиты при обстрелах и бомбежках».

К 5 июня было создано и начало свою деятельность большинство префектурных организационных штабов, на

которые возлагалась задача формирования «Гражданского добровольческого корпуса» на местах. В центральном правительственном аппарате различные ведомства создавали свои профессиональные части. 30 мая был создан корпус министерства финансов, «потенциальной численностью» в 12 000 человек; во главе его стоял вице-министр Масамити Ямагава. 1 июня был сформирован корпус министерства внутренних дел «потенциальной численностью» в 902 человека; возглавлял корпус заместитель начальника штаба гражданской противовоздушной обороны Хисаси Имаи. Подавая пример местным окружным органам, административный совет Токио 8 июня ознаменовал соответствующей церемонией создание своего корпуса. На церемонии присутствовали: возглавлявший организацию корпуса генерал Дзюдзо Нисио; бывший руководитель токийской организации «Ассоциации молодежи помощи трону» генерал-лейтенант Саэцунэ Усидзима, ставший теперь заместителем руководителя корпуса; один из администраторов концерна Мицубиси «представлявший профессиональный корпус»; официальные лица города; полиция и промышленные и сельскохозяйственные контрольные ассоциации. Участники церемонии представляли собой прекрасную иллюстрацию того, кто были создатели «народной» армии.

Параллельно с быстрой перестройкой «внутренней обороны» в «систему обороны против вторжения» шло и срочное завершение программы промышленного и сельскохозяйственного самообеспечения восьми административных округов.

При проведении эвакуации в городах приоритет предоставлялся прежде всего «децентрализуемым предприятиям», в особенности наиболее крупным. Некоторые «мелкие предприятия и их рабочие» остались в Токио и находились там даже в июне. Массовая эвакуация населения была приостановлена для того, чтобы преодолеть «затруднения в эвакуации промышленного оборудования». В апреле 1945 г. одно из сообщений отмечало, что «народ стремится не свертывать предприятия и не отправлять оборудование в безопасное место, а оставлять его на прежнем месте... Хотя большая часть оборудования уже эвакуирована, многое еще, в особенности из поврежден-

ного во время налетов, остается в беспорядке». В дальнейшем соответствующие мероприятия проводились более жестко. Например, появилось сообщение о том, что город Июкогама «добился удовлетворительных результатов благодаря прекращению эвакуации людей, которые должны остаться».

В округах принцип «местной самообеспеченности» пронизывал всю работу административных органов. Функции министерств финансов, юстиции и вооружений последовательно децентрализировались. Точно так же реорганизовывалась и пресса. В отношении промышленности даже проведенные 6—8 июня реорганизация и децентрализация министерства вооружений и учреждение новых постов генеральных инспекторов оказались недостаточными, и, как мы уже указывали, оперативное управление военной промышленностью было передано контрольным ассоциациям. Во всех сферах деятельности органы правительства и деловых кругов проводили реорганизацию своей структуры в целях раздробления страны на отдельные самообеспеченные административные единицы.

Эта политика нигде не проявлялась с такой ясностью, как в стремлении достичь самообеспеченности продуктами сельского хозяйства. 21 мая кабинет ввел систему контроля над рисом, целью которой было достижение самообеспеченности округов. Для обеспечения нормальных складских запасов инструкция бюро распределения продовольствия министерства земледелия и торговли определяла квоты риса, подлежащего хранению на складах в качестве резервов, для всех окружных центров, городов, деревень и районов. В случае, если какая-либо деревня не могла накопить запасов риса, то взамен его собирались запасы пшеницы, кукурузы или проса, или даже орехов, трав, папоротника и сухих листьев.

18 мая министр земледелия и торговли Исигуро предоставил на утверждение кабинета мероприятия по созданию в сельском хозяйстве организации, соответствующей системе рабочих команд в промышленности. По этому проекту в министерстве и в префектурных управлениях учреждался правительственный штаб военного времени, в ведении которого состоял «Добровольческий земледельческий корпус». В деревнях части этого корпуса должны

были состоять из «аграрной милиции, созданной из членов местных сельскохозяйственных ассоциаций и членов их семей» и, кроме того, из «молодежной сельскохозяйственной милиции», состоящей из юношей и девушек от 14 до 19 лет. Этой организацией будут руководить губернаторы префектур, которые возглавят окружные управления Продовольственного штаба военного времени. В этот последний орган, созданный 1 июня, входила в качестве составной части и Сельскохозяйственная ассоциация военного времени, образованная путем слияния двух прежних национальных земледельческих ассоциаций. Неделей позже в токийском столичном округе и во всех префектурах были созданы советы обеспечения нормированными продовольственными товарами. Эти мероприятия завершили систему контроля сельского хозяйства в экономике страны, ощущавшей все больший недостаток продовольствия.

Чрезвычайные полномочия правительства

Неизбежная потеря островов Окинава и отмеченный случай «паники в связи с угрозой вторжения» привели к созыву 9 июня чрезвычайной 87-й сессии парламента для проведения чрезвычайных мероприятий. Одним из таких мероприятий был отмеченный в предыдущем разделе закон о добровольной военной службе. Большее значение имел закон о чрезвычайных мероприятиях военного времени, целью которого являлось предоставление правительству полномочий осуществлять управление в порядке декретов. В процессе прохождения этого закона показательно два момента: во-первых, кабинет не воспользовался предусмотренными конституцией «полномочиями в случае критического положения» и, во-вторых, парламент настоял на компромиссе, предусматривавшем хотя бы частичное рассмотрение парламентом мероприятий, принятых в порядке чрезвычайного положения.

В главе, определявшей «права и обязанности» японских подданных, содержалась статья 31 японской конституции: «Содержащиеся в настоящей главе положения не затрагивают осуществления принадлежащих императору прав во время войны или в случаях национального действия». 9 мая — за месяц до созыва 87-й сессии парла-

мента — в сообщении агентства «Домей» была приведена появившаяся в «Майнити симбун» статья японского журналиста Иитиро Токутоми. В этой статье Токутоми выступил со следующим предложением:

«Для того чтобы преодолеть настоящее критическое положение, я предлагаю, чтобы правительство обратилось к трону с ходатайством об осуществлении императорской прерогативы объявлять, согласно статье 31 имперской конституции, чрезвычайное положение в империи... с целью превратить всю империю в единый громадный военный лагерь и все 100-миллионное население — в вооруженную армию».

Но, вместо того чтобы прибегнуть к такой процедуре, правительство внесло в палату законопроект о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий на осуществление необходимых мероприятий в порядке декрета. По словам премьера Судзуки, отвечавшего на запросы членов парламента, такой метод был избран вместо непосредственного применения императорской прерогативы, предусмотренного в статье 31, потому что правительство желает встретить национальный кризис «вместе с парламентом» и «в единении с народом». Однако фактически этот законопроект предоставлял правительству возможность проводить чрезвычайные мероприятия почти в таком же масштабе, как и в порядке, предусмотренном статьей 31. Обзор агентства «Домей» кратко определял характер этого законопроекта следующим образом:

«Принятие законопроекта о чрезвычайных мероприятиях военного времени предоставляет правительству полное право непосредственно проводить в жизнь, без дальнейшего законодательного процесса, любые мероприятия, которые оно, в соответствии с чрезвычайными обстоятельствами, считает необходимыми для разрешения срочных проблем, касающихся производства вооружений и продовольствия, подготовки обороны угрожаемых районов, усиления транспорта и связи, а также правительственного аппарата, финансовых и банковских вопросов».

Прежде чем билль был окончательно принят, в него было внесено несколько поправок, вызвавших «горячие дебаты», которые затянули сессию на два лишних дня.

Одна из этих поправок определяла, что упоминаемый в билле термин «правительство» включает в себя как центральные, так и префектурные органы власти. Другая, и более важная, поправка изменила текст статьи 4, предусматривавшей, что об издании чрезвычайных приказов правительство будет «сообщать» парламентской комиссии по чрезвычайным мероприятиям военного времени. После внесения поправок текст этой статьи гласил:

«До принятия каких-либо важных шагов правительство будет обсуждать их с (парламентской) комиссией по чрезвычайным мероприятиям военного времени, но если правительство при наличии обстоятельств, требующих немедленных действий, не прибегнет к этой процедуре, то оно поставит упомянутую комиссию в известность впоследствии».

Смысл «горячих дебатов», как видно, заключался в тех возможностях, которые метод беспарламентского правления мог в будущем предоставить экстремистам и поддерживающим их военным элементам, если бы они когда-либо предприняли попытку притти к власти при помощи силы. Для дзайбацу и для консерваторов вообще парламент и партии всегда служили последним оплотом в трудную минуту. Этим же моментом объясняется та осторожность, с которой Судзуки прибегнул к императорской прерогативе, изложенной в статье 31 японской конституции. Приняв такой метод, консерваторы, полностью контролировавшие кабинет Судзуки, могли маневрировать, пользуясь полной свободой. Когда Япония приближалась к величайшему в своей истории военному кризису, чрезвычайные полномочия были переданы в надежные руки. Более того, когда консерваторы сделали выбор между безоговорочной капитуляцией и той самоубийственной борьбой до последней минуты, к которой они, как видно, готовились, они меньше думали о противодействии экстремистов, чем об угрожавшей вспышке народного восстания. Таким образом, успешное проведение капитуляции соответствовало интересам всех группировок олигархии. Как во время войны, так и во время мира император выражал обобщенные интересы режима, который господствовал в Японии, а также и надежду на сохранение его и после поражения.

Глава XIV

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Под влиянием войны на Тихом океане японская экономика претерпела значительные изменения в отношении структуры ее промышленности, применения жесткого правительственного контроля и концентрации сил в руках крупных монополий. Ни одно из этих изменений не было новым явлением. В большей или меньшей мере все они уже проявлялись в период войны с Китаем 1937—1941 гг. и в десятилетие, предшествовавшее этой войне. Однако после 1941 г. развитие событий в этом направлении было чрезвычайно ускорено. К 1945 г. результатом этого процесса явилось уже качественное изменение в важнейших вопросах структуры, организации и контроля японской экономики.

Не безынтересно проследить и суммировать те шаги, при помощи которых дзайбацу, в тесном сотрудничестве с армией, осуществляли перестройку японской экономики для нужд войны в период, предшествующий нападению на Пирл-Харбор. Если дзайбацу будут оставлены и в условиях поражения, то они сохранят свое господство в японском правительстве и после войны. И, обладая опытом, полученным в этой войне, они смогут еще более тщательно подготовиться к следующей попытке захватить Восточную Азию при помощи оружия.

Годы подготовки

Самой яркой чертой экономического развития Японии в 30-е годы было быстрое развитие тяжелой промышленности, связанной с производством вооружений. В течение всего десятилетия, предшествовавшего войне на Тихом океане, роль легкой промышленности в общем производстве Японии неуклонно снижалась. Водоразделом служит кризис 1929—1932 гг. В 1931 г. продукция только

одной текстильной промышленности еще превосходила в ценностном выражении продукции тяжелой промышленности. В этом году из общей промышленной продукции, оцениваемой в 5 178 130 тыс. иен, на долю текстильной промышленности приходилось 37,2 %. Доля металлообрабатывающей, машино- и станкостроительной промышленности составляла 33,7 %. В дальнейшем, по мере того как Япония взяла на себя новые имперские обязательства в Маньчжоу-Го и приступила к перевооружению армии для подготовки к дальнейшей агрессии, развитие тяжелой промышленности было значительно ускорено. К 1935 г. общий выпуск промышленной продукции поднялся до 10 836 890 тыс. иен. Но теперь на долю тяжелой промышленности приходилось 47,2 %, а на долю текстильной промышленности — только 30,9 %. Абсолютный рост продукции тяжелой промышленности с 1 745 990 тыс. иен в 1931 г. до 5 158 140 тыс. иен в 1935 г., т. е. почти на 200 %, является наиболее показательным в этих цифрах¹. Хотя нужно ввести некоторые поправки на изменение цен, но не приходится сомневаться в том, что эти цифры свидетельствуют о значительном росте тяжелой промышленности.

До начала войны в Европе продукция текстильной и других отраслей легкой промышленности под давлением необходимости увеличения экспорта для получения иностранной валюты продолжала возрастать. Доходы от экспорта продукции легкой промышленности, подкрепляемые продажей значительного количества золота и серебра, обращались на милитаризацию экономики. После 1937 г. приток капиталовложений в еще большей степени направляется на производство вооружений и в другие, имеющие военное значение отрасли промышленности. Сокращение касалось в первую очередь промышленности, снабжающей население Японии предметами потребления, а не промышленности, работающей на экспорт. Однако с разворачиванием агрессивных действий Японии экспортные возможности неуклонно

¹ Статистические данные министерства торговли и промышленности, приведенные в *China Incident and Japan, China Incident Series*, № 3, Tokyo, 1937 г.

сокращались. Этот процесс завершился в июле 1941 г. англо-американско-голландскими мерами по замораживанию японских фондов, введенными в ответ на проникновение Японии в южный Индо-Китай. В конце периода 1937—1941 гг. экспорт текстильных и иных товаров легкой промышленности неуклонно сокращался. Производство перемещалось в тяжелую промышленность, переживавшую период расширения и снабжавшую японскую армию и флот все большим количеством готового вооружения.

Рост тяжелой промышленности

Сравнительные данные об изменениях структуры промышленности в течение 1937—1941 гг. чрезвычайно скудны, но после начала войны на Тихом океане некоторые факты стали яснее. В марте 1942 г. председатель правления концерна тяжелой промышленности Мицубиси Киёси Гоко отмечал, что в 1939 г. на долю текстильной промышленности приходилось только 20% общего выпуска всей промышленности против 40% в 1931 г. Поскольку наибольшее сокращение экспорта текстильных товаров произошло после 1939 г., это сравнение весьма существенно. В той же статье Киёси Гоко также утверждал, что химические товары в то время (вероятно, в начале 1942 г.) составляли приблизительно 20% общей продукции промышленности. Производственные возможности металлургической и машиностроительной промышленности, писал он, соответственно в 13 и в 11 раз превышали уровень 1931 г.¹

Цифры инвестиций дают, правда, лишь общее представление о направлении процесса развития, но они заслуживают внимания, если учесть, что увеличение капитала происходило в производстве вооружений и развитии смежных отраслей тяжелой промышленности. Для собственно Японии общая сумма новых вложений капитала с середины 1937 г. до середины 1941 г. составляла

¹ Цитировано газетой *Japan Times and Advertiser*, 11 марта 1942 г. из статьи Гоко «Будущее японской тяжелой промышленности», помещенной в журнале «Кайдзо», март 1942 г.

17 106 млн. иен¹. Масштабы этого процесса развития показывает следующая таблица увеличения капитала важнейших японских промышленных компаний (в млн. иен)²:

	КАПИТАЛ	
	Объявленный	Оплаченный
Июнь 1936 г.	10 183 . . .	4436
Июнь 1937 г.	12 393 . . .	5052
Июнь 1938 г.	14 619 . . .	5953
Июнь 1939 г.	17 095 . . .	6693
Июнь 1940 г.	21 910 . . .	8273
Июнь 1941 г.	27 289 . . .	9431

Эти данные показывают изменения, происходившие в японской экономике до начала войны на Тихом океане. За первые одиннадцать месяцев 1942 г. новые вложения капитала составили 5027 млн. иен. Однако наиболее резкие изменения структуры японской промышленности относятся к 1943—1945 гг. В середине 1943 г. были ассигнованы крупные фонды для осуществления широкой программы «конверсии промышленности». Входящая в эту программу «тотальная мобилизация экономических ресурсов» практически не осуществлялась до 1944 г., когда она была тесно согласована с расширением производства в авиапромышленности, осуществление которой было возложено в основном на министерство вооружений. Мы уже касались этих мероприятий, которые в порядке осуществления закона о компаниях военной промышленности затрагивали 574 предприятия³. Нет никакого сомнения в том, что для этих выделенных компаний в 1944—1945 гг. министерством вооружений была проведена полная мобилизация всего промышленного оборудования. Широкое изъятие оборудования и рабочей силы коснулось главным образом текстильной и пищевой промышленности, но в известной мере изъятия затронули

¹ Кроме того, за эти пять лет было вложено примерно 10 млрд. иен в Маньчжурии, Китае, Корее и на Формозе, причем не вся сумма вложений падает на промышленные предприятия.

² *Japan Times and Advertiser*, 6 мая 1942 г.; цитировано из журнала «Даямондо» от 1 мая 1942 г.

³ Общее число выделенных компаний, включая предприятия в Корее и на Формозе, намного превышало число 574.

даже и второстепенные элементы химической и металлообрабатывающей промышленности.

К исходу 1944 г. выпуск продукции легкой промышленности составлял небольшую часть всей промышленной продукции. Был сохранен лишь самый жесткий минимум. Главнейшей особенностью, определявшей всю японскую экономику, стала господствующая в ней военная промышленность, концентрировавшаяся вокруг производства стали и легких металлов, производства вооружений, авиастроения и судостроения.

Косвенные показатели этой перестройки можно найти в сообщениях о распределении национального дохода в Японии, обычно появлявшихся при рассмотрении новых бюджетов. В 1941/42 финансовом году из общего национального дохода приблизительно в 40 млрд. иен на долю гражданского потребления пришлось 17 млрд. иен. В дальнейшем соответственными цифрами были 15 млрд. из 45 млрд. в 1942/43 г.; 13 млрд. из 50 млрд. в 1943/44 г. и 11 млрд. из 65 млрд. в 1944/45 г. Таким образом, на долю гражданской экономики, поглощавшей в 1941/42 г. 42,5% национального дохода, в 1944/45 г. пришлось только 18,5%¹.

С одной стороны, это резкое уменьшение потребления характеризует масштаб жертв, вырванных у японского народа, и оказывается еще более значительным при учете роста цен, недостатке товаров и ухудшении их качества. Но не менее очевиден и другой момент: степень изменения структуры японской промышленности за предшествующие четыре года. Значительная часть тех 144 млрд. иен, которые были получены в течение 1941—1945 финансовых годов, была влита в военную промышленность. В 1944/45 г. продукция военной промышленности — т. е. по существу тяжелой промышленности, — составляла более четырех пятых всего промышленного производства Японии.

Организация японской промышленности, в смысле системы административного контроля, претерпела столь же глубокие изменения. До начала войны на Тихом океане крупные монополистические предприятия дзай-

¹ Финансовый год в Японии исчисляется с 1 апреля по 31 марта.

бацу функционировали, по существу, как автономные единицы, не связанные ни друг с другом, ни с государством никакой эффективно воздействующей административной властью. В 1944/45 г. выделенные предприятия, охватывавшие важнейшие секторы промышленной экономики Японии, развивали свою деятельность под руководством министерства вооружений, на основе закона о военно-промышленных компаниях. В 1944 г. была, наконец, создана относительно эффективная система руководства экономикой с соответствующим централизованным контролем *, но тогда уже невозможно было компенсировать растрату производственных усилий в решающий период 1942/43 г. Этот дефект в управлении экономикой, быть может в большей степени, чем это обычно считают, послужил причиной как неспособности Японии развивать в 1942 г. свои первоначальные военные успехи, так и одной из причин поражения в войне на Тихом океане.

Дальнейшее усиление дзайбацу

Но наиболее важным было еще одно следствие происшедших изменений, которое само по себе не было чем-то новым, а скорее являлось завершением уже весьма давнего процесса. За время войны на Тихом океане в громадной степени возросла мощь, сконцентрированная в руках крупнейших монополий, а следовательно, и политическое и экономическое влияние дзайбацу. Этому в огромной степени содействовали все те тенденции, которые с необходимостью развиваются в экономике, в которой развитие промышленности подчинено задаче обеспечения современной войны. Приведенные в этой работе данные о процессе концентрации как в финансовой, так и в промышленной области являются существенными, но ни в коей мере не полными показателями того, что произошло. Лидеры деловых кругов не только полностью использовали благоприятную

* В данном случае, как и в ряде других, Биссон переоценивает реальное значение «регулирующих» мероприятий японского правительства. — *Прим. ред.*

для них ситуацию, они также добились поддержки со стороны государства для дальнейшей картелизации японской экономики. Положения эдикта об ассоциации важнейших отраслей промышленности, предусматривавшие создание отраслевых контрольных ассоциаций, были по существу продиктованы деловыми кругами и намеренно направлены на «округление» их картелей. Статьи закона о военно-промышленных компаниях были тщательно сформулированы таким образом, чтобы обеспечить необходимую централизацию административного контроля, но в то же время сохранить за частными монополиями оперативное управление предприятиями и предоставить им дальнейшие возможности поглощения более мелких предприятий.

В этом центральном вопросе все детали настолько ясны, что никакого сомнения возникнуть не может. Правительство не налагало своего контроля против воли монополистов, но действовало на условиях, установленных дзайбацу, и в желаемом для последних направлении. Милитаристы смогли в еще меньшей степени навязывать свою волю лидерам деловых кругов. Вся история взаимоотношений Тодзио и дзайбацу до и после начала войны на Тихом океане опровергает возможность противоположного заключения. В жестокой борьбе, начавшейся с требования Тодзио предоставить ему чрезвычайные полномочия и окончившейся соглашением, приведшим к возможности начать 15 января 1944 г. деятельность министерства вооружений, дзайбацу добились и добились безусловной победы. В конце этого периода в длившейся целый год упорной борьбе дзайбацу проводили маневр, который без всякой натяжки можно назвать итальянской забастовкой. Если генеральный штаб сухопутных и морских воздушных сил настаивал на сохранении за собой административного контроля над осуществлением расширенной программы производства в авиапромышленности, включающей мобилизацию японских промышленных гигантов, то монополисты это просто не интересовало. Они проявили желание вступить в игру только тогда, когда административная власть была передана министерству вооружений, которое контролировали их люди и которое осуще-

ствляло свои функции в рамках закона о компаниях в военной промышленности, вполне их устраивавшего. Их победа была еще более закреплена в июле 1944 г., когда Енай и Койсо сформировали новый кабинет, в котором министром вооружений стал Фудзивара.

Главенствующее положение группировки деловых кругов в правящей олигархии Японии установилось не во время войны. В действительности оно нашло свое полное выражение уже в кабинетах, существовавших в период до и после вторжения в Маньчжурию 18 сентября 1931 г. и вплоть до нападения на Пирл-Харбор. В этот период выбор монополистов остановился на Тодзио, которого они считали наиболее надежным и эффективным инструментом для завоевания «великой Восточной Азии» силой оружия. В то время искусственное раздувание тяжелой промышленности и еще большая концентрация капитала монополий, в стимулировании которой государственная власть весьма щедро предоставляла свою помощь, только укрепили и расширили господствующее положение, занимаемое дзайбацу в управлении Японией.

Проблемы будущего

С поражением Японии промышленная система, являющаяся важнейшей основой силы деловых кругов, оказалась в весьма значительной степени ослабленной. Полное поражение, вместе с тем, лишило японскую промышленность исключительного контроля над сырьем в колониальных владениях — в Корее, Маньчжурии, на Формозе и в Китае.

Однако эти факторы по существу не изменяют давно назревшей задачи наблюдения за тем, чтобы японским монополистам не было предоставлено возможности восстановить свою силу в послевоенные десятилетия. Если им (японским монополистам) все же будет предоставлена возможность сохранить свое положение в ослабленной экономике Японии, то вокруг них, как вокруг центра, сгруппируются все те элементы, которые будут искать возможности снова вернуться к борьбе за создание империи. Если, кроме того, будет сохранен и старый бюрократиче-

ский государственный аппарат и ему будет дана возможность действовать на основе конституции 1889 г., что равнозначно и сохранению императорской власти, то налицо будут все предпосылки для возобновления японской агрессии по старым образцам. Устранить милитаристов и оставить в неприкосновенности эти элементы японской олигархии — значит повторить ошибки, совершенные в отношении Германии после первой мировой войны.

Слабость японских монополистов в конце войны представит в высшей степени благоприятную возможность для осуществления мероприятий, которые послужат гарантией того, что подавляющее влияние монополистов в японской экономике не сохранится. Однако эти мероприятия могут быть эффективными только в том случае, если в Японии произойдет полная политическая перестройка — и при полной поддержке со стороны народа. Их нельзя успешно осуществить при политической системе, которая сохраняет конституцию 1889 г. и старую бюрократию. Прежде всего необходимо ликвидировать эти институты и дать возможность свободно избранному японским народом учредительному собранию заложить основы нового, демократического режима. Только при таком режиме можно разработать и осуществить мероприятия по подлинной национализации крупной промышленности, национализации, которая освободит страну от власти дзайбацу и откроет возможности для развития такой Японии, которая сможет вступить в нормальные и мирные взаимоотношения с другими народами.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья	5
Предисловие автора	51
Введение	58

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В УСЛОВИЯХ „НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ“ (1940—1941 гг.)

Глава I. ПОТРЕБНОСТЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ КОНТРОЛЕ	71
Глава II. ПРОБЛЕМА КОНТРОЛЯ	80
Глава III. ПЛАНЫ ДЗАЙБАЦУ В ОБЛАСТИ КОНТРОЛЯ	90
Глава IV. «ПЛАН ХОСИНО»	111
Глава V. ЭДИКТ ОБ АССОЦИАЦИЯХ В ВАЖНЕЙШИХ ОТРАСЛЯХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	121

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КРИЗИС В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ (1942—1943 гг.)

Глава VI. ПОЛНАЯ КАРТЕЛИЗАЦИЯ	144
Глава VII. ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ МЕРЫ	163
Глава VIII. РЕОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОРГАНОВ	190

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МИНИСТЕРСТВО ВООРУЖЕНИЙ ПРИ ТРЕХ КАБИНЕТАХ (1944—1949 гг.)

Глава IX. ПЕРЕДАЧА КОНТРОЛЯ НАД ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ МИНИСТЕРСТВУ ВООРУЖЕНИЙ	211
Глава X. АПОГЕЙ МИНИСТЕРСТВА ВООРУЖЕНИЙ	220
Глава XI. КОНЦЕНТРАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОЩИ	234
Глава XII. НАЗРЕВАНИЕ КРИЗИСА	247
Глава XIII. ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ	264
Глава XIV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	290

Редактор *С. Стам.*
Техн. редакторы *Н. Грищенко*
и *А. Дронов.*
Корректор *К. Иванова.*

Сдано в производство 29/VIII 1949 г.
Подписано к печати 5/XI 1949 г.
А14725. Печ. л. 18³/₄. Уч.-издат. л. 16,2.
Формат 84×108¹/₃₂. Издат. № 6/589.
Цена 15 р. 70 к. Зак. 5285.

4-я типография им. Евг. Соколовой
Главполиграфиздата при Совете
Министров СССР. Ленинград,
Измайловский пр., 29.

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
71	12 сн.	жестокой	жесткой
92	5 св.	или разделение	разделение
104	10 „	Хосино	Хосино.
123	8 „	пришедшей	приведшей
150	14 сн.	накопление	накоплении

© ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА ЯПОНИИ ©

ЦЕНА 15000р.